

Лев Лузин

МИГРАНТЫ

**Челябинск
2008**

УДК [947+957]”19”-054.7
ББК 63.3(2Рос)-2
Л83

Лузин, Л. Н.
Мигранты / Лев Лузин. — Челябинск : ООО «Автограф», 2008
(Челяб. Дом печати, 2008). — 256 с., [16] л. ил.
Агентство СІР Челябинской ОУНБ.

Основу книги публициста Льва Лузина «Мигранты» составляют проблемные очерки «Мигранты» и «Мигранты-2». В них анализируются политические, экономические, идеологические, психологические и прочие причины, побуждающие людей уезжать из постсоветского Казахстана в Россию и из России в США и на Запад. Автор использует богатый фактический материал, в тексте много личных наблюдений и переживаний. Факты жизни журналиста стали фактами его творчества. «Все мы мигранты на этой земле, — пишет он. — Сначала переселяемся в мир из тьмы вечности, в конце пути вновь уходим в неизвестность. А в перерывах между перемещениями ищем место, где нам тепло, где нас любят». В книгу также вошли портретные очерки, зарисовки и интервью разных лет (их героев можно назвать мигрантами духа: они показаны в конфликте, в действии, переходят из одного состояния в другое, развиваются и растут как личности) и размышления автора на болевые общественно-политические темы, в которых сделан акцент на поиске Россией своей цивилизационной идентичности. В этом смысле она тоже страна-мигрант, и все россияне — мигранты.

ВСЕ МЫ МИГРАНТЫ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ...

Здравствуйте, дорогие читатели! Книга «Мигранты», которую вы держите в руках, сложилась естественно, как сама жизнь. Я не писатель, никогда не старался издать что-то под твердой «корочкой» — для самореализации хватало публикаций в прессе. К тому же не раз видел, что даже самые талантливые газетные материалы, собранные в книгу, не становились этой самой книгой. В ней не было какого-то стержня, не просто актуальной, а существенной идеи. Понимая это, я не

замахивался на большее, хотя еще студентом факультета журналистики УрГУ пытался осилить жанр очерка. На четвертом курсе даже получил за свои старания премию Свердловской областной организации Союза журналистов, а мой практический диплом так и назывался — «Очерк в газете». Но в «Уральском рабочем», где в то время публиковался и проходил практику, меня называли «последним из могикиан»: реальная редакционная жизнь уже тогда, в середине 80-х, почти не оставляла места для этого «полухудожественного» жанра. А с началом перестройки и всяческих реформ пошла «сплошная лихорадка буден», все силы стали отнимать актуальные, острые материалы. «Для души» приходилось писать по остаточному принципу. Однако жизнь все-таки распорядилась по-своему. Появилась тема, не затрагивать которую я уже не мог, и совладать с ней можно было только с помощью старого доброго очерка, временно отложенного в сторону. Впрочем, трагический распад СССР и драматический переезд из Казахстана в Россию — это не просто тема, а сама жизнь. Я не просто ощутил себя в контексте времени, а понял, что молчать нельзя, факты моей судьбы стали фактами творчества.

...Все мы мигранты на этой земле. Сначала переселяемся в мир из тьмы вечности, в конце пути вновь уходим в неизвестность. А в перерывах между перемещениями ищем место, где нам тепло, где нас любят. Порой делаем это до конца дней своих. Без движения жизнь остановится. И в

какой-то момент я понял, что все люди, с которыми встречался в своем жизненном «путешествии», ставшие героями моих очерков и зарисовок, — тоже своего рода мигранты. Каждый из них по-своему интересен, каждый ищет себя в этом переменчивом мире, и не просто переживает конфликты, куда-то переезжает, к чему-то стремится, а переходит из одного состояния в другое, духовно растет. Когда составлял сборник, некоторые опытные издатели коммерчески успешного чтения советовали не включать в него эти очерки и зарисовки. Я так поступить не мог: их герои очень много для меня значат, не имею права их предавать. В книгу также вошли мои размышления на основополагающие российские темы. Естественно, они не претендуют на какую бы то ни было исследовательскую, научную объективность. Это просто рефлексии российского человека конца XX — начала XXI века, неравнодушного к происходящему в стране, вся история которой связана с процессами переселения. «Наша история открывается тем, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат, — пишет выдающийся историк и мыслитель Василий Ключевский в своей книге «Русская история». — Притом по условиям своей исторической жизни и географической обстановки славянское население распространялось по равнине не постепенно, путем нарождения, не РАССЕЛЯЯСЬ, А ПЕРЕСЕЛЯЯСЬ, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали его жизни особое направление, особый склад и характер.» В XIX—XX веках русские люди переселялись в Казахстан. А я, выходит, стал частичкой обратной волны этого переселения. Наш народ изначально, по природе своей находится в постоянном движении. Не только пространственном, но и временном, идейном поиске своего пути развития. В последнее столетие этот поиск вылился в миграцию от монархизма и авторитаризма к демократии и либерализму и туда, где непостижимым образом соединяются эти несоединимые вещи. Естественно, вместе с ищущей страной ищут себя и ее люди. Я рад, что мне удалось внести по-

сильный вклад в понимание болевых общероссийских тем. В первую часть книги вошли проблемный очерк «Мигранты», портретные очерки, зарисовки и размышления автора. Они могут считаться скромным штрихом картины нашего переменчивого времени. По большому счету, это не более чем (но и не менее!) документы эпохи, подготовить которые было «поручено» мне...

Автор

Верность традиции очерка

Когда-нибудь историки методично исследуют факт распада СССР и дадут всему случившемуся объективную оценку. Нам же не дано судить о произошедшем холодно и спокойно. Ведь еще кровоточат раны разорванных уз — дружеских, семейных, экономических, культурных. Но это не значит, что мы не должны делать попыток — пусть субъективных и не всегда выверенных — разобраться в происхождении. Такую попытку проанализировать положение русского и русскоязычного населения в постсоветском Казахстане сделал сотрудник газеты «Челябинский рабочий» Лев Лузин.

Сам в недавнем прошлом житель соседнего государства, он написал очерк «Мигранты» (шесть газетных публикаций), где сделал серьезную попытку разобраться в экономических, политических, социальных и духовных причинах, побуждающих казахстанцев бросать все и ехать в Россию. Публикация этой серии материалов получила широкий резонанс среди рядовых граждан и политиков не только в Челябинской области. По отзыву председателя интеграционного комитета СНГ Нигматжана Исингарина (бывшего первого вице-премьера Казахстана), это первая публикация в российской прессе, автор которой не навешивает ярлыки, а стремится объективно и глубоко разобраться в происходящих процессах. По единодушному решению жюри Льву Лузину присуждена первая премия.

Анатолий УСОЛЬЦЕВ,
собкор «Российской газеты», председатель жюри областного творческого конкурса на лучшую журналистскую работу 1997 года

(«Челябинский рабочий», 14 января 1998 года).

Уважаемый Лев Николаевич! Сердечно поздравляю с присуждением Вам премии, учрежденной Российским союзом промышленников и предпринимателей совместно с Союзом журналистов РФ. Сегодня, когда Россия переживает трудные времена, Вы проявили критический и конструктивный подход, внесли конкретные предложения, направленные на реальное реформирование российского общества. Ваше слово несло правду, заставляло задуматься над тем, куда идет Россия и какие средства следует использовать для выхода из кризиса. От всей души желаю Вам новых творческих успехов, настойчивости и смелости в Вашей работе, крепкого здоровья, счастья в личной жизни.

С искренним уважением Президент Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий ВОЛЬСКИЙ.

(Из приветственного письма лауреату премии Союза журналистов России по итогам 1997 года).

Я ни разу не посчитал нужным ударить по рукам кого-то из журналистов. Льва Лузина я всегда считал и продолжаю считать одним из лучших наших журналистов.

(Из интервью вице-губернатора Челябинской области Константина БОЧКАРЕВА газете «Уральские общественные ведомости», 21 августа 2003 года).

Не скрою: когда Союз журналистов России объявил прием материалов на первый — после многих лет молчания — Всероссийский конкурс на лучший очерк, ждали открытий... Наверное, впервые за полтора десятилетия организаторы рискнули предложить состязание в области жанра. Причем не просто жанра, а той самой формы, которая на протяжении десятилетий, если не веков, оставалась чем-то вроде визитной карточки российской журналистики и публицистики, ее отличительной приметой, славой и гордостью... Материалы, отмеченный жюри как лучшие, демонстрируют очень хороший уровень — прежде всего верность традиции российского очерка... Очевидно, что в журнале очерку привольнее, чем в газете, и объемнее... Но публикации Александра Скрипова и Льва Лузина в «Челябинском рабочем» или Александра Степанова в «Родной газете» подтверждают, что и газетная полоса для них — место вполне подходящее.

Надежда АЖГИХИНА, секретарь Союза журналистов России.

(Журнал «Журналист», сентябрь 2004 года).

Мы только что узнали, что бывший корреспондент «КН», а ныне заместитель главного редактора газеты «Челябинский рабочий» Лев Лузин, получил правительственную телеграмму за подписью российского министра культуры и массовых коммуникаций А. Соколова. Искренне рад, — говорится в ней, — поздравить с присвоением почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Благодарим Вас за заслуги в области культуры...»

В свою очередь, мы искренне рады профессиональному росту своего коллеги. Лев Лузин пришел к нам выпускником журфака Уральского университета, от нас ушел на повышение — редактором городской газеты «Кустанай». Уехав в Челябинск, не потерялся на новом месте. Поднимался по карьерной лестнице, получил общенациональные премии за журналистские работы. И вот новая высота, новый прыжок! «Не скрою, Указ Владимира Путина о присвоении этого звания для меня — своего рода вежа, — сказал Лев Николаевич по телефону, — и мне приятно, что за меня радуются коллеги в Кустанае».

Молодчина, Лев, мы с тобой!

(Газета «Кустанайские новости», 9 июня 2005 года).

Президент РФ Владимир Путин подписал Указ о присвоении звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» заместителю главного редактора областной газеты «Челябинский рабочий» Льву Лузину. В правительственной телеграмме министр культуры и массовых коммуникаций России Александр Соколов выражает журналисту благодарность «за заслуги в области культуры» и желает осуществления «всех планов, крепкого здоровья и неиссякаемой энергии».

К радости челябинцев не могут не присоединиться абатчане: почетное звание получил наш земляк. Лев Лузин — из Болдырево. Он родился 1 августа 1962 года. В 1979 году окончил Абатскую среднюю школу, работал весовщиком в совхозе «Болдыревский», худруком сельского Дома культуры. В 10-м классе начал публиковаться в «Сельской нови». С января по август 1980 года работал в нашей газете — корреспондентом отдела сельского хозяйства и фотокорреспондентом. Затем поступил на факультет журналистики УрГУ. После его окончания — корреспондент, заведующий отделом областной газеты «Кустанайские новости», глав-

ный редактор городской газеты «Кустанай» (Казахстан). С 1996 года — в «Челябинском рабочем». Лев Лузин — лауреат трех премий Союза журналистов России, победитель Всероссийского конкурса под эгидой Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Он совладелец медиа-фирмы, издающей «Челябинский рабочий» и еще четыре газеты, член попечительского совета челябинского детского дома 2, входит в жюри журналистских конкурсов, читает лекции на факультете журналистики ЧелГУ.

Редакция газеты «Сельская новь» поздравляет коллегу и земляка с присвоением высокого звания и желает ему дальнейших творческих успехов.

(Газета «Сельская жизнь», Абатский район Тюменской области, 21 июня 2005 года).

Лев Лузин — очень уважаемый человек в журналистской среде нашей области, и притом — мой однофамилец. Стоит признать, что он — лучший пример любому из региональных журналистов, со своей историей, карьерой, настоящей журналистской! Ведь именно такие люди пишут о том, что интересно не москвичам, а нам с вами.

Мария ЛУЗИНА

(Газета ЧелГУ «Университетская набережная», 19 декабря 2007 года)

МИГРАНТЫ

После распада СССР
из Казахстана в Россию
хлынул людской поток

1. РАЗЛОМ

Остановка на границе

Итак, через 11 лет я возвращаюсь жить в Россию. Неподалеку от Троицкого таможенного поста прошу остановить машину. Хочется немного отдохнуть, осмыслить происходящее. Рядом ходят загорелые южные дальнбойщики, поедают шашлыки веселые люди из иномарок. Все довольно буднично, и мои высокие мысли кажутся неуместными. Нелепо здесь рассуждать о том, что стоишь не просто на географической черте, а на разломе империи...

Этот разлом прошел через сердца и души миллионов советских людей, оставшихся после декабря 1991 года за пределами России. Не все они готовы открывенничать на эту тему. И потому я, журналист, чувствую себя обязанным выразить переживания «ближнезарубежников». Тех, кто, пытаясь приспособиться к новым реалиям, остался жить за границей, и тех, кто рискнул тронуться с насиженного места.

...Ветер перекачивает через дорогу растение перекаати-поле. Жизнь как будто подбрасывает символы. Почему же я все бросил? Почему уехал из ставшего родным Кустаная, оставил друзей, любимую газету? Зачем оставил самый ценный капитал человека — репутацию — и поехал туда, где для большинства — полный ноль? Почему другие уезжают сейчас оттуда, где в советское время было уютнее, теплее и сытнее, чем в среднестатистической России? Чтобы ответить на эти «простые» вопросы, придется проанализировать жизнь Казахстана после подписания Беловежского договора. Сразу оговорюсь: я пишу не научный трактат, а журналистский очерк. И потому не претендую на истину в последней инстанции.

Беловежский сюрприз

Что бы ни говорили о неизбежности, закономерности распада СССР, в глазах миллионов казахстанцев Борис Ельцин (вместе с Леонидом Кравчуком и Станиславом Шушкевичем) был и останется человеком, лишившим их Родины. Богатство России прирастало новыми территориями. А ее первый президент взял и отказался от них. Загадочна ты, русская душа...

Когда вместо Михаила Горбачева с новым 1992 годом нас поздравил Михаил Задорнов, было довольно забавно. Какое-то время мы даже любили поиронизировать, что теперь иностранцы. Но вскоре стало не до шуток.

В 1992 году начали создаваться атрибуты независимого государства Казахстан — флаг, герб, гимн, страну приняли в ООН. Казахи выражали бурный восторг, а русскоязычные пребывали в каком-то оцепенении и по-настоящему во все это не верили, по инерции считая, что живут в СССР. Летом 1992 года Верховный Совет Казахстана принял решение о выделении больших кредитов селу. Техники все накупили столько, сколько не приобретали за год в советское время (с тех пор, кстати, не делалось массовых закупок). Конечно, это были эмиссионные деньги. И, естественно, «старший брат» (точнее — сестра) с этим согласиться не мог — центр, где принимается решение о печатании денег, должен быть один. Видимо, тогда в России и было задумано вывести Казахстан из рублевой зоны. Это понимал и дальновидный президент Казахстана Назарбаев, который задолго до объявления денежной реформы разместил в Германии заказ на печатание казахстанской валюты — тенге.

Август 1993 года. Мы с семьей отдыхаем у мамы, Людмилы Андрияновны Лузиной, на моей «малой» Родине — в Тюменской области. Приехал брат Сергей, другие родственники. И тут объявляют об изъятии денежных знаков советского образца. Нам удастся поменять деньги, но отпускного настроения как не бывало — мучает вопрос: а что будет в Казахстане? Прервав отпуск, возвращаюсь в свою газету. Опасения оправдываются: хлынула лавина советских дензнаков, вызвавшая совершенно безумную инфляцию и дичайший рост цен. Такая катавасия длится почти всю осень. Наконец, в середине ноября Назарбаев объявляет о вводе тенге и радостно демонстрирует новые деньги с экрана телевизора. Обменяв их по грабительскому курсу (1:500), мы отмечаем, что выглядят они довольно прилично. Но возникает масса неудобств: предприятия не могут платить своим партнерам в Россию, родители не знают, как

послать деньги детям-студентам, и т.д. Встряска для всех капитальная, но об отъезде пока думает меньшинство. И вот прошло почти четыре года. С кем бы сейчас, приехав в Кустанай, ни встретился, у всех одна мысль — куда бы уехать...

Россия нас бросила...

Люди, привыкшие жить на своей земле, никуда не уезжая, вдруг оказались в иной стране. Для многих это стало тяжелой психологической травмой. Многие понимают: живые связи с Россией были и будут, их никакими суверенитетами не порвешь. Но все равно неуютно.

Обыватели обсуждают начальство: кто сколько наворовал и сбежал, кто строит «запасной аэродром» и собирается сбежать. Казахи таких «бегунов» не любят. Спецслужбы и правоохранительные органы пытаются воспрепятствовать этому процессу. Но всех не удержишь и не пересажаешь. Расставаясь друг с другом, люди плачут. Плачут по родной земле. Но все равно уезжают. Остающиеся себя успокаивают: будет лучше, не может же здесь все остановиться. Но появляется возможность — и они уезжают.

Ходят, как легенды, рассказы о том, как недавно встретились Ельцин и Назарбаев (к этим встречам — повышенное внимание, все наивно ждут — а вдруг решат объединяться). Назарбаев, говорят, предложил Ельцину пойти с Казахстаном на белорусский вариант, а тот якобы ответил: ну ты же все предприятия распродал иностранцам, вот вернешь — тогда поговорим.

Но основная часть людей не верит ни во что. Обижена и на Россию, и на Казахстан. И живет по инерции в Советском Союзе. Русским чиновникам новые порядки не нравятся, но они терпят, поскольку делать больше ничего не умеют и никто их, научившихся только ловко звонить по телефону и подносить бумаги, в Российской Федерации не ждет. И у всех в голове пульсирует безысходная мысль: России мы не нужны, она нас предала...

Попытки духовной адаптации

Неважно чувствуют себя на обломке империи русские интеллигенты. Некоторые пытаются адаптироваться к новому раскладу. Бывший собкор «Литературной газеты» Александр Самойленко, например, пытается осознать себя

гражданином суверенного Казахстана. По его мнению, политическое первородство России будет изживаться очень долго. «Пройдет очень много времени, пока Москва и Алматы научатся жить, как Париж и Лиссабон, — рассуждает он. — И России надо помочь изжить имперскую болезнь. А это возможно только укреплением собственной независимости. Каждодневным приучением России разговаривать с нами на «вы». И при этом не надо покрикивать на Россию, на российскую прессу. Мудрый политик должен понимать, кто пока солженицынский теленок, а кто дуб. И не надо подергивать тигра за хвост, тигр ранен, он разъярен. И с ним надо осторожно обращаться, чтобы сберечь себя, в том числе и меня, гражданина не России, а Казахстана. Я коренной казахстанец, мой дед тут похоронен, я начался здесь в XVIII веке. Когда заварилась эта каша, я решил, что для меня важны мои друзья, моя среда, зорька на охоте... Я вернусь на страницы какой-нибудь большой газеты только тогда, когда почувствую сопричастность с этим новорожденным государством, когда во мне появится нормальный патриотизм, а сейчас нет».

Позиция довольно показательная. Человек пытается ужиться с новыми реалиями. Но за размеренностью суждений нельзя не уловить в его душе какую-то неудовлетворенность, переходность. Такое состояние близко к внутренней эмиграции. К духовной неустроенности у творческой интеллигенции добавляется житейская. Русский театр в Кустанае влачит жалкое финансовое существование. Отчаявшись, группа актеров написала письмо президенту Ельцину, в котором просила приютить их где-нибудь в России. Мы опубликовали его в своей газете. Шум поднялся нешуточный. Ты понимаешь, наставлял меня, молодого редактора, высокий чин из областной администрации, как это истолкуют в России? Скажут, что в Казахстане притесняют русский театр, а на самом деле в бюджете просто нет денег. Наивный, в России письмо актеров никто и не заметил. А то, что в новом суверенном государстве плохо живется не только русскому, но и всем театрам — это правда.

Из истории Казахстана

Обретение независимости породило споры о том, сколько лет казахской государственности. Одни ученые утверждают, что казахи и их предки насчитывают «две с по-

ловиной тысячи лет непрерывной национальной государственности». Другие ограничивают этот период четырьмя веками. А кто-то (в основном бывшая советская номенклатура) считает, что Казахстан обрел государственность только в 1936 году вместе с принятием сталинской конституции. Это, конечно, крайность.

В энциклопедии говорится определенно: классовое общество возникло на этой территории в III—I веке до нашей эры (Кангуй). В середине VI—VIII веков существовали Тюркский каганат, государства тюркшей, карлуков, в IX—XII веках — государства огузов, карханидов. В XI — начале XIII веков территория пережила нашествие сельджуков, киданей, монголо-татар. В конце XV века образовалось Казахское ханство, которое делилось на жузы. К началу XVI века в основном сложилась казахская народность. В XVIII веке младший и средний жузы добровольно приняли российское подданство. С присоединением старшего жуза в 60-е годы XIX века все казахские земли вошли в состав России (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская области и части Семиреченской и Сырдарьинской областей).

Советская власть установлена на этой земле в ноябре 1917 — феврале 1918 года. Гражданская война закончилась в марте 1920. 26 августа 1920-го года в составе РСФСР образована Киргизская АССР. В 1921—1922 годах проведена земельно-водная реформа. В результате национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924—1925 годах все казахские земли объединились. С 5 декабря 1936 года Казахстан — союзная республика.

Многонациональной республика становилась постепенно. После крестьянской реформы 1861 года началась массовая миграция российских крестьян в восточные районы. В поисках лучшей жизни они десятками, сотнями тысяч направлялись на целинные земли Казахстана. Ехали русские, украинцы. Селились, взаимодействовали с «аборигенами». Еще один поток вызвала столыпинская аграрная реформа. В тридцатые годы депортировали дальневосточных корейцев, а во время Великой Отечественной войны — немцев Поволжья, чеченцев и ингушей. Всех казахи приютили и обогрели.

И, наконец, целина. Интересно, что в Челябинской области было подано 6000 заявлений с просьбой направить на освоение целинных и залежных земель. Кроме организованного переселения, существовало еще и неорганизо-

ванное, когда молодые люди сами ехали в малонаселенные районы. С 1958 по 1968 год в области в связи с этим зарегистрировано отрицательное сальдо миграции.

Настольной для казахских интеллигентов стала выпущенная недавно в Москве книга литератора Мурада Аджи «Полюнь половецкого поля». В ней утверждается, что русская история написана неверно, что многое из того, что приписывается русским, на самом деле совершили... кипчаки (это один из казахских жузов). Много спорят, добровольно присоединился Казахстан к России или принудительно. А, дойдя до советского времени, утверждают, что в эти годы казахов только репрессировали, морили голодом и т.д. Но то, что именно в советское время республика сделала прорыв в своем развитии, отрицать просто неумно. Россия направляла туда все — людей, технику, средства. В добровольно-принудительном порядке в республику ехали не только рабочие, но и работники культуры, здравоохранения и т.д. А сейчас они и их дети в растерянности...

Ползучая «казахизация»

Поражает поверхностное представление россиян о процессах в Казахстане. Как только узнают, что приехал оттуда, пренебреженно задают дежурный вопрос: ну что там, сильно казахи русских зажимают? Сразу становится скучно, вспоминаются публикации или передачи «в защиту соотечественников» в российских СМИ — поверхностные, схематичные, рикошетом бьющие как раз по тем, в защиту кого пишутся или снимаются.

Солженицын, помнится, в «Комсомолке» нашумел своим эпохальным творением «Как нам обустроить Россию?», высказав претензии на северные территории Казахстана. Это вызвало в республике очень болезненную реакцию. В 1994 году в Кустанае, во время встречи писателей России и Казахстана, только мудрость Чингиза Айтматова (он был российским писателем на этом саммите) помогла остановить гнев казахских литераторов в отношении откровенного политического литератора Льва Тимофеева. Но Александр Исаевич, конечно, на голову выше прочих защитничков, извергающих в адрес казахстанских властей зауценные обвинения в национализме, затирании русских и притеснении казачества (по российским СМИ чередой прошли некий атаман Гунькин, северо-казахстанский жур-

налист Сапрунюк и другие). По их логике все просто и ясно: в Казахстане власти — сволочи, а в России — молодцы. В Казахстане все плохо, а в России хорошо. На самом же деле все не так одномерно.

...Мой добрый знакомый Серик, узнав, что уезжаю, спросил: «Ну что, Лев, значит, ты беженец?» И столько в его словах было обиды, досады. С точки зрения казахстанского патриота (среди таковых не только казахи), отъезд равносителен предательству. Ход рассуждений примерно такой. Мы жили вместе, работали, растили детей. Это наша общая земля, общая Родина. Цените это, будьте с нами и в трудную минуту, становитесь настоящими казахстанцами, ведь Россия вас, по сути дела, бросила. Да и не оторветесь вы от нее, нам Богом предписано жить рядом, по-добрососедски...

Если ты не законченный идиот, если имеешь душу и сердце, ты никогда не плюнешь на такое доброе отношение. За ним проглядывается и определенный рационализм, ибо все — и власти, и рядовые люди (за исключением разве что отпетых националистов, которые есть у каждой нации) — понимают, что без русскоязычных специалистов с кризисом в Казахстане не справиться. А они почувствуют себя комфортно только тогда, когда не будет разговоров о какой-то исключительности и приоритетности казахского этноса.

Прямо скажем, такие речи, особенно среди национальной интеллигенции (многие ее представители, к слову сказать, получили блестящее образование в престижных московских вузах, а теперь смотрят на белокаменную косо), возникают довольно часто. Оно и не удивительно: создание суверенного Казахстана не могло не породить рост социальных притязаний образованных казахов. Посчитав себя обделенными на родной земле, они стали исподволь стремиться к завоеванию доминирующего положения. Политическая элита уловила такое настроение и стала использовать. Русскоязычное население пытается этому противостоять, но получается у него это как-то вяло. Созданные общественные движения имеют наилегчайший политический вес, а все попытки высказаться за придание русскому языку (наряду с казахским) статуса государственного, ввести для русскоязычных двойное гражданство воспринимаются властями в штыки. Достичь этого не удалось и, видимо, не удастся. Но даже такое робкое заявление о себе возымело свое действие. Власти Казахстана стали действовать менее наступательно и более завуалированно.

Но это не значит, что в стране отказались от построения этнократического государства. Просто делается теперь все не рывками, а постепенно. Плавно и ненавязчиво в жизнь и быт «вползает» все казахское (об этом — ниже). Впрочем, плавно получается не всегда. Главы администраций (акимы) сейчас состязаются в строительстве мечетей. Им приоритет, а церкви — как бы на втором месте. В Кустанае, например, еще в 1993 году торжественно заложили православный храм, но дальше котлована дело не пошло. Святое место превратили в отхожее... Шел разговор о передаче под церковь кинотеатра «40 лет Казахстана» (реконструировать дешевле), но и этот вариант «зарубили»...

Кто теперь «старший брат»?

Некоторые казахские ученые начинают делить казахстанцев по категориям. Член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан, директор института философии Абдумалик Нысынбаев, выступая на одном из научных форумов, высказался примерно в таком духе: Казахстан населяют основной казахский народ и более ста национальных диаспор, поэтому его считают полиэтническим обществом. При этом противоречие между казахскими и русскими этносами определяет динамику общественного движения. Возникает естественный вопрос: коли есть «основной народ», значит, есть второстепенные? Смущает и слово «диаспора» применительно к русским. Как-то на пресс-конференции у бывшего премьер-министра Казахстана Сергея Терещенко спросили о русской диаспоре, он помолчал, а потом заявил, что это не диаспора. Действительно, не вяжется это слово к русским. Они не кучка какая-то, не диаспора, культуру которой основная нация должна беречь. Они сами привыкли быть на этой земле основной нацией. И поэтому с недоверием воспринимают умствования Нысынбаева, который говорит, что у казахского человека нет желания доминировать над ними, что «душа его, как и всегда, бескорыстна, терпелива...» Историческая миссия казахов, согласно его теории, в том, чтобы «создать новую философию жизни, дать новое дыхание всем народам, помочь им найти ту духовную глубину, ширину и гибкость, которая объединит всех нас в единую семью». Такие рассуждения, естественно, не добавляют оптимизма. Какие бы теоретические построения ни придумали

мывали сейчас создатели новой казахстанской идеологии, лучше советской «крыши», на мой взгляд, они ничего не придумают. И никогда в Казахстане не будет, как в Америке, где все, независимо от разреза глаз и цвета кожи, — американцы. Смешно, если бы меня вдруг начали называть казахом русского происхождения. Так что о единой общности — казахстанском народе — в условиях суверенитета говорить, как мне кажется, бесперспективно. Казахи будут постоянно хотеть быть чуть равнее, чем все остальные. А все остальные в душе с этим никогда не согласятся, хотя внешне, скорее всего, станут проявлять лояльность. И все будет просто терпеть друг друга. И не более того.

2. НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

«Обрезание» российских каналов

Желая вывести свой народ из-под мощной информационной и пропагандистской зависимости от России, вожди Казахстана идут на урезание российских телеканалов. В ноябре 1996 года, сразу после подписания межправительственного соглашения о порядке распространения телерадиовещательных программ сторон на территории друг друга, под предлогом недостаточного финансирования в Казахстане была прекращена трансляция канала РТР. Но ссылкам на экономические причины никто не верит. Понять логику властей, конечно, можно. Когда во время предвыборной агитации по «ящику» выступал Жириновский, мы, казахстанцы, смотрели его «концерты» с большим интересом. Все ждали, что Вольфович скажет про северные области Казахстана. И он говорил. Не удивительно, что на время его выступления ТВ отключали, делались ответные заявления.

Конечно, «сын юриста» допускал явные передержки, оскорбления. Чего стоят его пассажи о том, что Назарбаев бежит в шортиках, изображая из себя европейца. Все понимают, что Жириновский — политический клоун, но порой кажется, что в России его придумали специально, чтобы время от времени озвучивать мысли, которые официальные лица высказать не могут. Но ведь по российским каналам показывают не только Жирика. Для русского человека, живущего сейчас за пределами России, телевиде-

ние не просто забава, а способ связи с матерью Родиной. И потому люди делают все, чтобы эта связь не прервалась. Местные телекомпании изыскивают возможности для показа программ новых московских каналов. Властям не нравится и это. И тогда они объявили тендер на выкуп частот, на которых телекомпании уже работают. Те обращаются к своим зрителям, просят собрать вымогаемую государством сумму всем миром. Весной в Алматы (так теперь правильно называется Алма-Ата) прошел этот самый тендер. И только в четырех областях он признан состоявшимся. Девять областей не участвовали. Многие, в том числе кустанайцы, не были допущены, так как по условиям конкурса должен быть хотя бы один конкурент, а такового не оказалось.

Сплошь и рядом закрываются частные радиостанции. «Маяк» в Кустанайской области теперь слушают только в областном центре, да и там на него налагаются передачи местной радиостанции «Азия»... На государственном телевидении наращивается объем вещания на казахском языке (свыше 50 процентов) и радио (около 70 процентов). Наблюдатели сходятся во мнении, что из всех телерадиокомпаний в эфире останутся только лояльные властям. А потом, видимо, возьмутся и за газеты.

...Вечер 30 мая 1997 года. По всем каналам транслируется «Хабар» — официальная информационная программа из Алматы (руководитель — дочь президента Назарбаева Дарига). Не желаете смотреть передачи из столицы независимого государства Казахстан — заставим...

Государственный язык и гражданство

Без соответствующего образования идеологически выверенных граждан не воспитать. Поэтому неудивительно, что в независимом Казахстане неуклонно увеличивается количество казахских национальных школ (за пять лет оно возросло с 2768 до 3302). Одновременно сокращается число русскоязычных школ. Для строительства новых зданий денег нет, поэтому используется то, что имеется в наличии. Как правило, русскую школу просто выселяют. В Кустанае, например, 10-ю школу имени Кирова переселили в 12-ю, а в освободившееся помещение перевели казахскую. Тут же был демонтирован памятник Сергею Мироновичу во дворе.

Коммерческие телекомпании заставляют делать выпуск новостей на казахском языке. Расширяется преподава-

ние на «основном» языке в вузах. Лишь в 20 из 65 государственных высших учебных заведений страны оставлены отделения с обучением на русском языке. В марте 1996 года введен упрощенный порядок отказа казахов от русских аффиксов в фамилиях (был, предположим, Шаяхметов, стал Шаяхмет). Неказахи тоже могут пойти по этому пути (то есть, как в Латвии, где Баранов теперь гордо пишется Барановс). В апреле 1996 года президент Назарбаев заявил о необходимости доминирования казахского языка, задуман его перевод на латинский алфавит. Одобренная в ноябре 1996 года концепция языковой политики предусматривает введение перечня государственных должностей, занятие которых невозможно без знания государственного языка. Возни вокруг этого было много. В конце концов в принятом законе сроки изучения языка должностными лицами не указываются. Спустили вопрос на тормозах. Но в самое ближайшее время он, уверен, всплывет вновь.

С применением языка до смешного доходит. Читал как-то бывший премьер-министр Сергей Терещенко (в свое время им «размахивали», как знаменем, — мол, знает человек государственный язык) доклад на казахском, так все мои друзья-казахи чуть со смеху не попадали. Зачем, спрашивается, коверкать язык, делать из людей клоунов? У меня дочь казахский сызмальства в школе учила (о чем мы, конечно, не жалеем, так как знание любого языка обогащает), знает много слов, играет с подружками-казашками. Просто, естественно входит в нее язык. А со взрослыми дядями и тетями лучше не экспериментировать.

А вообще, если освободиться от «имперского мышления», логику строительства нового независимого государства понять можно. Вы представляете себе Россию без русского языка, а Англию — без английского? Да, закрыли 327 из более чем 2500 русских школ, но зато открыли 220 смешанных и 90 казахских. В северных областях появились десятки классов, групп и факультативов с углубленным преподаванием украинского, немецкого, турецкого, польского и других языков. Все это, повторяю, можно воспринять спокойно, если смириться с тем, что русские теперь в Казахстане — не представители главной нации, а такие же, как все... Но мы, русские, с таким раскладом мириться не очень любим.

31 декабря 1995 года истек срок определения казахстанцами своей гражданской принадлежности. С января 1996 года все, кто постоянно проживал в Казахстане до марта

1995 года, автоматически записаны гражданами Республики Казахстан. Да, никто не мешал прийти и написать заявление об отказе. Но люди не делали этого, они в то время просто не осознавали, что происходит. И в одно прекрасное утро проснулись иностранцами. А теперь их настойчиво заставляют получать суверенные паспорта...

Переименования, тои, нравы

Еще одной чертой новой идеологии стали переименования улиц, населенных пунктов и географических объектов по национальному принципу. Порой это делается абсурдно. Не успели с размахом отметить юбилей Джамбула Джабаева (помните: «Ленинградцы, дети мои!»), как тут же переименовали город Жамбыл (Джамбул) в Тараз. Денег на смену вывесок у государственных органов, как правило, нет, но националистически настроенные предприниматели выделяют их из своей кассы без разговоров — так было в Кустанае, когда центральный проспект Свердлова после долгих баталий между русскоязычными и казахскими депутатами (все давно забыли, что Свердлов сейчас как бы развенчан, но тут не до сути) удалось-таки переименовать в проспект Абая.

Еще одна составляющая — поиск национальных героев. Абзацы о всевозможных батырах вставляются в доклады чиновников. И забавно смотреть, как секретарь областного маслихата (представительный орган власти) — русская тетенька — читает все это с трибуны. С другой стороны, казахские националисты небезосновательно возмущаются, что их дети по старым учебникам изучают то, как русские побеждали их предков (кто, спрашивается, мешает написать и издать новые учебники). А жузы соревнуются в проведении юбилеев своих именитых сородичей. Вспоминают батыров, великих поэтов, мудрецов и устраивают страшно дорогие тои (праздники) по поводу не всегда круглых дат. Кичатся, а многие порой их произведений и не читали. Строят в степи целые города из юрт, тянут за несколько километров электроэнергию, воду. В Кустанайской области по поводу юбилея писателя Майлина гуляли три дня.

Праздники, замечу, для казахов вообще имеют большое значение. И номенклатура, сначала советская, а теперь и суверенная (что практически одно и то же) активно эксплуатирует эту национальную особенность, превращая доб-

рое дело в фарс. Любят старшие товарищи подчеркнуто уважительное отношение и не замечают, что оно зачастую лицемерно, вымучено. Любят льстить в глаза. Тосты произносят по многу минут — обстоятельно, нудно... Сидение за праздничным столом — один из основных способов культурного досуга казахов — новый «истеблишмент» превращает порой в культ. Свои должности директора могут «обмывать» месяцами. Если кого-то приглашают в гости, мяса на столе должно быть не меньше пяти килограммов. Есть обычай — бросать перед гостями горсти конфет. Видел, как не избалованные лакомствами сельские ребятишки выхватывали сладости из-под ног высокопоставленных гостей. Это считается нормой. Нормой считается и приглашение в гости начальников. При этом все ненавязчиво подчеркивают, что это все по-дружески. Любят в Казахстане дарить подарки, причём дорогие. В декабре 1992 года в составе делегации области ездил с визитом дружбы в Джезказган (по всей республике был объявлен гостевой день). Всем нам подарили по южнокорейскому магнитофону, не считая других вещей. Многие вещи принято решать «неформально», в обход правил. А руководить всем может не тот, кто сидит в руководящем кресле, а какой-нибудь мелкий клерк из старшего жуза. Он может послать куда подальше даже министра, если тот из младшего жуза.

В республике не затихают разговоры о том, что север кормит юг. Тут большая доля правды. Северяне, например, перечисляют южанам 30 процентов от собранных средств пенсионного фонда. Еще одно подтверждение мысли — присоединение отсталых районов бывшей Тургайской области к Кустанайской. Власти кустанайцев успокаивают: пенсионеры не пострадают. Но зачем тогда присоединяли? При этом южные казахи не признают северных, считают их обрусевшими, всячески притесняют. В армии не дедовство, а землячество. Избивают всех северян. Поехали кустанайцы на конкурс тележурналистов в столицу и вернулись ни с чем. И все понимают, что дело тут совсем не в качестве передач.

Один казах из Тургая говорил мне, что в их районах надо ставить руководителями кого угодно, только не казахов, чтобы не имел ни сватьев, ни братьев. Но, с другой стороны, у этой нации надо поучиться помнить своих предков до седьмого колена.

Многие русские, немцы, прожившие всю жизнь среди казахов, сами становятся на них похожи. Известный казахстан-

ский писатель немец Герольд Бельгер, выросший в ауле, как-то признался, что в душе считает себя тюрком. Такое уникальное сочетание, взаимопроникновение разных культур очень интересно. Плохо только, что зачастую эту уникальность писателей Мориса Симашко и Ивана Щеголихина и других начинают использовать в политико-идеологических целях...

Власть и межнациональные отношения

В мире известны три пути развития многонациональных государств. Первый — существование государства с преимущественными правами одного титульного этноса. Это возможно, когда титульная нация близка к 100 процентам. Второй путь — политическое обособление, федерализм. Этот подход в новом Казахстане мог бы устроить часть русского населения. Но в республике живет много других народов. Ряд ученых считает, что лучший вариант для РК — создание культурных автономий. Они обеспечат равные права всем этносам. Но ни о какой автономии президент Назарбаев и слышать не желает.

Позиция казахстанских властей выглядит жизнеутверждающе: все у нас в сфере межнациональных отношений стабильно и гармонично. Особое изобретение президента — Ассамблея народов Казахстана. Именно она помогла ему поставить вопросы о необходимости проведения референдума о продлении своих полномочий до 2000 года и о новой конституции, принятой тогда, когда в стране не было парламента. Хотя, по природе своей, Ассамблея вообще не должна заниматься политикой — в ней представлены национально-культурные центры.

Высокий уровень миграции власти объясняют исключительно экономическими причинами. По мнению некоторых российских аналитиков, наиболее существенными причинами выезда русских из Казахстана, наряду с экономическими, являются изменения этнополитической ситуации и национально ориентированная кадровая политика. В последний тезис я бы внес уточнение. Не верьте тем, кто говорит, что на все посты в Казахстане стараются ставить казахов. Это говорят люди, не затрудняющие себя отслеживанием реальной ситуации. Да, в последнее время число казахов среди руководителей неуклонно увеличивается. Но назначают не только «коренников», но и представителей других национальностей. В последнее время, как мне по-

казалось, на особо сложные посты попадают именно русские (не об этом ли говорит пример назначения министром социальной защиты Натальи Коржовой, генеральным прокурором — Степана Шуткина и т.д.). Работать государственным руководителем в Казахстане сейчас не очень сладко, поэтому из образованных и умных казахов в начальство особо никто не рвется.

3. ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

Референдумы и перенос столицы

1995 год войдет в историю Казахстана как год победоносного наступления Нурсултана Назарбаева по всем фронтам государственного строительства (в отличие от своего белокаменного коллеги Нурсултану Абишевичу для этого не пришлось стрелять из пушек: Восток — дело тонкое). Вот вехи его побед: роспуск Верховного Совета, референдумы о продлении полномочий президента до 2000 года и по новой конституции, а затем — декабрьские выборы парламента. Все это приходилось наблюдать очень близко. Перед референдумом о продлении своих полномочий Назарбаев объявил показательную войну взяточникам и казнокрадам — другого конька у него просто не было. Но он сымитировал борьбу с коррупцией блестяще. Помню, и мы в своей газете, дабы аким города (учредитель) заработал политические очки, выступали против строительства коттеджей новой номенклатурой.

Смею утверждать, что сокрушительная победа Назарбаева была запрограммирована, поскольку председателями участковых избирательных комиссий были директора предприятий, школ и прочих организаций, а членами — их подчиненные. При обсуждении проекта конституции наша газета высказала несколько замечаний. Нам попеняли: негоже, мол, государственной газете выступать против проекта президента (такое вот «обсуждение»). Много можно вспомнить эпизодов (то, например, как ко мне в кабинет приходил человек из самой компетентной организации), но, боюсь, это российским читателям уже не очень интересно. Именно такое триумфальное шествие президента дало главный импульс мыслям о переезде в Россию.

А работы по переносу столицы из Алматы в Акмолу (в

переводе — белая могила, очень «удачное» название для центра государства) меня просто обескуражили. В стране нет средств на самые насущные нужды (об этом — ниже), и в это время ее президент не находит ничего «остроумнее», как взять и отстроить новую столицу. Все возмущались, когда Назарбаев строил в Алматы свой дворец, покупал «Боинг», но понимали — надо держать марку. Но перенести столицу? Да он что, спятил?! Не потянет этого экономика республики. Но потом я понял, что Назарбаев смотрит намного дальше. И стало страшно. Столицу решено перенести не потому, что Алма-Ата расположена в сейсмоопасной зоне (там здания строились по особой технологии), и не потому, что она расположена не в географическом центре республики (мало ли столиц мира находится «на окраине»). Нет, при переносе столицы во главу угла ставились соображения совсем иного порядка. Стратегически это очень точное решение. Главная цель — не дать России возможности посягнуть на северные области. Согласитесь, когда в одной из северных областей расположится столица, сделать это будет намного сложнее. Точнее говоря — просто невозможно. При малейших «имперских» поползновениях можно поднять на весь мир такой шум! Перенеся столицу, президент освободится и от зависимости от южных кланов. Для решения этих сверхзадач Назарбаев готов выдавить из республики последние соки.

Местная власть

Трудно стало властвовать в Казахстане, особенно на местах. Решили недавно в Кустанае заменить русского акима, а никто на его место идти не соглашается. Даже честолюбивые казахи. Мне пришлось близко наблюдать работу этого мэра последние четыре года. В самых невероятных условиях Василию Корневу удавалось обеспечить жизнедеятельность города. Задача не для слабонервных: как подать газ на ТЭЦ и в жилые дома, не погасив долги? И таких «заморочек» — десятки, сотни. Но, как бы то ни было, жизнь в городе все равно катится вниз. Летом кустанайцы привыкли жить без горячей воды (человек привыкает и к плохому, и к хорошему). По автобусным маршрутам курсируют одни частные КАВЗики (как маршрутки), а автобусы парка стоят на приколе — нет денег на ремонт и бензин. О покупке новых автобусов вообще речи нет. Свет отключа-

ют — тоже привычно, горожане пользуются свечками, керосинками. Дороги в городе ужасные. В седьмом микрорайоне несколько лет стоит недостроенный корпус школы...

Все время удивлялся, откуда у мэра силы, чтобы изо дня в день упорно биться лбом в стенку. На людях Корнев всегда демонстрировал оптимизм, но в последнее время это у него получалось не очень удачно. Не каждому российскому чиновнику, прямо скажу, по силам ноша казахстанского акима, у какого-нибудь переучившегося демократа после нескольких встрясок наверняка опустились бы руки. Пишу об этом не для того, чтобы прославить в России бывшего мэра Корнева (его все-таки сняли), а чтобы показать всю абсурдность суверенитета, обособленности в деловой плоскости. Все сейчас в Казахстане держится не на расчете и стратегии, а на самоотверженности акимов, на административных вожжах. Поэтому они и позволяют себе в качестве компенсации приворовывать, а Алматы (центр) смотрит на это сквозь пальцы — лишь бы верными, преданными были.

А казна государства все пустеет. Республика перекладывает решение едва ли не всех насущных вопросов на места. Нет былых кредитов на осеннюю закладку овощей, нет фондов на хлеб и т.д. Выкручивайся, господин аким, как можешь. Но при этом не может быть и речи об укреплении «суверенитета» областей: Казахстан — унитарное государство.

Все понимают, что акимы — заведомые козлы отпущения. Когда социальная напряженность в обществе достигает критической отметки, их отдают на публичное заклатие. Прилюдной порки главы могут избежать при одном условии — если в регионе будет социальная стабильность. Это у властей, похоже, теперь едва ли не единственный показатель в работе — по всем остальным параметрам они давно сели в лужу. И потому, защищая последний редут, идут на все — на хитрость, на запугивание, на обман. На все... Укрепив власть своего президента серией референдумов, заручившись «поддержкой» народа, акимы теперь больше всего народа и опасаются. И хотят одного: чтобы он не выходил на улицы и ничего не требовал.

Фнаско оппозиционера-трибуна

Самым ярким оппозиционером в Казахстане был, по общему признанию, депутат из Кустаная, бывший строитель Владимир Чернышев. Колоритный (бородастый, с гро-

моподобным голосом), он не просто позволял себе говорить президенту «ты» (что его, конечно, не красило), но умудрялся, работая в Контрольной палате Верховного Совета, проникать в такие дебри, что поневоле возникало опасение за его жизнь. Два разгона парламента Чернышев воспринял в штыки — митинговал, объявлял голодовки, просил политическое убежище в России. Его дважды избивали в подъезде дома неизвестные личности. А на последних парламентских выборах власти сделали все, чтобы «народный прокурор» (так Чернышева окрестили журналисты) не прошел в депутаты. Пройдя после выборов все судебные инстанции, Чернышев написал президенту письмо. Приведу выдержку из него: «Гражданин Президент!.. Я убедился в том, что судебная система в нашем государстве антинародная, а государственный строй является неограниченной монархией. Одновременно информирую Вас, что до сих пор являюсь депутатом Верховного Совета Республики Казахстан первого созыва... Чем провинился народ Республики Казахстан перед Вами и Вашей командой, за что Вы его так не любите?.. Как только получу ответы на эти вопросы, сразу же покину территорию этого «правового» государства, так как играть по вашим правилам я больше не намерен».

Есть ли в Казахстане цивилизованная оппозиция?

Но наиболее опасной для себя оппозиционной силой президент Назарбаев считает не «горлопана» Чернышева, а гражданское движение «Азамат» (в переводе — «гражданин»). Его сопредседатели Мурат Ауэзов (бывший посол в Китае, сын известного писателя Мухтара Ауэзова) и Петр Своик (бывший председатель антимонопольного комитета республики) имеют четкую программу действий и консолидируют представителей всех национальностей. Оба заслужили нелестные характеристики из уст президента, а на Своика еще и уголовное дело завели. Партии в республике не играют той роли, что в России, им даже не было позволено участвовать в парламентских выборах по партийным спискам. Профсоюзы вынуждены, в силу своего положения, придумывать какие-то акции, но они больше похожи на ритуальное сотрясение воздуха. По мнению Петра Своика, если президенту не удастся найти положительного, цивилизованного разрешения внутривнутриполитических про-

блем, то следует ожидать скорой радикализации как организаций, отражающих чаяния русскоязычного населения, так и казахских националистических сил. В результате Казахстан будет ввергнут в длительный застой.

Но, повторяю, всем ясно, что президент не допустит формирования дееспособной оппозиционной силы. На 30 марта 1997 года готовилась всеказахстанская акция протеста. Генеральный прокурор вынес предупреждение: за оскорбление президента ораторы будут привлекаться к ответственности. Готовится законопроект о привлечении за оскорбление президента к уголовной ответственности. С другой стороны, идет прикармливание оппозиционеров должностями. А раз нет настоящей оппозиции, то многие пласты информации остаются закрытыми для прессы и общества. Пытались как-то журналисты популярнейшей независимой газеты «Караван» узнать, кому были розданы валютные кредиты под гарантии государства («налево» ушли миллионы долларов), но бесполезно. Правда, посовещавшись, власти назвали пару козлов отпущения.

Казахстан и геополитика

Вы знаете, что Казахстан по площади территории занимает в мире девятое место? Если нет, то знайте. Как и всякой новорожденной стране, РК хочется иметь какие-то привлекательные изюминки для создания своего имиджа. Но их не так много, как хотелось бы. Невыгодно прежде всего внутриконтинентальное положение страны: удаленность морских путей и международных транспортных артерий. Это побуждает строить такую внешнюю политику, чтобы быть хорошими для всех и вся. Премьер-министр Акежан Кажегельдин (его называют казахстанским Гайдаром) как-то заявил, что республика «не будет разделительным щитом между Западом и Востоком, а станет соединяющим мостом». По его словам, у «страны есть собственные интересы в различных регионах мира, свой взгляд на международные проблемы», и «казахстанская внешняя политика является не евро-, не азиатско-центристской, она направлена на установление дружественных и равноправных связей со всеми странами». Исходя из этого, Казахстан нацелен на получение выгоды и от членства в СНГ, и от развитых стран, и от мусульманского мира. Поиск контактов с богатыми странами можно расценивать как давление

на Россию, которая во внешнеторговом обороте Казахстана занимает все меньшие объемы. Мусульманские государства — Турция, Иран, Пакистан, Афганистан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Индия и Китай — подталкивают РК к интеграции со среднеазиатскими республиками вне рамок СНГ. Их стратегическая цель ясна — свести на нет влияние России в регионе. И, похоже, республика готова играть на этом интересе мусульманского мира, извлекать из этого для себя какую-то выгоду. Такой флирт за спиной России у русскоязычного человека не может не вызвать протеста.

Военная доктрина Казахстана

Все аналитики сходятся во мнении, что ключевой страной в Центральной Азии (и по численности населения, и по географическому положению, и по внутренней стабильности) является Узбекистан. А отнюдь не Казахстан, который в этом смысле более зависим. С юга у него Китай, с севера — Россия. Оба эти слона могут и раздавить. Поэтому военная доктрина Казахстана находится в стадии разработки. И, видимо, долго еще будет в ней пребывать. Вооруженные силы Казахстана насчитывают около 68 тысяч человек: сухопутные войска — 46,8 тысячи, военно-воздушные силы — 19 тысяч, военно-морские силы (есть и такие!) — три тысячи. Последние только формируются, на их вооружении — один малый гидрографический катер. Казахстан имеет гарантии безопасности от ряда ядерных держав — России, США, Великобритании и Китая. В качестве механизма сдерживания России от шагов, способных нанести ущерб национальной безопасности, в ходе визита в республику в 1994 году министра обороны США У.Перри рассматривалась возможность заключения российско-казахстанского пакта о ненападении (согласитесь, сама постановка вопроса выглядит как-то странно).

Ряд аналитиков считает, что граница с Китаем практически открыта. Китайцев на юге республики очень много. Это ли не потенциальная угроза безопасности?

Есть мнение, что определенная угроза безопасности России может появиться в ходе дальнейшего развития Казахстана как самостоятельного независимого государства, поскольку его становление в 20—30-х годах носило, по некоторым оценкам, искусственный характер и не соответ-

ствовало сложившимся в регионе историческим, этническим и географическим особенностям.

В январе 1995 года президенты России и Казахстана подписали в Москве ряд соглашений, включающих положение о формировании объединенных вооруженных сил. Ряд зарубежных аналитиков считает, что таким образом Назарбаев стремится «спасти свое президентство и обеспечить республике возможность дальнейшего становления в качестве независимого государства, пожертвовав для этого малой частью своего суверенитета». Вооруженные силы республики находятся в чрезвычайно сложной ситуации. Финансирование ВС идет на уровне одной трети от запланированного, офицеров не хватает... Как заявил один из высших руководителей Министерства обороны РК на заседании парламента, существует риск потери войск вообще. Можно ли спокойно жить в такой стране?

4. ПИКИРУЮЩАЯ ЭКОНОМИКА

Падение до естественного уровня

Глядя на то, как все, что было построено и создано за годы советской власти, либо сокращается, либо разваливается, нельзя не удивиться длительности этого процесса. Это как же добротнo все было сделано, если так долго рушится. Воспринимал все это как катастрофу. Но потом понял, что отправная точка в моих рассуждениях неверна. «Танцевать» надо не от советского времени, а от потенциала страны. И тогда становится понятно, что у Казахстана потенциал именно для такой жизни. Будет бедно, плохо, но все это мелочь по сравнению с суверенитетом. Пусть будет вот такая убогая, но независимость. Осознав это, я понял, что предела падению в этой стране нет. Большая доля промышленности, сельского хозяйства создана в Казахстане искусственно. Естественное развитие идет, когда материальные и финансовые ресурсы появляются на той или иной земле сообразно экономической логике, расчету, а не чьей-то воле, когда, наконец, люди едут в этот край, руководствуясь собственными мотивами, а не добровольно-принудительно, по комсомольской или еще какой-то путевке. Суверенитет, как бы больно это ни было осознавать, все расставил по своим местам. Сейчас идет логичный процесс

падения до реального для этой местности (при такой политике) экономического уровня. Казахи, как умеют, строят на этой хлипкой основе свою государственность. Было бы удивительно, если бы они не стали этого делать, получив из рук трех славянских чудаков свою независимость.

Без поддержки «ненавистой» Москвы посевные, уборочные и отопительные кампании превращаются в настоящие битвы, в которых год от года все больше потерь (прошлой зимой, например, разморозили областной центр Кокчетав). Внутреннее производство, включая базовые отрасли, продолжает деградировать. Падает все — нефтепереработка, электроэнергетика, газовая и угольная промышленность, общий грузопоток.

Кто откроет кладовую?

По экономической теории, Казахстан — страна с первичной экономикой (добывающая промышленность и сельское хозяйство), это как бы огромная кладовая разнообразных полезных ископаемых. По объему валового внутреннего продукта (ВВП) республика находится на 53-м месте в мире и сравнима с Грецией, Норвегией, Сирией, Марокко. По производству ВВП на душу населения — с Колумбией, Таиландом. При полной экономической изоляции страна способна выпускать лишь 27 процентов конечного продукта, в то время как ее вклад в конечный продукт бывшего СССР в 1989 году составил три процента.

В 1994 году экономика Казахстана пережила самый глубокий спад за годы независимого развития. Розничные цены на потребительские товары возросли в 19,8 раза. Розничный товарооборот официально зарегистрированных предприятий сократился наполовину. Уровень доходов населения стал значительно ниже, чем во многих государствах СНГ. Среднемесячная заработная плата в Казахстане составила на апрель 1994 года 23,8 доллара (в России — 94, Туркмении — 57,7, Узбекистане — 39,6).

По мнению экономистов, промышленность сейчас держится на безденежном натурообмене и неуплате налогов, потребительский рынок — на импорте, взятках, неучтенной наличке и чужой валюте.

Рост общего объема продукции достигнут лишь за счет увеличения сырьевого экспорта, в основном — нефти, добыча которой поднимается. Но большую часть нефтедол-

ларов «челноки» отвозят обратно, поскольку своя легкая промышленность пребывает в очень нелегком положении.

Во всех отраслях промышленности доля работников коренной национальности не превышает 10 процентов. Если тенденция к миграции не затухнет (а к этому нет объективных предпосылок), то перспектива у независимого Казахстана весьма туманна. Правда, промышленные рабочие и инженерный корпус сейчас, можно сказать, превращаются в крепостных: лишены средств, они не могут никуда уехать и обреченно существуют на стоящих предприятиях. Многие небольшие города Казахстана, зависящие от градообразующих предприятий, сейчас на грани вымирания, многоэтажные дома стоят полупустые — люди их покинули...

Чтобы оживить в Кустанае завод химического волокна, власти искали инвесторов повсюду (фигурировала даже фамилия Иосифа Кобзона), но все тщетно. Несмотря на то, что завод уникальный, никто не желает идти в зону экономической неустойчивости. Камвольно-суконный комбинат — гордость города в советское время — сейчас сегментируется, идет массовое сокращение работников.

У комбината железобетонных изделий на месте потребителей нет (строительство практически замерло), пробовали найти их в России, но оказалось, что за границей железобетон дешевле. Дизельный завод вел бесконечные переговоры с УразАЗом, в результате — ноль (миасцы не согласились делить акции с Казахстаном), сейчас с завода увезли поршневую линию...

По данным упоминавшегося выше Петра Своика, с 1993 года в республике освоено лишь 6897,9 миллиона долларов иностранных инвестиций — на два порядка меньше реальной потребности и на порядок меньше, чем вывезено из страны.

Жилищно-коммунальная реформа в республике началась гораздо раньше, чем в России. И не от большого реформаторского ума, просто у государства нет денег на дотации в эту сферу. Нет их и у населения. В результате — огромные долги.

Распродажа, передача в управление

Чтобы доказать, что суверенная экономика может жить без России, многие предприятия передаются в руки зарубежных фирм (зачастую — малоизвестных). Механизм

здесь прост. Предприятие продается не сразу. Сначала оно отдается в управление в обмен на договор, по которому управляющая структура обязуется выплатить долги рабочим и вложить некие инвестиции в производство. А затем фирма-управитель получает право выкупа предприятия за символическую сумму. Многие эксперты считают, что такая «политика привлечения инвестиций в экономику страны» принесла больше вреда, чем пользы. Зарегистрированная на Вирджинских островах Japan Chrome Corp всего за 36,8 миллиона долларов США получила контрольный пакет акций концерна «Казаххром», обеспечивающего 95 процентов поставок этого металла в Советском Союзе (именно поэтому наш ЧЭМК вынужден теперь искать партнеров для поставки хрома в Турции). Некая малоизвестная фирма Ivedon International за 46 миллионов долларов купила богатейшее Соколовско-Сарбайское горно-обогатительное объединение (в Кустанайской области). Контрольный пакет акций Павлодарского алюминиевого завода приобрела компания Whiteswan Ltd за 20 миллионов долларов. Акционерным обществом «Джезказганцветмет» (экспорт производимой на нем меди давал около 70 процентов валютных поступлений республики!) владеет теперь Samsung. Ну и так далее. Все базовые отрасли постепенно попали под зависимость транснациональных корпораций. Они гасят долги по зарплате, а потом часть работников сокращают, отказываются содержать объекты соцкультбыта.

Выкупив энергосистему Алматинской области (это уникальный случай, ведь энергетика — естественная монополия и государство обычно не выпускает ее из своих рук) по цене, которая в сто раз меньше номинальной стоимости, бельгийцы тут же повысили тарифы. И не отрицают, что хотят иметь от своего приобретения прибыль. Но их аппетиты оказались горожанам не по силам. Из-за неуплаты отключают электричество. Звоню минувшей зимой своему другу, а он сидит без света. Есть намерение вообще всю республиканскую энергетику передать в зарубежные руки. Пока реализовать это не получается (может, и к лучшему). Тендер, в котором участвовали британская и швейцарская компании, не удался, их смущает неплатежеспособность потребителей.

Сельское хозяйство

Средняя урожайность зерновых культур в республике — одна из самых низких в мире. Знаменитый казахстанский миллиард пудов собирали за счет площадей, вкладывая в землю огромные ресурсы (о цене целинного хлеба до поры до времени говорить было не принято). У кустанайцев тут собственная гордость, они считают, что их хлеб может повлиять на мировые цены. Но это вызывает сомнение. В прошлом году аким области решил не сбавлять цену, держал ее какое-то время, но покупатели просто проигнорировали область. По оценкам экспертов, Казахстан — рядовой поставщик зерна. Россия, как оказалось, может обойтись без его хлеба, закупая где угодно, даже в Аргентине. Как бы в ответ на это Казахстан приобретает сельскохозяйственную технику не в России, а за океаном. В один из майских приездов видел, как через Кустанай переняли американские комбайны «Джун дир». Зелененькие, быстрые, с электронными навигаторами в кабине (их наши механизаторы обрывают, чтоб не мешались)...

Село сейчас кормит животноводство. Большая часть крупного рогатого скота попала под нож (в Кустанайской области — 46 процентов). Скоро начнут доедать вторую половину. Селяне давно уже не получают «живых» денег. Держат на подворье скот и с его помощью как-то выкручиваются (Не раз встречал в Челябинске кустанайских мужиков, продающих мясо. А поезда, следующие из Кустаная в Челябинск, наполовину заполнены симпатичными молодыми казашечками с огромными флягами сметаны). Корма механизаторам пока дают, но многие их воруют. Весной кустанайцы долго не могли закрыть влагу, сплошь и рядом не хватало семян. Посевные площади в области уже сокращены с 4 миллионов 270 тысяч до двух миллионов...

А в прилегающем к Кустанайщине Тургае скот вырезали почти весь. И тургайцы устремились на север. 20 казахских семей, например, прибыло в Москалевку Семиозерного района. В одной такой семье 30 человек, из них только три работника — в основном пастухи. Люди приезжают раздетые-разутые, а у директора жилья нет — оно все приватизировано, хозяева уехали в поисках лучшей доли и оставили его, не найдя покупателей. В последнее время, говорят, дано негласное указание селить тургайцев в такие дома.

В целом по республике в сельском хозяйстве товарность снижена на 8,3 процента. А индустриальное крупнотоварное производство практически разрушено. Население и

фермеры (натуральное хозяйство) дают сейчас две трети производства мяса, 85 процентов молока, 42 процента яиц. Сельчане теперь наделяются земельными паями. В условиях экономической нищеты и административно-правового беспредела, считают многие экономисты, это будет формировать земельные латифундии и превращать основную массу сельского населения фактически в крепостных.

До свидания, Москалевка...

Старинная Москалевка в Семиозерном районе была одним из самых благоустроенных уголков Кустанайской области. Бывал там в советскую пору. Особняки, двухэтажки со всеми коммунальными удобствами, объекты так называемого соцкультбыта. А сейчас... С начала 1997 года село покинули 44 семьи — столько, сколько за весь прошлый год. Это примерно 200 человек — десятая часть жителей. Отдельный дом там стоит не больше 20 тысяч тенге (около полутора миллионов рублей). А квартиры в двухэтажных домах, которые раньше считались престижными, и вовсе ничего не стоят. Их теперь отапливают с помощью буржук — центральная котельная из-за перебоев с электроэнергией дышит на ладан (с углем в казахстанских селах постоянная напряженка, а если в округе есть леса, их начинают вырубать). Куда сельчане уезжают? В основном в Россию. Один скотник перебрался в Челябинскую область, за ним потянулись другие москалевцы.

Когда-то в хозяйстве насчитывалось 12 тысяч голов КРС, теперь — немногим более четырех тысяч. Раньше засевали полтора — два десятка тысяч гектаров пашни, в этом году — шесть—семь...

5. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

Образование в Казахстане

Через несколько лет мои дети закончат школу и будут поступать в вузы. «Куда?» — спросил я самого себя еще в Кустанае. Учебные заведения Казахстана объективно слабее российских, их диплом не конвертируется. А придется поступать в Россию, с них запросят деньги: неважно, как ты учился, здесь ты — иностранец (я обзвонил приемные

комиссии ряда челябинских вузов, и мне все внятно объяснили). Перевестись из казахстанского вуза в российский практически невозможно: программы разные. Да что там вузы — в школах сейчас программы очень отличаются. Еще в 1994 году издан приказ Министерства образования Казахстана о сокращении на 50 процентов часов на русскую литературу. Его в Кустанае долго не выполняли, вели русскую литературу факультативно, но дисциплина есть дисциплина... Высвобожденное время отдается для казахской литературы. То есть изучать ее заставляют в ущерб великой русской литературе. Я не хочу, чтобы мои дети были малограмотными людьми.

В 1997 году учебный год для казахстанских выпускников хотели продлить до 30 июня. Смысл понятен: не дать уехать поступать в российские вузы, где примерно в это же время заканчивается прием документов. России, как мне кажется, надо активнее работать со старшеклассниками Казахстана — организовывать заочные курсы, искать какие-то другие формы сотрудничества. Это будет не только гуманно, но и перспективно, поскольку речь идет о будущем интеллектуальном потенциале страны.

В Казахстане же образование постепенно переориентируется на другого «старшего брата» — на Турцию. Детей посылают туда учиться, повсеместно создаются казахстанско-турецкие лицеи (сын моей хорошей знакомой, казах, поступил в него, но учиться не стал — не понравилась казарменная дисциплина). Разрабатывается новая концепция образования. Там, как пояснили люди, знакомые с проектом, все строится под знаком доминирования казахского языка...

Тупик для стариков

Разработчики нового пенсионного законодательства Казахстана планируют к 2015 году установить единый возрастной ценз для выхода на пенсию для мужчин и женщин — 65 лет. Создается новая пенсионная система. Согласно ее проекту каждый работающий откладывает деньги в частный пенсионный фонд (а супруга президента Сара Назарбаева рассуждает о том, что в первую очередь дети должны кормить своих родителей). Новая концепция всех взбудоражила. Где гарантии, если фонды негосударственные, спрашивали пенсионеры. Поняв, что хватили в своем

реформаторстве через край (первый опыт в СНГ), власти РК скорректировали свой подход. Готовится два закона — о пенсиях и пособиях. Пособия теперь будут выплачиваться не из пенсионного фонда, а из бюджета. Необходимость в реформе вызвана глубоким кризисом в экономике и пенсионной системе: долг пенсионерам в республике превысил 36 миллиардов тенге (если не ошибаюсь, это примерно половина всех имеющихся в наличии тенге. Относительно высокий курс национальной валюты поддерживается искусственно — людям просто не выплачивают положенное). В прежней концепции ничего не говорилось о том, как быть с долгами, в новой предусмотрены средства для погашения задолженности. Хотя суть реформы осталась той же — переход от принципа солидарности поколений к персональным пенсионным сбережениям. Предусмотрен строгий контроль государства за частными фондами, будут и государственные накопительный пенсионный и выплатной фонды. Нынешним пенсионерам и тем, кто выработал необходимый для назначения пенсии трудовой стаж, успокаивают власти, можно не волноваться: реформы их не коснутся, они будут получать пенсии из государственного накопительного пенсионного фонда. Остальным предлагается делать собственные отчисления на будущую пенсию. Правительство обещает до конца года погасить все долги. Не знаю, как у него это получится: задолженность просто катастрофическая, многомесечная. Пенсии на селе выдают натурой. Например, мешок сахара оценивают в 3100 тенге (примерно 235 тысяч рублей), тогда как в Кустанае он стоит на тысячу меньше. То есть за один мешок у бабушки вычтут всю месячную пенсию. А как чай, лекарства покупать? За муку сельские пенсионеры тоже платят в полтора раза больше, чем можно взять на базаре. Пенсионер Владимир Федорович Семиненко из упоминавшейся уже Москалевки был когда-то знатным механизатором, райсобес ему, инвалиду первой группы, выделил на операцию 12 тысяч тенге, но наличности нет. А здоровье все ухудшается. Нет денег, чтобы отправиться в Карелию, и у 85-летнего Франка Франковича Поюнена. Финн по национальности и рождению, он при Сталине попал в политссылку на Кустанайщину, а теперь решил вернуться в свои родные края, но не может...

Власти предпринимают нечеловеческие усилия, чтобы погасить долги. Директор одного коллективного предприятия (бывший совхоз) рассказал, как его заставляли прода-

вать все что угодно, лишь бы погасил долги по пенсиям. Аким области создал комиссию (как ВЧК в России), на заседания которой вызывает должников и устраивает им разносы. Говорят, те потом продают технику и даже (по слухам) стельных коров...

Был как-то на стихийном митинге пенсионеров в Кустанае и заметил, что стариков-казахов среди них нет.

Гроб в счет зарплаты

В Казахстане народ всегда был терпеливее, чем в России, а сейчас его еще и общая беда (суверенитет) дисциплинирует. Люди стали серьезнее, мобилизованнее, научились считать, понимать, откуда что берется. И все готовы на любую работу — лишь бы только выжить. Вслед за предприятиями Казахстана (в Орске, например, взлетную полосу аэропорта строили дорожники Кустанае) потянулись за заработком в Россию и простые люди. Кто-то находит работу на Севере, кто-то — поближе, нанимаясь ремонтировать или строить дома «новым русским», естественно, по более низким ценам, чем это сделали бы местные (а таджики, говорят, вообще готовы работать за один обед). Российские предприятия охотно берут на работу работников из ближнего зарубежья, а прокуратура затем пишет протесты, что их принимают в ущерб местным...

Если в России сейчас в моде словечко «секвестр», то в Казахстане идет сплошная оптимизация (сокращение койко-мест в больницах, детских садов и проч.). Все кругом отрезают, кастрируют, уменьшают. То есть — оптимизируют. Этакая оптимизация без оптимизма. А с заработной платой порой вообще несуразности происходят. В Кустанае одному пенсионеру строительная организация по его просьбе выплатила долг по зарплате... гробом. Так и живет человек с домовиной под кроватью. Это ли не символ казахстанских реформ? Тринадцатилетняя девочка в Актюбинском селе умерла от туберкулеза — не было первичного контроля.

О таком понятии, как потребительская корзина, давно уже не принято говорить, ибо с помощью лукавой методики, основанной на заниженных нормах потребления, она стала символической. Плата за коммунальные услуги выросла на порядок. Но самое главное — все идет к ликвидации социальных гарантий со стороны государства.

Власти то и дело говорят о борьбе за «то», за «это». И порой кажется, что борются они со своим собственным народом. Но люди, тихие мирные казахстанские обыватели, постепенно становятся менее терпеливыми. Старики все чаще выходят на площади, ругают акимов городов и районов. По сути дела, именно они сейчас самый революционный «класс» в Казахстане. Люди, построившие в этой республике все, теперь чувствуют в ней себя экономическими изгоями. О своем политическом изгойстве они, как правило, мудро умалчивают, а только продолжают свято относиться ко всему советскому, оно для них практически тождественно российскому.

Власти просят верить и терпеть

В республике процветают официальное шаманство, массовые сеансы гипноза. Вот, принято говорить согласно казахстанскому политесу, сейчас плохо, но будет хорошо, надо только терпеть и ждать. Самое странное, что эти незамысловатые слова на самом деле поддерживают, дают какие-то силы. Люди, взяв пример у правителей, тоже успокаивают друг друга. И все хотят одного: четкой и ясной перспективы. Чтобы им сказали: пока пострадайте, а потом, через столько-то лет, когда мы сделаем то-то и то-то, произойдут такие-то перемены и все улучшится. Но не могут дождаться и этого. Президент Назарбаев, когда выступает по-казахски, стыдит свой народ, чуть ли не приказывает терпеть.

Стремление во что бы то ни стало сделать Казахстан настоящим государством ведет к СВЕРХЭКСПЛУАТАЦИИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЗЕРВОВ СТРАНЫ. Терпеть становится все труднее. В любом другом (цивилизованном) государстве люди бы действительно давно взбунтовались, а в Казахстане терпят и терпят. Природа этого долготерпения кроется в менталитете нации, в ее природном патернализме. Люди верят в то, что говорит им начальство. А начальство не просто просит терпеть, а создает на этой почве целый миф — миф о том, что переходный период требует жертв. Некоторые наблюдатели сейчас видят для Казахстана едва ли не единственный выход в том, чтобы начать массовое захоронение на территории республики ядерных отходов стран Запада. Тогда будут деньги.

Без веры жить нельзя. Но когда вера слепа, ни на чем реальном не основана, это уже не вера, а какое-то само-

внушение. Но многие казахи всерьез убеждены в том, что лет через пять на этой земле все будет хорошо. Послушав выступления президента Назарбаева, я иногда тоже начинал верить в светлое будущее этой страны. Нурсултан Абишевич — личность уникальная и выдающаяся. Мое отношение к нему сложное. Нельзя не восхищаться умом президента, его умением стратегически и тактически грамотно поддерживать свой режим. Поддерживать даже тогда, когда, казалось бы, уже нет поддержки в народе. В самый сложный момент Назарбаев всегда найдет чем подкупить, заставить верить себе. Порой извлекает пользу из самых, казалось бы, невыигрышных ситуаций. Осложнились (по некоторым оценкам) весной 1997 года отношения с Россией — приглашает к себе российских журналистов и «проходится» по «имперским» замашкам РФ: почему бесценно председательствует в СНГ, почему держит войска там-то и там-то, почему «Газпром» не желает договариваться с Казахстаном по Карачаганаку? Именно в это время он вспоминает, что 31 мая 1937 пали жертвами политических репрессий многие казахи. Вспоминает, поскольку понимает, что Россия сейчас ассоциируется с СССР.

В силу сложившихся условий президент вынужден балансировать между северянами и южанами, между русскоязычными и казахами. И достиг в этом искусстве большого мастерства. Но от этого никому не легче. В итоге его перестали любить и те, и другие. Есть мнение, что ныне живущие поколения (и казахи тоже) проклянут Назарбаева за свои мучения. И ОН ГОТОВ К ТОМУ, ЧТО НАРОД ЕГО ПРОКЛЯНЕТ, ИБО ЗНАЕТ, ЧТО СЛЕДУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ (независимо от того, останется Казахстан независимым или нет), РАССМАТРИВАЯ ДЕЯНИЯ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ, ЕГО ВОЗВЕЛИЧАТ.

Повторюсь, я уважаю и даже по-своему люблю этого человека. Это, на мой взгляд, политик экстра-класса. И мне жаль, что он больше не будет моим президентом. Но при этом я, русский журналист, покидаю его республику, ибо симпатизирую личности, а не политику, строящему в своей стране примитивную восточную деспотию, готовому ради амбиций националистов ввергнуть свой народ в нищету и, самое главное, не желающему принимать очевидную истину: Казахстану без уступок России не выжить. Но в то же время я понимаю, что Назарбаев ДЕЛАЕТ ТО, ЧТО ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ, будучи казахом. Однако амбиции ам-

бициями, а в реальности Нурсултану Абишевичу будет все сложнее удерживать жизнь на таком низком уровне. И социальная напряженность станет нарастать.

6. ИСХОД

Приспосабливаться или рвать по-живому?

Русские и русскоязычные (дурацкое, кстати, слово) по-разному вживаются в реалии нового Казахстана. Многие (особенно руководители госструктур) становятся казахе самих казахов. В выступления или тосты вставляют фразы на казахском (братьям-казахам такое кривлянье почему-то нравится), демонстрируют бодрость и казахстанский патриотизм и, если надо удержаться в кресле, без проблем «сдадут» любого русского руководителя. В России русских в Казахстане порой называют вырожденцами, как бы не настоящими представителями нации. Доля истины в этом есть: русский человек за пределами России другой. Там он, простите за казенное слово, больший интернационалист. Но и ему после развала Союза сложно оставаться таковым. В Союзе было все понятно: кто старший, кто младший. А сейчас, когда младшие стали старшими (в Кустанае русскоязычные газетчики любят иронично называть казахских коллег старшими братьями), интернационализм начал напоминать игру в поддавки, это такое приспособленчество. Но не привык представитель великой нации ходить под кем-то. Заботиться о ком-то, опекать, отдавать последнее — может, а вот стать кем-то опекаемым — это все равно что изменить себе, всей тысячелетней истории страны. И потому, когда слышишь у русских приспособленческие нотки, становится не по себе. Но, с другой стороны, доподлинно знаю, что, приспособляясь и самоуничжаясь, русский в душе все равно считает себя выше всех. То есть, несмотря на совместную жизнь и житейскую дружбу, люди начинают задумываться, где они живут, и определять, кто выше. Политики заставили их перейти в эту плоскость.

Поначалу думалось, что возможное присоединение северных областей произойдет без самоотверженного участия пророссийски настроенных казахстанцев (необязательно русских). Но вскоре стало ясно, что, бросив всех нас на произвол судьбы, российские политики теперь хотят, что-

бы мы, проявляя героизм, жертвуя собой и своими близкими, готовили постепенное вползание России на свои бывшие территории. Увольте, я хочу жить нормальной жизнью. И потом, отчетливо осознаю, что так просто, под дипломатическим и экономическим нажимом, Казахстан свои территории (он их тоже небезосновательно считает своими) не отдаст, захватить их можно только насильственными военными действиями.

У человека, не желающего приспособливаться к новым казахстанским порядкам, две жизненные дороги: либо, оставаясь на месте, бороться за зависимость Казахстана от России (помогать формировать пятую колонну), либо уезжать. Первое, посчитал я, будет как-то нечестно по отношению к Казахстану...

Кто и как уезжает?

Эмиграционные настроения усиливаются. Говорят, некоторые немцы, уезжая, сжигают свои дома. Чтобы не оставить другим. А может, просто «сжигают мосты». Можно ли отъезд считать бегством от трудностей? Нет. Вот результаты опроса, проведенного Кустанайским отделом по миграции в первом квартале 1997 года. У 44 процентов ответивших настроение неуверенное, у 67 — тревожное. Вследствие каких причин они уезжают за пределы Казахстана? 41 процент — из-за неопределенности перспектив его развития, 33 — из-за лучших перспектив экономического развития страны, в которую переезжают, 22 — из-за лучших перспектив для своих детей. В СНГ уезжает 69 процентов, в Германию — 43, в другие страны — 15. Среди отъезжающих — четыре процента казахов.

Идет переток мозгов из Казахстана в Россию, вновь прибывшие отчасти заполняют ниши, оставшиеся после переезда россиян на Запад. Но это, скажем так, первый эшелон мигрантов, в нем купированные или плацкартные вагоны. Дальше идут теплушки. В Кустанае есть фирма «Защита», которая помогает найти работу в России, оформить гражданство. Людей туда обращается много. Некоторые не могут уехать, но хотят стать гражданами России. Но деятельность ТОО «Защита» по вывозу рабочей силы прокуратура оценила как незаконную. А когда Владимир Фадеев, бывший председатель областного землячества русской общины, публично заговорил о разном гражданстве среди живущих в Ка-

захстане, то тут же получил публичную оплеуху от акима области. И его предупредили, что гражданин России не может возглавлять русскую общину. Пробуют с Фадеевым и подружески разобраться: ты, мол, так всех перевезешь, а кем тогда я буду командовать (шутка такая). А народ в общину все идет и идет. И вот придумали новую меру. Прибывших из столицы председателя и члена областного землячества русской общины С. Клевцура и Н. Перевалова на вокзале неожиданно задержали люди в штатском и милицейской форме. Препроводили в ЛОВД. Там у них изъяли 62 паспорта, 10 свидетельств о рождении и 10 справок формы 9 со свежими штампами гражданства Российской Федерации. Повод — у сопровождающих нет доверенностей. Как пояснили Клевцур и Перевалов, эти заверенные нотариусом бумаги остались в консульском отделе посольства РФ в РК. Аrestованные документы переданы в управление паспортной и визовой работы УВД области. Теперь с владельцами паспортов разбираются на предмет законности получения ими российского гражданства, есть подозрение, что некоторые из них уже оформили национальные документы Республики Казахстан. Генеральный директор ТОО «Защита» В. Фадеев считает происходящее провокацией. Накануне офис «Защиты» и землячества русской общины (ее, кстати, долго не регистрировали) посетили некие злоумышленники. Кроме 160 тысяч тенге (примерно двенадцать с половиной миллионов рублей), они похитили из сейфа печати и регистрационные документы ТОО и землячества. В адрес руководителей этих организаций раздаются анонимные звонки с требованием покинуть Казахстан.

Казахи тоже уезжают

Уезжают и казахи. Отец одной кустанайской журналистки в патриотическом порыве привез семью из Свердловской области. А сейчас, считает его дочь, не может сам себе признаться, что сделал опрометчивый шаг. Его брат вернулся обратно. Рядовые казахи ностальгически вспоминают советское время, когда они славно жили, развивали свою культуру, могли поехать куда угодно. Суверенитет им ничего не дал, только разорил и унизил. Они не прочь снова воссоединиться, но кто их спрашивает. Казахские интеллигенты тоже думают так же, но стоило мне попросить некоторых из них написать об этом в газету, как тут же

замыкались и отказывались. Боятся. Между тем многие считают, что Казахстану лучше быть культурной автономией, ибо сохранить свою самобытность можно и в составе большой страны.

Интересный факт. Семьи этнических казахов, выехавших в 1992—1994 годах из Кош-Агачского района Республики Алтай в северные области Казахстана, стали в массовом порядке возвращаться назад. Не прижились на землях предков и возвратились в Горный Алтай около половины из более чем двух тысяч человек. Процесс реэмиграции казахов на эту территорию России, в которую они переселились в конце XIX века из Монголии, продолжается. По итогам переписи населения 1989 года, они составляли там 54 процента населения. А сейчас против возвращения казахов выступают алтайцы, численность которых в этом районе всего 39 процентов. Они говорят, что за годы совместного проживания никто казахов не притеснял, отправились они в Казахстан по своей воле, со всем имуществом и скотом. Каждая семья увезла по 50—100 голов овец, 10—15 голов коров и лошадей. Теперь же они возвращаются без ничего. Все съел суверенитет. Переселенцы самовольно занимают пустующие в межсезонье животноводческие стоянки и жилые дома...

Некоторые возвращаются в Казахстан

Будем объективны: многие из переехавших возвращаются обратно в Казахстан. Один кустанайский кореец имел в Москве хорошее место, но не выдержал и вернулся — там, говорит, не чувствую себя своим, а тут мы люди, хотя жить намного труднее. О сложнейшем процессе вживания в российские реалии — дальше, а пока — статистика. Наибольший процент прибывших в Казахстан (данные взяты из доклада правительства РК) приходится на 1993—1994 годы. Число приезжающих в 1994 году — 71 тысяча. Очень много возвращаются из Монголии, Ирана, Турции, Афганистана: с 1991 года — 130 тысяч. С 1995 года темпы прибытия снижаются. Интересно, что монголы (местные казахи так называют соплеменников, переселившихся из Монголии) быстрее получают квартиры, хотя, говорят, в Монголии они оставили столько скота, что его хватило бы не на один дом. Зато привезли с собой сифилис — уровень медицины в стране урги много ниже.

Статистика отъезжающих — уже не гостайна

Одно время статистику отъезжающих Алмата предпочитала не тиражировать. Потом стали выдавать цифры, достоверность которых вызвала сомнение. Сейчас никто ничего не скрывает — процесс слишком явный. Наиболее высокие пики оттока приходится на 1992 и 1994 годы. В 1995 и 1996 годах наблюдался некоторый спад. 75 процентов уезжает в ближнее зарубежье (72 — в Россию, 2 — на Украину и 1 процент — в Белоруссию). 60 процентов эмигрантов — русские, 20 — немцы, 3 процента — казахи. В 1993 году из РК выехало 170 тысяч русских, в 1994-м — 283 тысячи, в 1995-м — 187,5 тысячи, в январе—октябре 1996 года — 101 тысяча человек. За последние 5 лет уехало свыше одного миллиона человек, больше всего отъезжает из приграничных северных областей. На юге живут в основном казахи, а в Алматы много русскоязычных, которые не спешат расстаться с этим красивым городом. Там «крутится» больше денег (как и в Москве), жизнь идет — вся республика на столицу работает. По расчетам некоторых демографов, в случае продолжения этой тенденции казахи к 2000 году будут составлять до 60 процентов населения РК.

Переселенцы в Челябинской области

С 1959 по 1993 годы в Челябинской области было отрицательное сальдо миграции. В 1994 году начался рост миграционной активности — в основном за счет большего притока мигрантов из ближнего зарубежья. На 1 января 1996 года в миграционной службе Челябинской области состояло на учете 15,8 тысячи мигрантов, из них 10,4 тысячи беженцев и 5,7 тысячи вынужденных переселенцев. В 1995 году по сравнению с предшествующим поток мигрантов из Казахстана увеличился в 1,3 раза. 72,6 процента общего миграционного прироста за 1995 год в области дали переселенцы из Кустанайской области — 7,6 тысячи человек. Миграционный поток в области нарастает. За период с 1992 по декабрь 1996 года в миграционную службу обратилось более 25 тысяч человек. Это объясняется тем, что территориально область является приграничной, а большинство вынужденных мигрантов — бывшие ее жители, имеющие здесь родственников либо знакомых. На 1 января 1997 года

в миграционной службе Челябинской области состояло на учете 17,6 тысячи человек, из них 8,9 тысячи — вынужденные переселенцы (граждане РФ), 8,7 тысячи человек — беженцы. В течение 1996 года зарегистрировано 3,6 тысячи вынужденных переселенцев. Основной поток прибывших в область переселенцев — люди трудоспособного возраста. Статистика расселения мигрантов показывает, что более 80 процентов семей поселились в городах области, остальные — в сельской местности. 50 процентов беженцев и вынужденных переселенцев приходится на Челябинск и промышленно развитые или близлежащие к областному центру города — Магнитогорск (8,9), Миасс (6,6), Златоуст (6,6), Коркино (5,4), Сатка (5,5), Троицк (6,7), Копейск (4,7). В крупных городах легче найти работу, но купить жилье гораздо сложнее. Основная категория мигрантов устраивается самостоятельно, так как зачастую предлагаемые службой занятости вакансии либо не соответствуют квалификации вынужденных мигрантов, либо отсутствуют вообще. Основной проблемой остается жилье. Этот вопрос решается за счет предоставления миграционной службой долгосрочных беспроцентных возвратных ссуд. В 1996 году их получили 353 семьи вынужденных переселенцев, что в 1,5 раза больше, чем в 1995 году. Из них 73,7 процента семей получили ссуду на приобретение нового жилья, 16,4 — на строительство жилья, 9 процентов — на ремонт ветхого аварийного жилья, 0,9 — взнос в ЖСК.

Здравствуй, умытая Россия!

Следить за жизнью Родины по телевизору и по газетам — одно, а видеть все происходящее воочию — совсем другое. В Казахстане люди после Беловежского договора все больше мыслят патриотическими категориями. А у россиян (у интеллигенции) такой интерес почему-то вызывает усмешку: на лекции в известном челябинском фонде «Галерея» одного уважаемого московского философа попросили высказаться о путях развития страны, он в ответ иронично улыбнулся и дал понять, что это не стоит внимания его высокого ума. И я почувствовал себя оскорбленным идиотом. В России, при всей ее телевизионной политизированности, люди существуют в основном на приватном уровне. Это, говорят, хорошо, свидетельствует о цивилизованности.

Но европейское мышление с российскими реалиями пока не очень-то согласуется.

Живя в Казахстане, наивно думаешь, что россиян заботит участь их собратьев за ближним «бугром». И поражаешься, переехав, равнодушию (Чувство примерно то же, что у возвратившихся из Чечни в гуляющую вечернюю Москву).

Главный миф о России в Казахстане — ее экономическое могущество. Вот поможет она нам, свято верят казахстанцы, и все станет хорошо. Россия из Казахстана видится таким колоссом. Пожив здесь, понимаешь, что колосс этот на глиняных ногах. И все же, несмотря на мазохистское самобичевание некоторых российских политиков (оно прямо пропорционально самовосхвалению, пусканию пыли в глаза казахстанских официальных лиц), убежден, что Россия может многое.

...Не все переселенцы чувствуют себя в России хорошо. Краем уха слышу сообщение по каналу НТВ: в Нижнем Новгороде переселенец из Казахстана заказал... свое убийство. Переезд, потерю работы, квартиры расценил как крах всей своей жизни. И попросил двух забулдыг за вознаграждение убить себя. Думаете, это частность? Как бы не так! Шизофрения, психические расстройства — очень распространенные заболевания среди переселенцев. Многие, повторюсь, возвращаются назад. В основном те, кто поехал в эмоциональном порыве, из национальных соображений. Вот типичный рассказ: «Поехали мы, около 30 алматинских мужиков, в 1993 году под Самару. Выделили нам землю, разбили участки под дома, начали помогать стройматериалами. А теперь вот не знаем, как все это завершить: ни денег, ни работы. Да и семьи разорваны: мы там, они тут. В общем, если нет денег или влиятельных родичей, нечего в России делать».

...Россия для казахстанцев тождественна СССР. И не могут многие из моих коллег-переселенцев понять, что это уже другая страна. С трудом изгоняют из себя законсервированного совка, привыкают к новым российским реалиям. «Прощай, немытая Россия!» — написал когда-то великий русский поэт. «Здравствуй, умытая Россия!» — хочется воскликнуть мне. Умытая западной цивилизацией, радиационным дождем, слезами солдатских матерей и забывшая своих детей в ближнем зарубежье. Здравствуй, мы все простим тебе, даже глупость твою и предательство, потому что ты — Россия...

Богатство России будет прирастать переселенцами

В миграционной службе Челябинской области мне рассказали об одной переселенке, которая постоянно туда приходит и что-то выпрашивает. А потом осеклись и добавили, что подавляющее большинство переселенцев — достойные люди. А мне еще раз стало грустно. Грустно оттого, что с отъездом каждого из них разрушается уникальная общность — казахстанский народ. На этой земле собрались активные, деятельные люди, нацеленные на работу. Собрались представители всей России и варились в одном котле. В результате «выведен» уникальный тип людей — красивых (дети родителей разных национальностей), деятельных, надежных. Когда настало время выживать, включились все внутренние ресурсы казахстанского человека. В России же, как мне показалось, в своей массе народ более инфантильный. Эта инфантильность — от российской широты, от ощущения, что вокруг все есть и тебя непременно подстрахуют. Казахстанец же больше привык полагаться только на себя и, попадая в Россию, порой выглядит не в меру активной белой вороной.

В Казахстане, на мой взгляд, люди больше ценят друг друга. И потому, встретившись на российской земле, мы кажемся такими родными. Мы взяли у казахского народа все лучшее (никогда не отождествлял своих друзей-казахов с политиканствующими представителями национальной элиты): доброту, доверчивость, гостеприимство, скромность. И до конца своих дней будем нести в себе эти черты.

Если посмотреть исторически, то миграция из Казахстана в Россию имеет и минусы, и плюсы. Минус: не просто люди уезжают, с отъездом каждого человека из Казахстана Россия теряет влияние на своих прежних окраинах. Плюсы: раньше богатство страны прирастало новыми землями, а сейчас — людьми, возвращающимися с этих земель, благодаря переселенцам население России перестало уменьшаться и начало расти. Только жаль, что многие из бывших казахстанцев вольно или невольно забывают свои корни. Многие любят питерского певца Павла Кашина, и только кустанайцы знают, что это их земляк Паша Кваша. На недавних международных соревнованиях в Москве всех покорила восемнадцатилетний гимнаст из Москвы Алексей Бондаренко (он сейчас лидер сборной России). И опять же только кустанайцы знают, что Лешу воспитали в кустанайской детско-юношеской спортивной школе 3...

Другая журналистика

Еще один казахстанский миф о России — миф о независимой прессе. На практике же новые средства массовой информации РФ оказались более осторожными и зависимыми (от властей, финансовых кругов), чем казалось из Казахстана. Практически исчезает нормальная российская журналистика, когда корреспондент вникает в проблемы, кого-то защищает или, наоборот, развенчивает по своей воле, в силу убежденности. А на авансцену все смелее выходит журналист-партнер. Если же какой-то «чудак» и напишет что-то острое по своей воле, все равно будут считать, что он выполнил заказ.

Ориентируясь на западные стандарты, журналистика проявляет больше интереса к частной жизни. Но культивирование индивидуалистических ценностей при одновременном игнорировании экономической и социальной неустроенности значительной части сограждан похоже на поведение страуса, прячущего голову в песок.

Расколотость страны на два политических лагеря породила странное профессиональное сознание. Среди респектабельных коллег считается теперь чем-то неприличным проявление позиции, высказывание своего мнения. Журналист теперь либо регистратор, либо ангажированный экстремист. В Казахстане же большинство газет по-прежнему контролирует государство (только там, где раньше употреблялось слово «партия», сейчас пишется «независимость»). Это дает определенную защищенность и позволяет проявлять больше смелости по отношению к негосударственным структурам. Но высказываться против власти — себе дороже.

Что дальше?

Казахстан важен для России в геополитическом, экономическом и военном плане. РФ просто обязана восстановить разорванные экономические связи, получить доступ к полезным ископаемым и обеспечить возможность использования военных и промышленных объектов на территории РК. Через Казахстан наша страна выходит на страны Среднего и Ближнего Востока. Словом, не имеет Россия права терять свое влияние в этой части Евразии. Но, похоже, Москве не хватает дипломатической хитрости, что-

бы покорить по-восточному хитрого президента Назарбаева. И потому в ход идет дипломатия силы. Недавно довелось побывать в администрации области на совещании, на котором обсуждались вопросы организации на границе с Казахстаном казачьей стражи. Удивило, что никто (в совещании участвовали представители Федеральной пограничной службы, депутаты Госдумы) не говорил об оставшихся за границей русских...

Формальная логика вождей новой России понятна: если взялись строить независимые страны, то должны быть все их атрибуты, в том числе и настоящие границы. Но проводить-то их придется по-живому! Все знают, что казаки в Казахстане являются своего рода красной тряпкой. В практическом плане пользы от их топтания на «меже» тоже будет немного. Выходит, казаками Алмату просто дразнят? Болезненная реакция официального Казахстана не заставила себя ждать — МИД республики выступил с нотой протеста. А затем РК отменила льготы при ввозе российских машин, ужесточила оформление документов граждан России при пересечении границы.

Русскоязычный человек в Казахстане чувствует себя заложником. И пока стратеги по обе стороны границы проявляют характер, а не добрую волю, рана в его душе будет кровоточить...

(Кустанай, Челябинск, апрель — июль 1997 года)

ПОСЛЕСЛОВИЕ ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ

Очерк «Мигранты», опубликованный в «Челябинском рабочем» в июле 1997 года, читали не только на Южном Урале. С ним знакомились в Москве, других регионах России и, конечно, в Казахстане. Я получил со всех сторон много откликов, стал победителем Всероссийского конкурса под эгидой Верховного комиссара ООН по делам беженцев и лауреатом премии Союза журналистов России. На фуршете в Центральном доме журналиста после вручения первой премии известный московский журналист Леонид Никитинский и другие члены жюри отмечали, что материал сделал бы честь и центральным изданиям.

Прошло 10 лет. Я по-прежнему живу в Челябинске, работаю заместителем главного редактора областной газеты «Челябинский рабочий». Моя жена Софья — менеджером по рекламе «ЧР». Старшая дочь Элина с отличием окончила Челябинское музыкальное училище имени Чайковского и поступила в Уральскую консерваторию (Екатеринбург), она будет музыковедом. Младшая Аида — студентка факультета журналистики ЧелГУ, в середине мая уехала по программе «Work and Travel» в США и решила пожить там не четыре месяца, а год. Ждем ее домой, созваниваемся практически каждый день. Коллеги говорят, что Аида может остаться в Америке, но мы не сомневаемся, что она вернется. Словом, в России у нас все сложилось хорошо.

В 2000 году мы вместе с другими кустанайцами, живущими в Челябинске (главным инициатором были бывший директор Кустанайского облтеплокоммунэнерго Анатолий Окунев и бывший директор Энергонадзора Алексей Синютин), создали общественную организацию «Вынужденные переселенцы», но она просуществовала недолго. Не было четкого организационного начала и реальной возможности помочь другим мигрантам. Ко мне еще несколько лет по инерции приходили переселенцы, некоторым удавалось помочь. Но становиться активным общественником по этой «теме» я никогда не собирался, хотя несколько раз ездил в Москву на специальные семинары под эгидой управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Мне хотелось быстрее «раствориться» в российской жизни, но по-прежнему очень интересно общаться со своими. Их в Челябинске очень много. Декан юрфака ЧелГУ Валерий Лебедев, заведующий кафедрой на этом же факультете Олег Куленко (бывший аким Кустаная) и другие земляки всегда охотно идут на контакт. Но самым заметным кустанайцем (точнее — джетыгаринцем) в Челябинске стал Константин Струков. Набравшись опыта золотодобытчика в Казахстане, он наладил производство в ЗАО «Южуралзолото» (город Пласт), а затем возглавил ОАО «Челябинская угольная компания». Константин Иванович — депутат Законодательного собрания области, очень известный человек, он старается не забывать земляков-кустанайцев.

Связь с Казахстаном не терял и не теряю. Все эти годы слежу за происходящим в РК. Причем не только с помощью газет, телевидения, радио и Интернета, но и во время довольно частых поездок в республику к родственникам и

друзьям. Всегда интересно поговорить по телефону и встретиться с бывшим заместителем главного редактора «Кустанайских новостей» Валентиной Захарченко, у которой сейчас в Кустанае (теперь город называется Костанай, но я по-привычке пишу через «у») свой издательский бизнес, журналистом, философом и педагогом из Алматы Гульнар Асанбаевой, юристом Рашидом Махмутовым (он уже много лет бессменный председатель Кустанайской областной коллегии адвокатов), предпринимателем Сансызбаем Кулмановым, главным редактором «Кустанайских новостей» Сергеем Харченко, его заместителем Галиной Ким и другими коллегами из газеты, в которой я стал журналистом. Нам есть что обсудить с телевизионным и газетным обозревателем Евгением Шибаршиным, главным редактором кустанайской «Нашей газеты» Ольгой Колоколовой, журналистами-супругами Галиной и Владимиром Катковыми. Мы в постоянном контакте с журналистом и поэтом из Уралья Вячеславом Куликовым. Развитие и жизнь молодой страны продолжает интересовать и волновать меня как журналиста и как человека. Часто обсуждаем происходящее с моим лучшим другом Александром Коцерубой, переехавшим из Алматы в Москву в составе команды легендарной газеты «Караван» Бориса Гиллера. Летом 2006 года я побывал в новой столице Астане, на Всемирном конгрессе русской прессы. А весной 2007 года вместе с женой Софьей — в Кустанае, на «тусовке» Конгресса журналистов Казахстана во главе с дочерью президента, депутатом Мажилиса парламента РК Даригой Назарбаевой. В те дни мы с легендарным деканом факультета журналистики КазГУ, доктором исторических наук, кустанайцем Сагымбаем Козыбаевым встретились со студентами факультета журналистики Кустанайского госуниверситета. Было очень интересно. Я там назвался кустанайцем, живущим в Челябинске, естественно, это было воспринято положительно.

За 10 лет в Казахстане произошли очень серьезные политические, экономические и социальные изменения. Мои «катастрофические» прогнозы по части экономики и социальной сферы оправдались лишь частично. Нельзя не видеть, что республика по ряду позиций (в финансово-банковском секторе, реформе энергетики, пенсионном обеспечении и т.д.) опережает сопредельные страны, на глазах преобразуются малые города и села, на удивление всем растет красавица-столица Астана. Но самое главное — то, что произошло в головах людей. Сейчас казахстанцы са-

мых разных национальностей (те, кто не уехал, таких много) спокойно идентифицируют себя со своей страной. Остановился и миграционный поток. Многие люди, покинувшие Казахстан, возвращаются обратно. При этом жестко авторитарный политический режим их особо не волнует.

Несмотря на «растворенность» в российской жизни, мне, россиянину (я родился 1 августа 1962 года в Абатском районе Тюменской области в семье сельских учителей), происходящее в Казахстане зачастую ближе, роднее и понятнее. В республику я приехал по распределению в 1985 году после окончания факультета журналистики Уральского государственного университета (Свердловск). В Казахстане прошло профессиональное, гражданское и человеческое становление. И совершенно естественно, что у меня родилась мысль вернуться к теме, написать цикл материалов «Мигранты: 10 лет спустя». Посмотреть в них на те же явления, которые были отражены в очерке 1997 года. В ходе обсуждения идеи с influentialными друзьями-казахстанцами она начала вырастать из чисто газетных рамок. Оно и понятно: республика развивается, ее авторитет растет, у РК появляется естественное желание заявить о себе. Так родилось предложение выпустить книгу. Предполагалось, что ее первой частью станут материалы 1997 года, а во второй я опишу и проанализирую то, что происходит в Казахстане сейчас.

Понятно, что в новом цикле просто нельзя не заметить тех перемен, которыми сейчас небезосновательно гордятся власти и многие жители республики. Но как автор особо оговаривал, что не собираюсь надевать розовые ангажированные очки и не замечать проблем. Слава Богу, в своей профессиональной карьере я счастливо избежал искушения писать заказные вещи, не отступал от принципов журналистики. Материалы с таким подходом, в отличие от пиаровских, пропагандистских статей, которых не чураются пресс-службы государственных структур самых разных стран, в том числе и Казахстана, всегда вызывают особое читательское доверие. И оно дорогого стоит. Но, говорил я своим партнерам, главная «изюминка» книги будет в том, что один и тот же автор посмотрит на происходящее с разрывом в 10 лет. Я планировал побывать в областях, городах и районах Казахстана, поговорить с самыми разными людьми — от высоких руководителей до чабанов и продавцов на рынках.

Мне ответили, что «в целом идея и схема составления книги о Казахстане вызывает большое одобрение и поддержку, но для ее написания использовать весь имеющийся-

ся материал цикла «Мигранты» было бы нежелательным». Предлагалось в более сжатом виде обозначить ряд тезисов («миграционные настроения населения», «падение морального духа казахстанцев», «бесперспективность и даже невозможность развития РК в социально-экономической, политической и военной сферах», «прямая зависимость Казахстана от России», «большая вероятность поглощения республики Китаем и другими более крупными странами», «удаленность от морских портов и отсутствие транспортной инфраструктуры», «казавшийся большой ошибкой перенос столицы из Алматы в Акмолу», «построение этнократического казахского государства», «народ устал верить Назарбаеву Н.А., обещавшему светлое будущее» и другие), описывающих безысходность ситуации в РК. Показать, что мне и другим уезжающим из Казахстана на ПМЖ в Россию в 90-е годы «именно такой виделась перспектива (а вернее бесперспективность) молодого, встающего на ноги государства». Далее предлагалось обозначить, что «такое мнение оказалось ошибочным и жизнь в Казахстане, как и в России, также испытывавшей аналогичные трудности (из нее люди тоже массово выезжали жить в США, Европу, Израиль и другие экономически более развитые страны, в стране гиперинфляция, безработица, банкротство и т.д.), постепенно наладилась». Я должен был заметить экономическое процветание (не только новой столицы, но и регионов), улучшение жизненного уровня населения, уверенность людей в завтрашнем дне, внутривнутриполитическую стабильность, межэтническое и межконфессиональное согласие, рост народонаселения, в том числе за счет возвращающихся, «и другие позитивные моменты». Мне подсказывали, что «республика по многим параметрам не только существенно опередила почти все (или все) страны Содружества, но и сама в настоящее время является работодателем и крупным инвестором для других членов СНГ. Она выступает инициатором многих интеграционных организаций на постсоветском и евразийском пространстве, что говорит о прозорливости руководства РК, о выверенном курсе Н. Назарбаева (тезисы: «сначала экономика, потом политика», «многовекторная внешняя политика», «принцип управляемой демократии» и т.п.)». Автору предлагалось содействовать в организации встреч с разными категориями граждан (по моему желанию), помощь в подборе и использовании источников для написания книги (газеты, журналы, книги, фотографии, буклеты) и т.д.

Я понимал тех людей, с которыми вступил в переговоры. Их предложения были разумными и конструктивными, но они практически отменяли первоначальный замысел и сводили его к написанию добротной, сбалансированной и потому безликой книги. Ее можно было сделать вполне исследовательской, не пропагандистской и не пиаровской, но из нового очерка исчезал главный нерв, он лишался необходимой искренности. Ведь именно этим и «брал» очерк «Мигранты», что в нем все было по-настоящему, предельно обнажено, от души. Единственное, что я бы сейчас изъял, — это слова о том, что Нурсултана Назарбаева проклят (приношу за них глубокоуважаемому Президенту РК свое извинение!). Это было, конечно же, слишком, но, если хотите, в этой чрезмерности и присутствовал аромат того беспокойного времени. В нем были не просто мои эмоции, а состояние сознания и ощущения большого числа людей, от имени которых я, по сути дела, выступал. Это был документ эпохи!

Словом, от затеи «10 лет спустя» пришлось отказаться. Наверное, оно и к лучшему. Исследовать происходящее в Казахстане есть кому и без меня (только становится противно, когда российские яйцеголовые политологи и некоторые журналисты откровенно, не стесняясь, примитивно нахваливают республику и Нурсултана Назарбаева, зарабатывают на вполне понятном желании властей РК попиариться). Да и эмоции мои, прямо скажем, уже не те, что в 1997-м. Автор стал старше, а жизнь его — более устроенной. Так что пока, дорогой читатель, может быть, встретимся в 2017-м!

(Челябинск, июль 2007 года)

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ УЧИТСЯ ЧИТАТЬ

Он приветливо протянул руку, и от крепкого пожатия стало спокойно и тепло. Пригласил сесть, первым начал разговор. Скованность, напряженность, которые были накануне встречи с человеком, потерявшим зрение, постепенно исчезли.

Слышал я о Василии Яковлевиче Коновалове немало. Рассказчики не скупились на яркие эпитеты, и воображение

невольно вырисовывало необыкновенно сильного человека, который все послевоенные годы яростно борется со своим недугом. Но познакомился с Коноваловым и открыл для себя одну неожиданную, на первый взгляд, истину. Нет в характере Коновалова каких-то особых качеств, которыми бы он отличался от большинства людей. Просто далеко не перед каждым жизнь ставит такие суровые задачи.

Бои шли в Берлине. Танки подошли к каналу Шпрее. Необходимо было закрепиться на противоположном берегу. Механик-водитель Коновалов услышал возбужденный боем крик командира:

— Вася, давай полный! Мы должны проскочить первыми!

Снова все слилось в сплошной комок шумов и ощущений: ревет мотор, твердеет от постоянного напряжения нога (малый газ держать опасно, иначе заглохнет машина), гулко ухает пушка, покалыванием в ушах отдает треск пулемета. Когда вспыхнул танк, Василий через люк механика-водителя успел еще вытащить кого-то из товарищей...

Осколком крепко ударило в голову. От смерти спас танкошлем. Десять дней кружилась голова. На пятые сутки вдруг исчезло зрение. А молоденький танкист громко пел: «Раскинулось море широко...». Однажды он вскочил, как ужаленный, с кровати:

— Сестра, я вас вижу!

Вернулось зрение. Но приговор медицины был жесток: повреждена сетчатка глаза, и видеть он с годами будет все хуже. Надо ждать слепоту.

Девятнадцатилетний парень, стиснув зубы, выслушал это.

— Когда я ослепну окончательно?

— Это зависит от вас, — внимательный взгляд врача тревожно скользнул по крепкой фигуре танкиста и остановился, натолкнувшись на упрямый блеск зрачков — не напрягайте слишком глаза, вот и все, что требуется. А видеть будете еще не один десяток лет.

«Успокаивает, — пронеслось в мыслях. — Эх, зачем это, доктор? Лучше резал бы правду-матку. Да ладно, мы еще поживем».

После войны остался служить сверхсрочно. Был секретарем комсомольской организации роты. Занимался спортом. Получил третий разряд по волейболу и боксу. Все годы оставался незаменимым капитаном футбольной команды.

Однажды после игры к нему подошла женщина:

— Мне сказали, что вы неплохо рисуете. Помогите, пожалуйста. Сын погиб во время бомбежки, муж — под Берлином. Осталась совсем одна. Будьте добры, нарисуйте моего маленького, я вам расскажу, какой он. Все стоит и стоит у меня перед глазами — беленький, кудрявенький и такой родной-родной...

Портрет. Кисть Василий давно в руках не держал, тем более что врачи запретили напрягать зрение. А это при рисовании неизбежно. Тут же сомневаться не стал — взялся за работу. Долго слушал описания матери, сделал массу набросков. Отходил, прищуривался, вглядывался в черты. В глазах покалывало, но на боль не обращал внимания, ведь мать ждала своего сына, каждый день приходила, интересовалась, надеялась.

Когда показал, что получилось, растроганная женщина воскликнула:

— Витенька, родной, похож!

А сколько благодарных улыбок, теплых слов было за годы работы на Уральском турбомоторном заводе! Туда он пошел работать после демобилизации...

В курилке — обычный для обеденного перерыва непринужденный разговор. Поскрипывает длинная скамейка, когда, жестикулируя, кто-нибудь начинает ерзать на ней. Из пепельницы густым частоколом торчат беломорины.

Коновалов заскочил на минуту:

— Сегодня смотр цеховой самодеятельности, не забыли?

— Ты что, Яковлевич, все придем, семьями, читали объявление.

— Коля, будь, как штык, читаешь первый! — и, озабоченный предконцертными хлопотами, организатор художественной самодеятельности побежал к женщинам, заканчивающим репетировать частушки.

— Удивляюсь я его способностям, вроде сам ничего не делает, а все вокруг начинают работать с бешеной энергией, — председатель профсоюзного комитета Батинь мелкой дробью пробарабанил по столу. — Талант у него организаторский.

— Как это ничего не делает? — вскинул удивленный взгляд Коля. — Вы вспомните, ведь всего два месяца назад ни о какой самодеятельности в цехе и речи не шло. Мне Василий Яковлевич рассказывал, как парторг вызывал его и просил хоть что-то организовать. Да вы вспомните, как

он собственными руками разломал в красном уголке сцену, достал и привез доски — новую сделал. Все покрасил. Она разными цветами теперь освещается.

Коновалов сам пел в хоре. Потом с волнением выпускал на сцену танцевальную группу, любимый струнный оркестр, акробатов и даже иллюзионистов.

— Удивительно! — проносился по залу одобрительный шепот. — Талантов у нас в цехе много, а ведь работали и не знали.

Откуда он черпал свое умение работать с людьми? Может быть, все началось там, на фронте, когда молоденький младший сержант после окончания курсов младших командиров принял свое отделение. Люди были в возрасте сорока и более лет. «Как командовать, ведь я пацан перед этими усатыми дядьками?» Именно тогда, перед лицом опасности, и вырабатывалась у Коновалова организаторская жилка, умение личным примером повести за собой людей.

Вспоминается заводской случай.

— Понимаешь, Яковлевич, не нравится нам его поведение, — старый рабочий мял в руках промасленную кепку. — Зачем он с нами заигрывает: в домино садится играть, запанибрата по плечу хлопает? Сказать ему об этом неудобно, сам должен понимать. Но на деле выходит — не понимает. После доминошной партии таким душевным человеком кажется, но придешь к нему в кабинет посоветоваться, а он нос воротит — занят всегда, не желает даже вникнуть в суть просьбы. И в приемные часы так...

Не в первый раз выслушивал это редактор стенгазеты цеха 9 В. Я. Коновалов. Прекрасно понимал рабочих, остро чувствовавших лицемерие вновь назначенного начальника цеха. Как тут найти выход? С глазу на глаз разговора явно не получится. В стенгазету фельетон написать? Не поймет. Еще, пожалуй, заставит снять.

Коновалов пошел за советом к секретарю парторганизации. От имени рабочих предложил обсудить поведение начальника на партийном собрании.

После него старый рабочий крепко стиснул руку Коновалову:

— Спасибо! Мы сами ни за что не рискнули бы вот так же. Слыхано ли — прорабатывать своего начальника!

«Все гораздо сложнее, — размышлял Коновалов по пути домой, — поговорили мы сегодня, выяснили отношения. А

что будет дальше? Важно ведь, чтобы человек сам осознал свое поведение, критичнее на себя посмотрел.

В 65-м его выбрали секретарем партийной организации цеха, где и проработал до пенсии. Он был строгим. Требовать имел право, поскольку был сам неистов в работе. Но недуг прогрессировал, секретарь был уже инвалидом второй группы. Коновалов держал себя в кулаке, старался не позволять болезни взять верх.

Несколько лет назад произошло то, что он ждал всю жизнь. Во время разговора в цехе почувствовал: будто какие-то черные лапы сдавили ему глаза. Он не испугался. Он был готов. Жизнь закалила.

На ту пору и пришлась моя первая встреча с Василием Яковлевичем. Тогда я даже и не подозревал, что человек этот видит меня в форме белого пятна. Случайно столкнувшись на трамвайной остановке, мы прошли рядом по свердловскому проспекту Ленина. Когда очутились у кинотеатра «Октябрь», я невольно помечтал:

— Скоро будем стереокино смотреть...

Мой нечаянный попутчик повернулся ко мне, и я понял, что человек, с большим желанием говоривший только что о солнце, показавшемся из-за облаков, о неудобстве ходьбы по гололеду, человек этот оказывается... слеп.

...Я открыл в Василии Яковлевиче неисчерпаемый источник силы. Теперь заезжаю к нему просто так, поговорить о новостях, выпить чашку чая. Он охотно показывает письма друзей, ветеранов 9-го Бобруйско-Берлинского танкового корпуса, с которыми ведет переписку. Собирает их фотографии — хочет оформить уголок боевой славы в 112-й свердловской школе. И дважды в неделю ходит на курсы — учится читать по Брейлю (?)

(Свердловск, май 1983 года)

ДВЕ ПОБЕДЫ ДОЯРА

...Утробно фыркнув на прощание, «Икарус» скрылся за поворотом. Виталий поставил чемодан, поправил вельветовую кепку. Усмехнулся, вспомнив, как манипулировал с его головным убором московский корреспондент — все нужный ракурс искал да приговаривал:

— Абсолютный чемпион, пусть и среди мастеров машинного доения, должен выглядеть абсолютно хорошо.

Номер со снимком и с подчеркнутыми в тексте строками об артистизме, коим отличается работа победителя Всероссийского конкурса, он показал в автобусе соседу. Тот сострил:

— Ну, теперь вся ваша ферма неделю гулять будет...

Но никто, кроме близких, победителя не поздравил.

...Жизнь полна иронии. Виталий Зинковский, бывший рабочий Богословского алюминиевого завода, от волнения не знал, куда деть руки. По молодости лет — стукнуло 20 — обиделся: «Работать доярком?» И кто предлагает — женщина!..

Создал семью — свой угол иметь надо. Поехали к родителям в Краснотурьинск, но у них еще семеро младших. Квартиру предложили ждать полтора года. Вернулись в Покровское, к теще. Как и всяким молодоженам, хотелось самостоятельности. «Устроюсь в совхоз — квартиру дадут», — решил Виталий.

Полина Николаевна Редникова, в то время директор совхоза «Россия», молочных рек и кисельных берегов не обещала, но сразу выложила ордер на квартиру. Ее легко понять — молочный комплекс только ввели в эксплуатацию, технология беспривязного содержания коров не отработана. А людей не хватает...

Геннадий Михайлович Крючин, старший научный сотрудник УралНИИСХоза, вместе с коллегами по институту помогал покровским животноводам осваивать новую технологию. А помогать — значит, узнавать и понимать людей.

Зинковского заметил давно. Порывистый, импульсивный как в мыслях, так и в действиях, Виталий вызывал симпатию. Парень не бродил, как большинство, от бокса к боксу, а передвигался пружинисто, быстро. Заканчивал дойку быстрее других. Но опытный Крючин видел, как коровы порой испуганно шарахались от его резкости.

Нет, дояр делал все без нарушений, даже излишне педантично. Но его группа давала молока не больше, а то и меньше других. Парень недоумевал. Доярки постарше подсказывали быть помягче. Слушал с недоверием:

— Вы многого недопонимаете. Это же индустриальный метод, некогда возиться.

Крючин видел, что парню, не все принимающему на веру, лучше не внушать, а объяснять. Понимал и другое: исправлять натуру — значит, портить человека, «завивать не нужные ему кудри». Решил сыграть на примеченных

спортивных качествах, на способности увлечься. Не забывал одну психологическую изюминку — настоящая увлеченность появляется после победы. Готовил Виталия к областному конкурсу, настраивал на успех.

Зинковский заметил — ученому он сам и его дело интересны и по-человечески. Это рождало ответное уважение. На областном конкурсе победил. Как показалось, без особых усилий.

Одержимый, словно влюбленный, не видит ничего вокруг, Виталий спрашивал:

— Случайно, по иронии судьбы, стал дояром. А чемпионом?

— А это подарок судьбы, — подсказывал Крючин. — Но знай: ньютоновы яблоки падают только на подготовленные голы. Так что не обольщайся.

Принес стопку журналов, расчетов, план наблюдений за животными. Дояр-чемпион впервые ощутил себя профессионалом. Оправдывая звание лучшего, стал глубже вникать в тонкости. Дольше задерживался на работе. И, кажется, совсем забыл о семье. Однажды увидел глаза жены: «Витя, тебе трудно? И получаешь совсем немного. Может, перейдешь в мастерские слесарем?» — Галя, казалось, изматывалась вместе с ним. Да и сын старший почти не видел отца.

Увлеченный, он просмотрел не только семью. У людей складывалось мнение: «Как будто бы и не наш он. Все что-то высчитывает, мудрит. А толку? Ничем не поделится. Все при себе. Снова к конкурсу готовится...»

Деревенское общественное мнение — чуткий индикатор фальши, зазнайства. Его тонкий волосок уловил волну некоего самолюбования в Виталии и застопорился на цифре ноль. Ноль внимания!

Поначалу, почувствовав общее отношение, набрасывался на опоздавших, на прогульщиков. Пожилые скотники обрывали — молоко на губах не обсохло их учить. Прimitивный довод обезоруживал.

В ту же пору получил приглашение из УралНИИСХоза — предлагали работу инструктором. Соблазн был, но отказался — это означало бежать, и прежде всего от самого себя.

Жена болезненно переживала неудачи, приходила на помощь:

— Витя, с людьми надо сдержаннее.

Но эта житейская аксиома упиралась в откровенный максимализм:

— Разве я не прав? Ведь поступаю всегда по совести. Никогда не хитрю, что думаю, то и говорю.

Но всегда ли мы понимаем и любим людей, руководствующихся таким принципом? Порой они так и остаются вечными идеалистами, непонятными шукшинскими чудиками... Но у Зинковского было любимое дело и была цель: повысить надои на комплексе.

Оставалось одно «но». Существующая технология не позволяла дать высокоудойным коровам индивидуальные рационы. А ведь молоко у коровы на языке. Хоть на привязь таких ставь. А что? Это мысль.

...Экспериментировали во втором корпусе. На районном совещании животноводов Виталий выступил и привел 15 возражений против существующей технологии. Из райсельхозуправления приехали проконтролировать, уберечь от скороспелых решений.

— Посмотрите, — показал Виталий на крупную упитанную корову, — уплетает за обе щеки. А проку? Только жирует. А вот корова — не меньше десяти килограммов в сутки даст. Но все рекордистки — «скромницы», их оттесняют от кормушек.

— Какой же выход?

— Дояр должен не только доить, но и контролировать кормление коров, потому что никто лучше не знает их продуктивность. Вот я и предлагаю комбинированное содержание. Надо взять лучшее от привязного и беспривязного содержания.

Видя понимание, пояснил спокойнее:

— Возьму две секции, 80 коров, отработаю технологию.

...Эксперимент не удался. Метод оказался хорош только на двух секциях. Но удалось нечто иное. Люди увидели его радение — на сей раз уже за общее дело. Отношение к Виталию заметно потеплело.

Он не задавался вопросом, входило ли это в его обязанности, когда вместе с начальником комплекса С. Ладейщиковым и главным зоотехником Н. Гетман отстаивал предложение о реорганизации контрольного двора.

Виталий понимал — людям нужна победа. Возникла новая идея. На контрольном дворе по технологии должны подготавливаться нетели. Покровцы решили сделать здесь цех раздоя. Начались долгие переговоры с райсельхозуправлением. На время получили разрешение изменить технологию. Работа Зинковского не стала от этого легче. Напротив, у него оказалось много дополнительных обязанностей: раздать вруч-

ную кашу, приготовить микродобавки, ведь в «подчинении» у него сплошные рекордистки. Ответственный участок позволяет быть более требовательным к другим.

...Говорят, настоящий человек тот, кто живет своими мыслями и чужими чувствами. Как понимал Виталий этих ребят! Какими наивными казались их «каверзные» вопросы. Готов был ко всему. Прежде чем прийти в школу, поразмыслил, о чем будет говорить. Сразу об отличии современного доения от старого? Пожалуй нет. Об этом сельский школьник знает. Но работать на молочный комплекс не идет.

Как судит молодежь о той или иной профессии? Чаше всего по ее представителям. По тому жизненному окружению, что дает профессия. А какое мнение о животноводах?.. То-то. Виталий решил этот стереотип разрушить.

И разговор, пробуксовывавший поначалу из-за скользких взглядов, прысканья в кулак, постепенно вошел в свою колею. О чем говорили? Точно не помнит: «Да обо всем. О совести, о научной фантастике, о далеких годах — я ведь всю страну объездил по конкурсам».

Они увидели в нем личность. Он почувствовал интерес к себе. А значит — к профессии.

За последние три года на комплекс пришло семь парней. Все они из «школы Зинковского». Виталий заставляет теорию учить и зачеты по всем правилам принимает. Расслабляться не позволяет. Прошлой холодной зимой из-за недосмотра электриков перегорел мотор глубинного насоса.

— Ныть и кивать на электриков не будем, — сказал Виталий. — Мы не женщины, отремонтируем сами. А с электриками на пятиминутке поговорим. По-мужски.

То, что нелегко достигается, оставляет в душе глубокий след. Недавно абсолютный чемпион России Виталий Зинковский ездил на Всесоюзный конкурс. Стал призером. На этот раз в деревне его встречали. С цветами. Как своего.

(Свердловск, март 1984 года)

РАЗЪЕЗДНОЙ ФЕЛЬДШЕР

Когда речь заходит о деревне, вспоминаю ее тишину. А тут — железная дорога, гроыхание составов. Деревенская несуетность теснится. Это уже станция. Однако люди здесь по натуре своей все равно остаются землелашцами и животноводами. Это в корнях.

У Никитичны, чей дом в Айдырле как раз напротив железнодорожного полотна, захворал, затемпературил внук. Родители уехали, а она, видно, не углядела. Перекатался на коньках — простыл, ветром просквозило. Он в степи, как кнут, резкий.

Позвонила в Бреды, вызвала разъездного фельдшера. И пока суд да дело, собрались соседские старушки. Заварили чай — не сидеть же с постными лицами возле хворого. Сколько прочаевничали, неизвестно, но за разговором не сразу заметили вошедшую девушку.

— Здравствуйте! Я ваш новый фельдшер, зовут меня Люда, — голос быстрый и одновременно мягкий, — где наш больной?

Посмотрели с удивлением и скрытым цепким деревенским любопытством.

В фонендоскоп у мальчика явно ничего не прослушалось. Температура же под сорок. Если воспаление легких, то почему ничего не слышно? Людмила растерялась, но бабушкам уверенно объяснила: идет воспалительный процесс, организм молодой, сопротивляется. Мальчика надо бы в Бреды, в поликлинику.

— Куда же с таким-то жаром? — возразила Никитична.

— Ничего не поделаешь, бабушка. В поликлинике врачи поставят точный диагноз, назначат лечение.

Выписала направление. Попрощалась. Пока обувалась в сенях, случайно услышала перешептывание:

— Не вози, бабке Андриянихе покажи. Она за милую душу поправит.

— Сноха не согласится, врачи есть, скажет, пусть и лечат.

Люда улыбнулась. Собралась, было, выйти на улицу, но задержалась. Поняла — речь пошла о ней.

— Много она налечила, — продолжала наседать на соседку деятельная соседка. — Молоденькая больно, ветер еще в голове. Вот Носкова была.

— Душа-человек, — поддакивала третья, — завсегда наведается, чайку выпьет, обскажет, где че деется. А эта?..

Стало не по себе. Этим бабкам, наверное, сроду не угодишь. Распределилась сюда, будьте довольны, хоть какой-то медик есть...

Память наша не всесильна. Но заметим, как хранит она чувства, которые испытываем в решающие моменты жизни. Потому помнит Людмила Алексеевна Гуляева то время отчетливо. Хотя 18 лет минуло.

Работа скучать не давала. Не успела погоревать о неудачном распределении, как закрутилась по разъездам, по станциям. Было не до себя — везде ждали больные.

Случаи такие, которые ни один учебник по медицине для фельдшера не предусматривает. И участок — не дай бог каждому — от Бредов до дальней станции Айдырля...

...Для разъездного фельдшера срочный вызов — одновременно и будни, и чрезвычайное происшествие. Ночью зазвонил телефон. Голос в трубке едва слышался, но явно чувствовалась взволнованность. В Чуноксае рождает женщина.

— Кто? — переспросила Людмила. — Бурумбаева?

И подумала: «Я же ей говорила, что надо ехать в роддом. Сама не имею права принимать роды. Но ничего не попишешь — придется».

Погода — хозяин собаку на двор не выгонит. Пурга. А там, на дальней станции, мать и будущий ребенок ждут помощи.

Остановили проходящий грузовой состав. Машинисты протянули руки, втянули в кабину. Ветер продувал пальто, впивался в тело. Вдобавок не давал захлопнуть дверь, ломился в кабину.

— Куда тебя, милая, в такую непогоду? — посочувствовали машинисты. А в голосе слышалось уважение.

В ту ночь Людмила остро почувствовала себя нужной людям. На разъезде встречали. Роженица виновато улыбнулась: «Хотела я уехать, муж собрался везти, да, видно, поздно...»

Роды приняла. Усталая, едва села на стул — заснула.

Обратно не отпускали. Метель не прекращалась, да и день рождения надо бы отметить. Но Людмила отказалась. Кто его знает, что может произойти в такое ненастье с людьми. Вдруг где-то уже ждут ее помощи — побежала к телефону...

...От шпал рябит в глазах — электровоз набирает скорость. Людмила Алексеевна, привычно облокотясь на стойку приборов, смотрит вперед.

— Вот такая у нас романтика, — обернувшись, говорит мне, — осторожней, не испачкайтесь.

Я стою сзади, прислонившись спиной к дверце в кабину. Мы едем в Гогино. Сколько я ни ждал каких-то срочных вызовов — их не было. Бывают ведь у фельдшера спокойные дни. Видя мое нетерпение, Гуляева и предложила съездить в Гогино, в гости к ее друзьям и пациентам одновременно.

По дороге спрашиваю:

— За 20 лет, наверное, появилась уверенность в себе?

— Какая там уверенность! — говорит Гуляева. — Наоборот: чем дальше, тем больше возникает вопросов и сомнений.

Каждый новый случай в ее практике — что-то новое, неожиданное. Всего, действительно, не предусмотреть и не разложить, как фельдшерский инвентарь в чемоданчике. Однажды приехала по вызову на один из разъездов и поняла — у женщины аппендицит. Вместе поспешили на проходящий грузовой поезд. Добрались до Карталов, вышли на дальней платформе. Тут женщина схватилась за бок и в крик — идти не может. Пока переходили через пути, подлезали под составы — измучились. Оперировать срочно надо, а не упражняться в наклонах.

Все обошлось. Вызвала Скорую — переправила больную в руки хирургов. А беспокойство еще долго не покидало ее. Но это, как я понял, не оттого, что она не уверена в себе. Просто у Гуляевой очень беспокойный характер. Людмила Алексеевна не может спать ночью, пока не съездит по вызову. Даже если он не срочный и терпит отсрочку на завтра. Не успокоится, пока не сделает все возможное для больного.

Бывают у разъездного фельдшера и огорчения... На улице у мужчины схватило сердце. Молодые сыновья растерялись, а потом подхватили под руки и повели домой. Тот попросил остановиться для передыха. Дальше идти не смог — сердце не выдержало нагрузки.

«Лежать ему надо было, пусть хоть на улице, а не ходить, — горевала Людмила Алексеевна, — и как же я не научила близких больного действовать в таких ситуациях...»

Работа остается любимой, что бы ни было. В Гогино мы задержались у старушки Антонины Яковлевны Костицкой. Та, как обычно, угощала блинами. Сам собой завязался разговор.

— Как ты не устаешь, Людочка? — спрашивает бабушка, — ведь и ночью приходится выезжать.

— Болезнь не предупреждает, когда приходит. И люди не виноваты, что у меня такая работа. Они помощи ждут...

Предлагали ей перейти в поликлинику. Отказалась. Помнит, так же вот у Антонины Яковлевны сказала о приглашении. Та расстроилась: «Тогда же нас, старушек, забудут совсем». И это было самым сильным аргументом против перехода. Почувствовала: нужна не только как медик, но и как человек.

... Два года назад Людмилу Алексеевну перевели с Айдырлинского плеча, что в сторону Орска, на Гогинское. На ее место приехала молодая девушка. Встретились они как-то.

— Людмила Алексеевна, трудно мне работать, все вас вспоминают.

— Знаешь, — ответила Гуляева, — со мной ведь так же было. Поначалу обижалась. Вот, думала, приехала в такую даль, а тут вроде и не рады. Потом дошло: доверие людей не приобретается просто распределением, должностью. Доверие приходит от твоего труда и сердечности.

(Челябинск, октябрь 1984 года)

МАКСИМАЛИСТ

В самом начале перестройки он попал в больницу с воспалением легких. Страдал не столько от температуры и лечебных процедур, сколько от какой-то оторванности. Один раз долго не мог уснуть. Глядел в подслеповатый полумрак, ворочался с боку на бок. Сон не шел, шли думы. О чем? Да сразу не скажешь, в больнице человек многое вспоминает.

Стало грустно: быть бы сейчас молодым, да со свежими силами взяться за общее дело. Стало обидно: сдал как-то в последнее время. Замкнулся в своей мастерской, возится с макетами, а выходит, что как бы на отшибе от коллектива. Переживает за многое, но вслух все меньше и меньше высказывается.

В его мастерской темно, сажа, ржа. Да и само помещение — бывший гараж, двери с обеих сторон, потому и простыл, что разогревшегося прохватило сквозняком. А в самом корпусе НПО «Целинсельхозмеханизация» — блеск, мраморный пол...

Любченко присел на кровати. Машинально свесил ноги, посмотрел в темень ночи — а думы все о том же. Написал заявление с просьбой улучшить условия — молчит администрация.

Прошаркал шлепанцами в коридор: никого, только лампа светит на столе дежурной сестры. «А впрочем, все равно отступить не надо, стоять на своем — чего бы ни стоило. Сам испытал, что только вред от обратного».

Глядя в зимнюю ночь, вспомнил другую. Февраль 1958 года. Они ехали на дежурной машине. Петр уже стал засы-

пать в кузове. Подрулили к какому-то перекрестку. Вдруг раздался страшный удар. Из глаз посыпались искры, что-то хрустнуло в шейном позвонке. И он потерял сознание.

Очнулся на снегу. Шею не повернуть. Прямо под ним, в палисаднике углового дома, торчит кузов разбитой дежурки. Кто-то подбежал, уложил поудобнее на снегу. Снова забылся... Пришел в себя от боли: шофер дежурки Муравьев и шлифовальщик Вишняков не очень умело втискивали его в узкие дверцы «скорой помощи». В больнице врачи обнаружили частичный перелом позвонка, трещину в кости правой ноги. Заковали в гипс.

Потом думал: аварии могло не быть, будь он чуть понастойчивее. Видел, как в механическом цехе у одного из станков на корточках сидело несколько рабочих, а с ними — шофер дежурной машины Юрий Муравьев. Пользуясь уходом мастера смены, они собрались пить водку. Когда Муравьев стал подставлять свой стакан, Любченко предупредил:

— Юра, не делай этого. Тебе ведь людей развезить!

Муравьев бегло глянул в его сторону и хмыкнул:

— Кого учишь? Лучшего шофера автобазы!

— А если лучший шофер сегодня людей угробит?! — не отступал Любченко.

Муравьев глянул на него еще раз — уже выразительнее, повернувшись всем корпусом, и процедил:

— Слушай-ка, Петя, иди, куда шел, не суйся, когда не просят.

И он отступил, за что потом корил себя...

После этого Любченко не работал целый год. Как знать, может произошедшее и прибавило ему твердости, но в дальнейшем никогда не отступал от своего. Да только получалось — ирония жизни — себе же хуже делал.

...Секретарь партийной организации завода оторвался от чтения, поднял на Петра глаза:

— Не резковато ли?

— Разве я в чем-то не прав?!

Объяснять, доказывать очевидное ему не хотелось. А случилось вот что. Их завод, новый еще, получил переходящее Красное знамя. Руководители устроили в честь этого ужин. Деньги на мероприятие были выделены «левым» путем. Вот Любченко и написал заявление.

— Чего ты хочешь?! — спрашивали его.

— Чтобы все было по правде.

Кто-то стал считать его ненормальным: ждет квартиру,

а сам против ветра плюет. А потом просто решили избавиться от правдоискателя. Петр тогда поразился, как легко можно ослабить человека. Кто-то верил, кто-то не верил, но боялся за себя. Любченко попал в сложную психологическую ситуацию и, не выдержав, подал заявление об уходе.

Но этот уход не означал отступление от принципов.

На камвольно-суконном комбинате он придумал и сделал станок для изготовления мочкоуловителей к прядильным машинам. Он мог отрезать трубочки, обрабатывать торцы. Это сулило немалый экономический эффект. Но станок не прижился, был выброшен на свалку. Любченко, уже ушедший с комбината, ночью тайком пробрался на его территорию, поднял станок — аж надсадился тогда — и утащил. Реставрировал, снова предложил — снова не взяли. В сердцах сдал его в музей.

Находились «доброжелатели». Подзуживали: «твоя принципиальность тебе же во вред». Многие из таких ратуют сейчас за перестройку, осуждают «имеющие место факты». Любченко, такие, как он, не ратовали, а действовали. Он давно вел свою перестройку. Терпел поражения, отходил и снова шел в бой. А если разобраться, перестройка ничего сверхъестественного от человека не требует. Она просто требует жить по совести. Это всегда ценилось среди людей.

Любченко хотелось послать доброжелателей к черту, но он молчал, держал обиду в себе. «Тебе же во вред»... Так что же они предлагают? Быть как они — «мудрыми»?

До армии еще, после окончания Ворошиловской школы механизации и электрификации сельского хозяйства, работал шофером. Шла уборка. Начальник автоколонны предложил за определенную мзду украсть зерно и сбить налево. Отказался. Два вечера подряд «воспитывал» кулаками. Все равно не повез.

Нравственные нормы были для него не отвлекенной академической темой, а вопросом жизни, берущим истоки там, где деревья были большими.

... На улице Красный кузнец жили и трудились мастеровые люди — кузнецы, шорники, прочий ремесленный брат. Любил Петька с друзьями бегать к ним смотреть.

Топтался как-то у порога, глаза горели от восторга, щеки — от жары и смущения. Посмотрел на него дядька — известный тогда, во время войны, на всю округу кузнец со странной фамилией Варибрус:

— Эй, малец, заходи сюда! На вот, покачай-ка горн.

И запрыгал Петька — качать и взрослому-то не просто, сила нужна. Восполнял ее недостаток собственным весом, давил — лишь бы только не выгнали.

Но кузнецом не стал, на учебу не взяли: ни силой, ни ростом не вышел. Но мастерить начал. Поначалу, правда, делал игрушки немудреные. Но они были дороги: отец их семью как раз перед войной бросил, они с братом жили в Убаганском детдоме.

Потом Петька приноровился ладить настоящие вещи и даже кормиться своим умением. Собирали в поле колоски, а где молоть? Петька взял сковороду, разбил на мелкие кусочки, заколотил их в торец бревна и этим самым торцом стал перетирать зерно.

Женщинам-молодушкам из медных пятак делал кольца. Нагревал пятак, обстукивал со всех сторон, натирал кирпичом и — нате ваши игрушки.

Любченко вспоминается его детство, когда сталкивается с нынешними детьми. Началось с того, что их НПО и средняя школа 20 заключили союз. Ему поручили вести кружок макетирования сельхозтехники.

В тот день он радовался, волновался, как мальчишка. А мальчишки, пришедшие на занятия, были ...спокойными, равнодушными. Он даже растерялся. Только что расстраивался, что нет материала, инструмента. Ладно, думал, желание тут важнее. В конце-концов ребята признались, что никакой охоты заниматься макетированием у них нет. Пришли по принуждению.

— Молодежь не любит, когда сравнивают их детство и детство их отцов, дедов, — размышляет Петр Григорьевич. — Это, с одной стороны, верно: неактивно укорять недостатком. Но вот когда речь заходит о другом недостатке, — тут обнаруживается, напротив, полнейший недостаток. Недостаток умения работать руками, недостаток серьезности и ответственности.

После распада кружка желание возиться с детьми не исчезло. Не получилось в одной школе, так неужели во всем городе не получится? Куда только не обращался Любченко, кому только не предлагал свои услуги. К семи начальникам ЖКУ, в горисполком. Везде не находил взаимности. Конечно, он немало требовал. Сразу хорошие условия: помещение, материалы. Но я же говорил, что Любченко — максималист. Когда-то он работал инструктором в облисполкоме, можно сказать — сделал карьеру, но скучал

по живому, реальному делу. Решил круто изменить судьбу. Зашел в кабинет председателя облизполкома Александра Дементьевича Гарагаша с заявлением: «Прошу освободить от занимаемой должности».

— А мы, Петр Григорьевич, думали тебя на учебу в ВПШ послать.

— Нет, — Петр на минуту замялся, — нет у меня такой склонности. — И выпалил: хочу пойти в ученики токаря.

Гарагаш чуть помолчал: не каждый день приходят с такими заявлениями. Потом внимательно посмотрел Любченко в глаза.

— Ну что ж, может, ты и прав.

Любченко стал учеником токаря в мастерских Северо-Казахстанского геологического управления. Руки с непривычки покрылись мозолями. Но это была не самая большая неприятность. Почувствовал, как за его спиной шушукались. Никто всерьез не принимал слова о том, что он ушел только потому, что хочет быть рабочим, настоящим рабочим. Все это только усугубляло сложность его психологической ситуации. Мужу 27 лет, семья, две дочери, а он — ученик токаря с мизерным заработком.

Он замкнулся, а потом, поразмыслив, решил: труд «реабилитирует».

Тут-то и вплелся в его судьбу Иван, токарь, к которому Любченко закрепили учеником. Вскоре он послал Петра за водкой. Отказался. Это наставника шокировало.

— 12 учеников выпустил из своей «академии»! Никто из них и пискнуть не посмел.

Насмешки Петр сносил молча. Проходил курс токаря, что называется, «заплечником», «вприкуску и вприглядку». Станок ему доверяли в редких случаях. Вскоре он уже молил про себя, чтобы Ивана напоили. Тогда учитель уходил с друзьями на целый день, а он оставался один на один со станком.

Однажды, основательно выпив и не найдя «достойного» собеседника, Иван подошел к Петру, налег всем телом на заднюю бабку станка и стал рассказывать циничные вещи. Любченко не сдержался и съездил ему по физиономии. Иван поднялся с цементного пола, ошалело посмотрел на ученика...

Когда после аварии дежурной машины Петр лежал в больнице, в палату зашел Иван. Человечность взяла в нем верх...

Любченко работал уже в НПО. Однажды не рассчитал и на расточном станке допустил брак. После чего сварщики

целую смену наращивали на этой детали слой металла до необходимого размера. Над ним начали подтрунивать: много, мол, требуешь, а сам?

— Кто не работает, тот брака не делает, — отвечал. Но неприятный осадок остался. Как уже бывало прежде, казнил себя. Страдал. А потом взял да и подал заявление на расчет: лучше уйти, чем работать в такой обстановке. Начальник заявление не подписал. Организовывался участок по изготовлению макетов, Любченко было предложено пойти туда. Согласился. Сейчас — макетчик. На его макеты заглядеться можно — игрушечки. Изготавливает их до последней детали своими руками. Он тут и конструктор, и технолог, и токарь, и слесарь. В том, что он творит, в отличие от реальной, большой жизни, все правильно, идеально и ему подвластно. Но нет то оснастки, то инструмента... Делай, говорят ему, из того, что есть. Но разве может с таким положением мириться мастер? И он ездит на разные заводы, просит.

Когда Любченко вышел из больницы, съезд уже закончился. В их объединении было партийное собрание. И хоть давно не выступал Петр Григорьевич — тут смолчать не смог. Взял слово.

...Апрельский снег, ветер хлестали ему в лицо, а он спешил в редакцию. «Пришел ли ответ на мою статью? Нет? Надо его потребовать!» Любченко понял, что пришло его время.

(Кустанай, май 1986 года)

СТАРИК И ВОЛК

Степное солнце будто задалось целью спечь его, донимали мошка и комар. А у 70-летнего человека, что промышлял волка в кустанайской степи близ Камышного, на исходе были и съестное, и вода. Который день он выслеживал хитрого зверя. Наконец следы привели к логову. Но волка там не оказалось — почуял неладное...

Домой в Рудный Архип Николаевич Жуков вернулся усталый. А там супруга, Антонина Ивановна:

— У кого машина есть, грибы, ягоды собирают. А ты?!

Забывает хозяйка, что машину эту мужу как раз за волков и дали. Был такой конкурс в 50-е годы. Тогда же он участвовал в сельскохозяйственной выставке в Москве как охотник-волчатник.

Но в спор Архип Николаевич не вступает. Что зря говорить, все равно он не бросит промысел. А вопрос этот ему частенько задают: что, мол, тебе, пожилому человеку, надо, не ради же денег одних, что за шкуру дают, гоняешься за серыми? Деньги. Они тоже нужны. Только получить положенные премиальные бывает сложнее, чем волка выследить — все тянут в управлении заготовок облпотребсоюза. А в степь больше манит другое.

Волк — животное хитрое. На арапа его не возьмешь. Хитрости надо противопоставить хитрость. Когда старый охотник был маленьким мальчиком, слышал сказку, как один дед убил палкой волка. Сказка-сказкой, но в ходе охоты постепенно выяснил, что с одиннадцати утра до трех-четырёх часов дня волк спит беспробудным сном. Скорей всего в этот период дед из сказки и убил зверя, наткнувшись на сонного.

Волк не бросается на человека. Старается убежать. Раненый — не огрызается, а уходит. Правда, если преследуют его, может повернуться и пойти на охотника. Или — если бешеный. Как-то старик преследовал такого, но зверь повернулся и — на машину. Номерной знак смял в трубку.

Но перво-наперво волка необходимо выследить. Как? Наблюдать надо. Жуков выбирает место, останавливается. Меньше движения возле машины, молчит приемник. Волк смотрит — стоит техника. И привыкает, идет в логово, выдает себя. Тут главное — засечь направление, а потом найти само логово.

Но зверь не всегда там. В этом году старик четыре раза подъезжал — пусто. Волки человека уже засекли. Они наблюдают, приспособливаются. Привыкают к технике, движению людей. По звуку определяют, что едет. Если гусеничный трактор — сидят, как ни в чем не бывало. Но слышат колесный или машину — только их и видели.

Когда-то Жуков был летчиком. Много волков перевидал сверху: летал низко, на поршневых самолетах. И уже тогда стал замечать: волки не боятся стальной птицы. А сейчас — тем более. Цивилизация теснит зверя, влияет на его привычки. Охотник знает то, чего пока нет в книгах. Знает, что в одной норе с волком могут жить барсучата или лисята — будет кормить. А вылезут — съест. В Наурзумском районе видел, как в одной норе жили три волчьих выводка. Видел и самца, который имел две семьи.

Ох, уж эта цивилизация! Появились волки, скрещенные с собакой. Как тот черный, на территории совхоза «Бе-

стауский» Камышнинского района, которого не удалось взять в последний раз. Добраться до него труднее обычного. Местность вокруг неудобная. Может, потому зверь и выбрал ее. На машине не подъедешь. Но от этого азарт еще сильнее. Острее и ощущение своей необходимости. Ведь такой зверь гораздо опаснее — он лучше знает человека.

Прогадал с черным волком Архип Николаевич, хотя способов охоты знает великое множество. Чучело можно сделать. Ставишь возле логова и ждешь. Волки не терпят чужаков у своего дома, торопятся прогнать и подходят на выстрел... Можно сигналы подавать. Звери отзываются. Засакаешь направление — и на поиски. Как-то старый охотник ночевал возле болота. Провабил и неожиданно, метров с 200, волк ответил таким басом, каким, наверное, пугала людей собака Баскервилей. Ответил и стал приближаться. Жуков насторожился. Но треснул под ногами камыш, хитрый зверь, почуяв недоброе, тоже насторожился, а потом заметил машину.

Нравится Жукову его промысел. Это и страсть, и спорт, и удовольствие. Охота дает возможность чувствовать себя в силе, нужным людям. А примеров зверства волков на скотных дворах он знает немало. Что самое страшное — волк нападает на стадо и уничтожает всех подряд.

Чувствует себя Архип Николаевич и природе полезным. Есть мнение, что волк — санитар. Никакой он не санитар, утверждает Жуков. Он любит только свежее мясо. Правда, по весне, когда гон, ест все подряд.

Охота заставляет думать, развивает физически. Этому помогают качества, выработанные в летчиках, — умение оценить обстановку, реакция, терпение. Нравится это охотнику, потому за всю жизнь, пока работал инструктором по автоделу, ни на курорт, ни в Дом отдыха не ездил. Только в степь, она ему и здоровье дает.

1020 волков за свою жизнь уничтожил Жуков. Мог бы больше, да пять лет не промышлял. Еще с финской войны осталась контузия, и в 1962 году неожиданно потерял зрение. Дали первую группу инвалидности. Несмотря на это, пока врачи не вернули способность видеть, ездил с зятем в качестве проводника: память у летчика хорошая. А когда вновь стал зрячим, отдался любимому и полезному промыслу. Только, бывает, вспоминают о нем, когда уже приключилась беда. Например, звери уничтожили 27 лошадей в совхозе имени Абая. Приехали к нему — помощи! Или когда серый зарезал около ста коз и баранов в совхозе

имени Майлина. Опять к нему. Потому и недоумевает Жуков, когда человек с большим портфелем или хозяйственник недопонимают значения проммысла.

В этом году он обезвредил 32 волка. Съездил в Кустанай, сдал в заготконтору, а вернувшись в Рудный, засобирался.

— Куда опять? — спросила Антонина Ивановна.

— Туда же, в степь.

Черный волк еще на свободе...

(Кустанай, сентябрь 1986 года)

НАГРАДА ПЕРВОЦЕЛИННИКА МАРАЧУНЕНКО

Он не помнит, то ли ненастье тогда стояло, то ли просто выпала свободная минута. Ну, да суть не в этом. Просто сидели мужики кружком, разговоры вели. Обо всем. Об охоте и рыбалке, о работе и политике. И на волне откровенности, панибратства кто-то обронил:

— Тебе, Валя, давно пора в «героях» ходить, да характер мешает.

Поначалу внимания на сказанное не обратил. А позже задумался. Что это у него за характер такой? Усмехнулся: самокопанием занялся. Но мысль, как недопаханная зябь, не отпускала. Ну да ладно: не заслужил, так не заслужил — мало ли таких? Верно, немало. Но ведь этим, другим, и не говорят подобного...

— Подвинься, начальство!

Широкоплечий, высокий, он третьим втиснулся в кабину «пирожковоза» («Москвич» с небольшой будкой называли также каблук) председателя профкома. И заполнил ее шутками. В дороге, что с поля к деревне вела, не тяготило нас вежливое, чинное скучание — деревенским людям порой мешает быть естественными непонятно зачем усвоенный ритуал общения с журналистами (будь в рамках, не сболтни лишнего).

Ему, Валентину Марачуненко, механизатору совхоза «Шолаксайский» Наурзумского района (Кустанайская область, Казахстан), в рамках было тесно. Говорил, что думал, умудрялся даже жестикулировать в тесноте.

Разговор продолжили в неприхотливой сельской гостинице.

— И что обо мне писать? Наград, а, стало быть, заслуг особых не имею. Не преуспел в жизни.

Сказал, а я почувствовал: не согласен со своими словами. Сказал сперва как будто с юмором, но потом... Потом его щедрая поросль бровей взметнулась вверх, потерянно посмотрели глаза. Он глядел на меня и как бы сквозь меня. Так, вспомнилось, смотрел мой однокурсник и друг Сергей Шумских. Мы зубоскалили: осторожно, Серега видит вечность! Но понимали: с таким отсутствующим видом человек действительно может думать о чем-то важном, сущностном...

Прохладная сельская гостиница — не лучшее место для душевительных бесед. Он ерзал, тесно, неудобно было его огромной фигуре на обычном стуле, не знал, куда деть руки. Будь в тракторе, привычно положил бы их на руль. Как это делал вчера, позавчера, делал десять, двадцать, тридцать лет назад...

— Каких только тракторов я не перепробовал. Сначала С-80, потом ДТ-54 — до 1959 года. Затем МТЗ-5 — до 1965-го, — неторопливо, с крестьянской основательностью, со скрупулезностью пожившего человека перечислял он. Быть может, излишне подробно, но мне не было скучно — человек свою жизнь вспоминал, а вместе с ней — целую эпоху из истории большой страны.

— Был кукурузоводом. В 1967 году прошел переподготовку в училище механизации и «сел» на К-700.

С тех пор «не слазит» с «Кировца». Недавно получил новую машину — «до пенсии хватит». А на уборке Марачуненко всегда за штурвалом комбайна.

Вот и вся трудовая биография. Работа. Работа. Работа. Все на одном дыхании, без сбоев. Односельчане рассказывают: если по какой-то причине нет дела, Марачуненко начинает беситься. Не в прямом, конечно, смысле. Просто его, привыкшего действовать, «крутиться», эти моменты раздражают. Спать не любит. Пяти часов в сутки хватает с лихвой. Ни разу в жизни начальникам отрядов не приходилось его будить — «клапан срабатывает, и я встаю».

Мы часто сетуем: нелегко труд на селе, никак не хочет стираться грань меж городом и деревней. Но, простите меня, эта тяжесть по-своему полезна, коли вот так характер дисциплинирует.

Бывают, конечно, минуты, когда внутри что-то восстает. В самом деле: 1 и 9 мая не праздновать — «чтоб влага была закрыта», лето — «сено давайте», 7 октября, 7 ноября —

«давайте, ребята, зябь». Всю жизнь «надо», «давайте». Но промолчит. И снова — от зари до зари. Утром рано позавтракал, масло в тракторе проверил — в поле. В одиннадцать вечера кончил — и только голову до подушки донес.

Успевает и другое.

Один шофер перевернулся на бензовозе. Благо — на пустом. Машина лежала в кювете, три «Кировца», как тужливые муравьи, ползали около, тянули. Но ничего сделать не могли.

— Надо позвать Марачуненко!

Ехал до места, беспокоился: пацаны — 25 всего — на тракторах сидят, как бы себе головы не свернули, а уж вытащить кого... Остановился: дергают, моторы рюхают, дым валит, а бензовоз, как тот воз, все там же. Махнул: стой!

— То, что у вас силы дурной по молодости хватает — я знаю. Но зачем трактор бестолково рвать!? Сила к уму прикладываться должна.

Дальше — молча. Пропустил трос поверх бочки и через колесо, зацепил за трактор. Оценивательно сделанное осмотрел, в кабину сел. К-700 поднатужился, бензовоз дрогнул и встал на место.

Приключалось подобное и с самим.

Пахал зябь. Вдруг у переднего колеса лопнул диск. Трактор загнанной лошадейю — набок. А человеку что делать: 20 километров до села? Пошел пешком, за ним обычно никто не ездил, сам возвращался.

Шел по полям. Они воспоминания будили. Вот эти нивы первоцелинники распахивали сразу, как только вырвались на степные просторы из холодной зимы, из вагонов, где жили, из затянувшейся — так казалось в нетерпении — подготовки в МТС. А вот сюда — улыбнулся — спешил на свидание. Да мало ли можно вспомнить! С полями разговаривал, как тот шукшинский герой с березками. Ведь как детей своих их знает, с самого рождения.

И как будто жизнь заново проживал. И, кажется, — самообман, конечно, — не устал тогда. Только одежда парила непросохшая — моросил дождь.

Шел по своим полям и думать не думал, что неудавшаяся у него жизнь. Напротив, один на один со степью, ее ширью, почувствовал какую-то особую приподнятость, широту, почувствовал масштаб жизни. А вот после той, запанибрата брошенной фразы, размышлял о прожитом уже без романтической пелены. Если б не твой характер...

— У меня обычный характер беспризорника, — неожиданно откровенно говорит он, — в семь лет — было начало войны — во время бомбежки в Одессе отстал от матери. Таких, как я, собирали и определяли в детдома. А там — не до жиру, быть бы живу...

В 1948 году мать подала в розыск и нашла сына. Но — одной радостью сыт не будешь — в 13 лет пошел в школу механизации. Дядька работал директором восьмилетки, «по благу» удалось приписать годов — здоровый был, выглядел старше.

Когда на целину ехал, уже имел профессиональный навык. Как-никак, а шесть лет стажа. Высадили первоцелинников в Семиозерном. Из Шолаксыя пришли трактора, будка. Дали фуфайки, валенки — и дальше в путь. Долго преодолевали эту сотню с лишним километров. Ломались, шли пешком, снова ехали. Когда прибыли, по квартирам разместились. Пока ждали тепла, выхода в поле — занимались ремонтом, притирались друг к другу. Валька Марачуненко, молодой одессит, любитель повеселиться, а то и отношения выяснить, на целине, в сборном коллективе, оказался как в своей детдомовской стихии...

...Он спокойно, с некоторой грустью размышлял:

— Обделенным я, бывший беспризорник, был, — на слове «беспризорник» он как-то даже настаивал. — К матери привязанности не питал, к домашнему уюту не привык. Поэтому на целину поехал и жил с легким сердцем.

А многие начинали тосковать по дому, убежать. Кто-то с поезда, так и не доехав до Казахстана. Кто-то — с уже продуваемого всеми ветрами места в степи обратно, в теплое местечко. Кто-то, что скрывать, молва все равно знает — пока деньги, выданные авансом, имелись, весело ехал, а как кончились... Словом, из всего «десанта» в Шолаксеа остался один Валентин Марачуненко.

Все эти годы прожил на одном месте. Чаще всего был в ударе. С начальством из-за какой-нибудь организационной неувязки смело разговаривал. А бывало — «залетал» в историю. Мог на тракторе заехать куда не надо, а то взять да и начать бороться — потехи ради — с директором.

Думай потом, как к этому мальчишеству относиться, думай, как быть с этим шепутным работягой. Понятно, в президиум его не посадишь. Звезду героя — хоть и работает за себя, и за убежавшего с целины парня, — не повесишь.

Разговор шел «не для печати». Марачуненко, уверенный, что переубедил меня в сомнительности своей канди-

датуры для иконописного газетного очерка, говорил откровенно, не рисуясь, не шутя:

— Много после тех слов я передумал, многое понял. Понял, что живут-то не ради наград. Нет, хорошо, конечно, когда имеешь такое вот признание. Но можно жить и по-другому. Это лучше, чем во что бы то ни стало рваться к награде, делать самоцелью. Знавал я таких, что не трудом, хитростью больше, награды заполучали. Один управляющий районному начальству пятки лизал. А когда убрали урожай, ему — орден, а начальнику отряда — ничего. Хотя молва знала — заслуга начальника никак не меньше. Обидно, что в жизни возможно такое.

Обидно Марачуненко и то, что о человеке зачастую судят только по внешним атрибутам. Тогда рождается на свет очередное дите формализма. Откуда эту заразу только не изгоняют! Но прежде всего ее надо изгнать из душ, отношений людских. Оттуда, где человека ценят за должность. Даже тогда, когда видят: не соответствует ей руководитель по человеческим качествам. Но — самое страшное — смотрят на это сквозь пальцы, а индивидууму в кресле — в рот.

— Есть и другие перекосы. Иные ордена получили, славу заработали и успокоились. Напрягаться дальше не хотят. Шумел недавно главный агроном по этому поводу. А зимой что выявляется!

Зимой в степной зоне ЧП — не редкость. Снегозадержание, положим, ведется. И если механизатор неопытный — не попадет в село. Тогда звонят по отделениям. А коль и там нет — искать. В таких экстремальных ситуациях обращаются к старожилам, которые всю округу знают. Марачуненко — в их числе. Не было случая, чтобы отказался. А есть «деятели», которые сто причин найдут, лишь бы увильнуть. То фар нет, то — тормозов. Но точнее всего — совести у них нет.

— Что особенно противно, — размышлял Марачуненко, — эти люди считают, что на самом деле не могут ехать, а ведь из-за таких кроил погибают попавшие в буран.

Иные из них в повседневности ведут себя примерно. Да только не вызывает симпатии эта парадная, чинная правильность, бояться ее хочется, десять раз чужда она Марачуненко. А с некоторых пор — он и сам не заметил, когда — ему все больше доверяют ответственные рейсы, поручения. «Залеты» уходят в небытие, дело ставит человека. И, надо заметить, ему никогда не приказывают — просят. Это говорит о многом.

Однажды зимой поехали встречать «Кировцев», отправившихся за соломой. Точнее, ехал только Марачуненко, а главный агроном шел впереди, нащупывал след — такая была непогодь. Не заметили, как разминулись со своими. Вдруг трактор наклонился в яр и заглох.

— Стой! Приехали! — крикнул агроному.

Куда вот только «приехали»? И куда идти? Стали ждать, когда стихнет буран или кто появится. Прошло часа четыре. Ветер не унимался, звука моторов не слышалось. Что, сидеть до утра? Но коварны такие ночи в степи. Не выдержал агроном:

— Пошли, Валентин! Сам знаешь, человеку, чтобы не замерзнуть, двигаться надо.

— Нет, трактор не брошу.

Снова томительные минуты...

...Вспоминается другой факт его жизни. Во время посева лили дожди. А ночью — мало одной печали — возьми да ударь заморозки. Вспомнил — не выпустил воду из трактора. Сел на мотоцикл, поехал в поле. Грязь непролазная — суглинок в Наурзумском районе. Больше волоком тащил двухколесный. Устал. Но воду выпустил.

Мне кажется, в эти моменты он был сродни летчику, решившему посадить неисправный самолет.

... — Никуда не пойдем — найдут нас. — Брови, ресницы стали белесыми, лицо обожгло ветром, а он стоял на своем, верил в товарищей. Не всегда, видно, верно расхожее выражение «по себе людей не судят», ибо он судил именно о себе.

А вскоре послышался гул. Где-то трактора! Включили свет — увидели. Их искали. Не нашли бы — смерть.

Да, жизнь воспитывает. Как вынес он из своего сложного детства (эхо войны, говорят, еще не изучено до конца, оно в каждом из той поры, в каждом из нас) отрицательное — этакую нарочитую разухабистость беспризорника, так вынес и положительное. Убеждения и принципы вошли у парня в плоть и кровь.

Не надуманные, не книгами привитые, а естественные, воспитанные суровой реальностью («Сегодня зажмешься, пожадничаете, завтра от своих же жизни не будет»), когда приходится на помощь, жить не таясь — то же, что дышать. Так же естественно, как и безудержная удаль, веселость нрава. Да и неразделимо все это в российском характере, широк он. А может и наивен в широте этой: самозабвенно отдается и работе, и веселью, а потом страдает. Но все же десять раз неправ дядя Валентин, когда он, каясь, называет

себя неудачником. Наоборот, он духовно даже красив — не отвлекает от дела наурзумского хлебороба мелочное самолюбие, не ест корысть. Жизнь помогла отсеять ненужное, степным ветром выдуло. Что же до недругов его, то с ними он отношения выясняет по-своему. Нет, он не старается вывести их на чистую воду, не ходит по инстанциям. Он просто живет по-другому. Противостояние — не меньшее по силе, ибо делает ставку на главное: вселяет в людей веру в... людей. Осознание того, что не все думают только о себе, честных делает еще честнее, а сомневающихся, юношей, обдумывающих житье, агитирует лучше всяких лозунгов.

Если Марачуненко увидит, что где-то заплесневелые корки хлеба валяются — соберет, аккуратно очистит и съест. Однажды в городском магазине заметил, как придирчиво щупают булку за булкой. Неприятно стало. Сказал тем людям, помнится, что-то не очень вежливое. Хлеб есть хлеб. Это труд, здоровье механизаторов. Словосочетание «хлеб-соль» вызывает у них в памяти совсем не парадный каравай с солонкой, а пропитанную соленым потом рубаху.

Мы прощались. Дядя Валентин, видимо, чувствовал, что я запомнил его начальное «в жизни не преуспел». Поэтому и сказал:

— Ты не думай, ни о чем я не жалею. Прожил 32 года в одном совхозе, женился, теперь три дочери тут живут. Все нормально.

...Наверное, за такие встречи стоит быть благодарным бесконечным журналистским командировкам — именно там открываешь простые, но вместе с тем глубокие истины. То, что дети, внуки Марачуненко живут в Шолаксае, рядом с ним, говорит о многом. Нет, не о заботе власти о деревенской молодежи, не пресловутой социальной политике на селе (чтобы выпускники не уехали в город, надо делать то, это, пятое-десятое). Дети остаются, когда чувствуют, что вышли из здоровой семьи, что отец их уважаем. Когда чувствуют, что именно здесь, в родной деревне, главная, последняя, если хотите, инстанция в жизни, а не где-то за семью морями.

Так что очень большой смысл вкладывал дядя Валентин в свои слова. Только из скромности не мог договорить до конца: он живет, дети живут и доброе мнение о нем, о семье в Шолаксае живет. И нет для человека ничего важнее этого мнения. Нет ничего важнее ощущения необходимости людям. Этой меркой, а не высотой формального положения, не отмеченными заслугами в конечном итоге изме-

ряется каждый из нас. И признание людей — лучшая награда в жизни.

Он ушел. Но словно бы остался со мной. Звучал его голос, не уходило из памяти: «Что еще обидно, немало хитрых людей среди молодежи. Грамотные нынче все стали, законы знают, права. А вот человеческой грамоты, знания обязанностей недостает. Иногда думаю: вот уйдет наше поколение, что с державой станет?»

Утверждение не бесспорное. Сейчас у нас, наоборот, все больше говорится о правах человека. Но, к сожалению, история России и СССР складывалась так, что простые люди были просто обязаны приносить себя в жертву великим целям. Идеально, если удастся сочетать права конкретных людей, общества и интересы государства. Если этот баланс нарушается, многое достигается за счет самоотверженности таких людей, как Марачуненко. Но, как я понял позже, дядя Валентин был совсем не против грамотности и прав человека. И не о поколениях говорил (молодежь он любит, иначе не крутились бы вокруг него парни). В слова свои вкладывал больше нравственного смысла. И называл поколением всех честных людей.

...Его дом находится рядом с совхозной гостиницей. Ночью от холода спалось не очень хорошо. Я слышал, как к Марачуненко в окно постучали. Кому-то потребовалась его помощь...

(Кустанай, ноябрь 1987 года)

ЧАБАНСКОЕ СЧАСТЬЕ КАТИМЫ

Дорога предстояла неблизкая — в Алма-Ату, на Казахское телевидение. Ей, Катиме Елемесовой, кандидату в народные депутаты СССР, предстояло выступить перед всей республикой. Выборы в этом, 1989 году, впервые были не показательные, а настоящие. Соперники подобрались серьезные, один Валериан Столбунов, директор совхоза «Покровский» Орджоникидзевского района, чего стоит. Потому кажется, даже обрадовалась, что погода нелетная и до Кустаная ехать на поезде: под неспешный перестук колес можно еще раз проштудировать программу. Положила перед собой листы, но мысли возвращались туда, на Идрис.

Идрис — ее чабанская точка в Амангельдинской степи, от отделения Кошкамбай совхоза «Родник» — 22 километра. На-

звано место по имени богатого бая, жившего там. Бай-то был богатым, но сейчас употреблять это слово применительно к условиям жизни на Идрисе язык ни у кого не повернется.

Когда рассказывает городским о своем житье-бытье, те смотрят на нее с огромным уважением и жалостью. Электричества нет, телевизора, естественно, тоже — спасают газеты и журналы. Недавно ездила по турпутевке в Венгрию и Румынию. Посмотрела на жизнь европейцев. И одновременно взглянула на казахов-степняков со стороны: прежде считала ее обычной и естественной частью природы.

В 1975 году в аварии погибла мама. Остались дети с отцом, самому маленькому два годика. Она вместе с сестрами взялась за все домашние заботы. Отец — старший чабан, готовила ему еду. Незаметно приохотилась ухаживать за животными. Собирала на сани сено, развозила овцам. Потом села на лошадь и начала пасти. После десятилетки без раздумий пошла в помощники к отцу, Тулеубаю Елемесову. Через пару лет все видели: Катима готова к самостоятельным шагам. Отец передал ей свою отару, стал табунщиком. И не пожалел. В первый же год Катима получила от 100 маток 99 ягнят.

Сейчас у нее, 23-летнего старшего чабана, в отаре 590 овец. Помощником — Сисембай Бильдигбаев. Он возрастом постарше, но авторитет Катимы уже достаточно крепок. Впрочем, времени выяснять, кто старше, просто нет. Сено грузить, навоз из кошар чистить — все вместе. Как он там сейчас один, не проспал бы.

Сама она просыпается в шесть утра, без всяких будильников. Чай ставит в самоваре (не в электрическом, а в «настоящем», какой избалованный горожанин «запускает» ради экзотики и форсу у себя на даче). Воду — привычное дело — носит из озера Жиланшик, что рядом. Хлеб загодя выпекает дома, на отделении.

Впрочем, что называть домом? Всю зиму на Идрисе живет, а с мая — романтика джайляу. Нравится ей лето. Так что домом в пору всю степь называть.

Природа словно специально постаралась. Рядом с озером Жиланшик — кустики с нежной листвой. Потому овцы сейчас далеко не уходят. Когда в воздухе повеет бураном, труда не составляет собрать и сберечь их. А вообще-то и у отца, и у нее не было критических ситуаций, когда приходилось бы спасать животных. Случаев таких могло быть немало. В чем секрет? Он прост — надо постоянно быть рядом с животными.

Главное — беречь овец, замечать слабых, давать им подкормку. С надеждой и тревогой ожидают они пору ягнения. Родился баранчик — на улицу его, для укрепления. Из спортивных матов подготовили специальное место для малышей. Когда они болеют, приглашает ветеринара, не отходит сама. Многие выживают. Получает от 100 овцематок 107 ягнят.

...За окном — едва заметные огоньки далеких от железной дороги поселений. Глядя на них, почему-то вспомнила ...волков. Ах, да! У тех тоже блестят в темноте глаза, когда шастают они неподалеку от Идриса. Ей-ей! Один раз осенью столкнулась с серым разбойником лицом к лицу.

Задумалась тогда, сидя в седле, скользнула взглядом по мордам, приняла их за лис. Потом, когда те стали подбираться к овцам, очнулась. Пришпорила коня, замахала кнутом и вместе с собакой Жабыл бросилась на волков (их было пять или шесть). Кричала что-то невообразимое. Убежали мохнатые. И только после этого подумала о себе, струхнула.

Однако совсем не природа готовит главную опасность чабану. В степи он простывает, выматывается так, что ломит сердце. Но болеть некогда. Отлежится человек один день и снова за дело. Когда Аркалык был областным центром, на чабанские точки часто приезжали врачи из областной больницы. Лекарства привозили, зубы лечили. Из Кустаная пока никого не было.

Дело, конечно, не в разовых набегах лекарей из центра. Важнее — постоянное внимание. Ведь не от хорошей же жизни животноводы «не обращают внимания» на болезни. Врачи просто не могут приехать. Дорог нет, весной и осенью — грязь, зимой снег переметает путь.

Жены овцеводов часто рожают прямо на чабанских точках. А медики или вообще не приезжают, или прибывают с опозданием. Обидно: детишки болеют, часто умирают... Помнится, родственница Батима-апа рожала в совхозной больнице. Пришла она к ней и расстроилась. Как смириться: нет горячей воды, холодно. Не лучше условия и в других медицинских учреждениях, сплошь и рядом ютящихся в приспособленных помещениях.

Видя это, молодежь старается убежать в более обжитые места. И родители советуют: приобретайте не такую тяжелую профессию. Ее отец ничего подобного не говорил. Наоборот, внушал уважение к животноводству. Радуется теперь Тулеубай-ага, что его Катима приняла свою трудную долю.

Когда стала готовиться к выборам, узнала: в медицинском обслуживании села проводится своего рода эксперимент. Минздрав республики решил по опыту Украинской ССР разукрупнить сельские участковые больницы. И начались бесконечные мытарства, поездки к врачу за тридевять земель. Выход «простой»: на каждом отделении должен быть высококвалифицированный врач.

Если станет депутатом, будет бороться за льготный режим труда женщин. Не только она, другие помощницы мужей таскают воду. Что мешает провести водопровод, поставить колонку? А разве нельзя механизировать раздачу кормов? Тогда работа чабана не будет безнадежно тяжелой. Знает и о доле тружениц других профессий, выполняющих неквалифицированную работу. Ей говорили об этом, когда ездила в Кустанай на окружное предвыборное собрание. Вот поступит на заочную учебу в сельхозинститут, еще прибавит знаний.

Впрочем, заботы старшей сестры понятны и без высшего образования. Она не всегда может купить своим ребятишкам самое простое — штанишки, курточки, рубашки. А где «достать» детскую шубку? Но ведь овцеводческий же край. Пора учиться обрабатывать шкуры на месте и шить шубы для детей и взрослых. А что это за дефицит сахара, мыла, других товаров? К животноводам приезжают спецавтолавки. Хорошо это? Говоря о чабанах — да. Но вообще-то не стоит увлекаться всякими там «спец». Каждый человек должен спокойно, без унижения покупать все нужные товары...

Каких только советов и просьб она не услышала в последнее время! И вдруг осознала: не убежать в поисках земли обетованной, а жить заботами и трудностями земляков — это, наверное, и есть ее чабанское счастье.

...Не заметила, как задремала. Проснулась по привычке в шесть часов. На столике — листы с ее программой. Улыбнулась: так и не заглянула в нее вчера. И без того въелось все в память, как въедается в руки не женский, но почему-то любимый труд.

(Кустанай, март 1989 года)

ТУРГАЙСКИЙ НЕПТУН

В пору летнего пекла моторист на степной водокачке — все равно что бог.

Тургайцы довольны: вода поступает в поселок беспрерывно. Довольны, поскольку еще пару лет назад насосная то и дело выходила из строя. Поэтому и называют старшего моториста Михаила Барсука Нептуном. А вид он имеет совсем не царственный: клетчатая выцветшая рубашка, кепочка набекрень, белесая щетина и добрые, спокойные глаза. Мы, журналисты из Кустаная, к которому совсем недавно вновь присоединили тургайские степи, искупались и пьем чай в приятной прохладе тополей, что выстроились вокруг дома моториста.

Прежде «Нептун» жил в совхозе «Первомайский», воду качал, домик имел на берегу, огород, скотину держал, охотился. Был в ладу с собой и «окружающей средой». И вдруг вызвал его председатель райисполкома: переезжай в Тургай, нужен специалист на насосную станцию. Барсук ни в какую: сам не хочу, да и жена против. Вызвали вместе с женой Анной Адамовной. Мол, у нас около двадцати заявлений, много желающих пожить на отшибе, с водой, хозяйство заиметь. Согласились-таки.

«Наследство» получили — не позавидуешь. Насосы «летели» один за другим, подшипники выдерживали от силы десятков дней. Понимал: ремонт нужен. Но ведь днем водокачку, которая «поит» весь райцентр, не остановишь. Пришлось прихватывать ночи.

Зато теперь жизнь вошла в свое русло — можно и порыбачить. Благо речка Тургай еще чистая, цивилизацией не испорченная. Без рыбалки и охоты он себя не мыслит. Места здешние изучил вдоль и поперек. Говорят, язык до Киева доведет. Пожалуй. Когда охотник Барсук спрашивает казаха на казахском, как проехать туда-то — взаимопонимание гарантировано. Ну а то, что язык он знает, — не удивительно. В Тургае иначе да без знания обычаев, нравов коренных жителей просто невозможно. Интересно, что, собираясь вместе, дети русских, белорусов, украинцев говорят друг с другом ... по-казахски. А как же по-другому, если отец и мать родили и воспитывают их здесь?

Дети дяди Миши выросли работающими, не избалованными. Дочка Оля зимой ходила в школу на лыжах (до Тургая от их «фазенды» несколько километров). Ну а то, что лимонада, мороженого не было вдосталь, — не беда.

Анна Адамовна все подливает вкуснейшего чая, а я, потеряв счет выпитому, с интересом слушаю рассказ дяди Миши, полный добра и юмора несуетящегося в этой жизни человека. Приехал он в Казахстан в 1961-м по оргнабору, в Тургай попросился сам — много слышал о легендарном поселке в географическом центре республики. После стольких лет в любом ауле имеет добрых знакомых. Их дети узнают Барсука на улицах, приветствуют. Причем они тоже зовут его не по имени-отчеству, а Борсак, так ближе и как-то по-местному.

За широту нрава, уважение к обычаям ценят в степи дядю Мишу Барсука. Но не только. Прежде всего люди преклоняются перед его умелыми руками. К мастеру на водокачку идет, кто раму заварить, кто емкость залудить. А прошлой осенью Барсуку пришлось работать по 10—15 часов в сутки. Вот-вот полетят «белые мухи», а кочегарка в райцентре к зиме не готова. Пришлось днеть в ней и ночевать.

...Шелестит листва, щебечут птицы, лягушки выскакивают из-под ног. Где-то рядом пасутся коровы. «А вам не кажется, что вы создали тут для себя маленькую Белоруссию?» — спрашиваю. Хозяева улыбаются. «Нет, — говорит прежде молчавшая, с лукавой улыбкой поглядывавшая на мужа Анна Адамовна. — Нас иногда спрашивают о другом. Мол, как вы тут одни среди казахов? Удивляюсь такому вопросу. Мы совсем не одни — мы вместе с ними».

(Кустанай, июль 1989 года)

ФАВОРИТ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

(написано в соавторстве с Валентиной Захарченко)

Его трудно представить в роли побежденного. И даже сейчас, когда разговор о репутации ведется не только в кулуарах, когда часть власти уже потеряна, он продолжает сохранять хладнокровие, выдержку, умение владеть собой. Жалеют слабых, а он никак не похож на человека, раскисшего в неприятной для него ситуации. За это можно уважать, если поведение определяется только силой характера, а не приобретенным с годами иммунитетом против «мелких неприятностей», верой в сильных покровителей, которые в любой момент могут спасти. Пожалуй, окажись другой на его месте, давно бы выпал из седла и сломал себе шею. Но нет, не тот случай, не тот человек.

— Владимир Павлович, вы сейчас ни в чем не раскаиваетесь?

Он отвечает настолько быстро, что поневоле кажется — думал об этом давно и четко для себя решил:

— Нет, ни в чем!

Столь откровенный и однозначный ответ — от сознания собственной безупречности или способ сохранить лицо? Да он и сам признался: откуда у вас может быть уверенность, что я искренен?

Что же это за человек, попавший в поле общественного внимания? Впрочем, он никогда и не выходил из него. Встреча наша состоялась за несколько дней до пленума обкома партии, на котором он собирался выступать. С единственной, как выразился, целью — быть понятым. Понять его хотим и мы.

В зону повышенного внимания Ищенко попал очень рано. В институте был на виду способный велогонщик, кандидат в мастера спорта и, что не часто бывает, — отлично успевающий студент. Высокий статный парень (эти качества, заметим, сыграют в его судьбе не последнюю роль) уже тогда знал себе цену, умел находить общий язык не только со сверстниками.

Вскоре молодой специалист возглавил отделение пригородного совхоза «Притобольский». Заметим, необычного отделения: стал управляющим тепличного комбината. Овощи, как известно, нужны всем, круг знакомых расширился. И от Владимира Павловича тоже зависело, кому дать, кому отказать. Стало известно, что молодой руководитель без оформления документов сбывал продукцию. Партийная организация это дело разбирала и объявила выговор с занесением... Вспоминая тот период, Владимир Павлович добавил больше: для получения прибыльных ранних овощей приходилось рисковать, чтобы иметь тот же керосин, задвижки для теплиц. В ход шел натуральный обмен, легализованный теперь под названием «бартер». Да и некоторые его тогдашние действия сегодня вполне спокойно воспринимаются как предприимчивость.

Можно было бы говорить о том, что человек опередил время. Но не правильнее ли рассматривать поступки в контексте той поры? Для любого другого человека одного такого момента было достаточно, чтобы поставить крест на дальнейшем продвижении вверх. В биографии Ищенко факт остается фактом: стал агрономом, заместителем директора другого пригородного совхоза — «Мичуринского».

Тогдашний первый секретарь Кустанайского райкома партии В. Сидорова благоволила к молодому руководителю. Хотя та же Вера Васильевна предупредила заведующего сельхозотделом райкома: ни в коем случае Ищенко в резерв на директора не вводить — притобольская история еще не забылась. Но через год тот же самый секретарь тому же самому заведующему скажет: «Готовьте документы на директора». «Но вы же сами...», — попытается тот напомнить. Вера Васильевна выразительно покажет наверх.

Сейчас можно сказать, что это назначение было решающим, своеобразной пружиной, которая вытолкнула этого человека на более высокую орбиту. Все обстоятельства способствовали тому. «Мичуринский» — не просто рядовой совхоз, а тот самый, который в народе метко называют «придворным». Там семинары и школы, туда — высокие гости и спещы. А посмотреть действительно было что: предшественник сделал из него игрушку. В «Мичуринском» в одном из первых в области появилась селекционная группа коров, отработывалась поточно-цеховая система производства молока (иные буренки-рекордистки давали по шесть и более тысяч килограммов в год), построены животноводческий комплекс, цех по переработке молока. Производство овощей и фруктов затратно и трудоемко, совхоз получал государственные дотации, много строил. Именно в «Мичуринском», кстати, находилась дача для высоких гостей, стоящая на балансе хозяйства. Вот такое, если в общих чертах, наследство получил один из самых молодых директоров области. Закономерно, что он попал в поле зрения высшего областного начальства. Понравился Владимир Павлович первому секретарю обкома Василию Петровичу Демиденко во время посещения совхоза. Ни для кого не было секретом, что «первый» любил людей фактурных, представительных. А здесь еще и внешнее сходство молодого директора с «самим». В райкоме полушутя-полусерьезно сказали: «Ну, готовься в область».

Кадровая политика тогда определялась в кабинетах, по согласованию должностных лиц друг с другом. А затем о решении сообщалось человеку. «Я лишь один раз в жизни писал заявление, — признался Владимир Павлович, — а все остальное время меня просто передвигали». Такая система, согласитесь, сама по себе предполагала любимчиков и изгоев. Зачастую чисто субъективных, порой мимолетных моментов было достаточно, чтобы возвеличить или развенчать. Как должен был себя вести человек, перед кото-

рым замаячила перспектива роста? Ведь отказ был чреват попаданием в неперспективные. Не поэтому ли чаще всего соглашался?

Но было бы наивным считать достаточным для повышения в должности только симпатии к личности. В любое время играли роль показатели, определенный уровень возможностей. Вот почему нужно было поддерживать реноме, утверждать себя. Ясно, что за два с небольшим года в должности директора каких-либо масштабных изменений, позволяющих сказать — вот это директор! — сделать просто невозможно. Хотя, конечно, Ищенко кое-что сумел: занимался благоустройством, строил жилье, котельную. И опять рисковал. Весной 1985 года совхоз отчитался, что посажено 150 гектаров картофеля и 115 — овощей. На самом деле было значительно больше. Приписки добавили урожайность.

Странное совпадение. Когда в совхозе возникали сомнительные ситуации, при этом чуть ли не обязательно была фамилия директора. Стало известно, что затопленная и списанная по фиктивному акту радиоаппаратура была уценена и продана неизвестному лицу. Указания давал Ищенко. В обход закона снабженцу выплачивали часть зарплаты по фиктивной ведомости — опять его команда. За счет совхоза проведен ремонт квартиры одного из начальников строительного подразделения, не имеющего отношения к хозяйству, — снова не без участия директора.

В этот же период возникает уголовное дело по обвинению бывшего прораба совхоза А. Кузьменко и бывшего рабочего по заготовке леса Г. Цыганкова. Перед нами приговор народного суда Кустанайского района. В нем не раз упоминается: Кузьменко с ведома бывшего директора составил фиктивный наряд. Тот же Кузьменко дает показания суду о приписках в государственной отчетности. О них, утверждает он, было известно директору. Да и согласно постановлению Верховного суда СССР от 21 июня 1985 года субъектами данного вида преступлений могут быть лишь должностные лица, на которых возложена обязанность представления государственной отчетности, — руководитель, главный бухгалтер. Но Ищенко даже не присутствовал тогда на суде...

Это был урожайный период на дела, заведенные по поводу хищения в пользу третьих лиц. Для того чтобы строить, балансировали на грани, преступали ее. Кому-то сходило с рук, а кто-то платил полной ценой — избиратель-

ность была выше закона. Исключением стал и Ищенко. Следователь, который вел тогда дело, даже сейчас отказался что-либо вспоминать — хватит того, что уже пережил.

Долго будет тянуться начатая в «Мичуринском» история с жильем. Одноквартирный дом, на который было дано решение райисполкома, превратился в двухквартирный. На маленький спектакль походит процедура вселения. На имя Ищенко В. П. поступило заявление от рабочей, матери директора Ищенко Н. А. (она, кстати, не стояла в очереди на получение квартиры). И сын наложил на нем вот такую резолюцию: «Прошу членов профкома решить положительно». Разговоры о переводе на другую работу становились все конкретнее, а такой особняк терять было жаль. Позже, когда вокруг дома начнется шум, семья Ищенко освободит его. Сейчас в этом здании музыкальная школа, и не только она.

Новое назначение состоялось. Он стал заместителем заведующего отделом сельского хозяйства обкома партии. Совсем некстати были письма в высокие инстанции из «Мичуринского». Факты проверяла комиссия партийного контроля при обкоме партии. Кое-что подтвердилось, кое-что нет. Ищенко получил партийное взыскание и... следующую должность. Поехал первым секретарем во вновь созданный Убаганский район (выбирают того, на кого показывают, — скажет он нам). Восхождение Владимира Павловича продолжалось.

— Владимир Павлович, бытует мнение, что вы карьерист, молодой да ранний. И биография ваша это подтверждает — такой стремительный рост.

— Я никогда никуда не рвался и никого ни о чем не просил.

Возможно, это и так. В номенклатурных кругах свои законы. Не случайно один из бывших партийных работников, вспоминая этот период в биографии Владимира Павловича, сказал: «Его тогда заслонили». Выходит, не только он сам делал себе карьеру, ему ее делали.

С Владимиром Павловичем мы беседовали долго. Иногда он подкупал откровенностью. «Знаете, — говорил, — я часто думал, почему так складывается в жизни. Вроде продвижение по служебной лестнице было, но я никогда не жил спокойно, обязательно где-то что-то... Категорически против мнения, что являюсь любимцем системы. Везде работал в полную силу, не раз получал шишки за свое мнение».

Пиком карьеры стало назначение в 1988 году на должность первого заместителя председателя облисполкома, председателя облагропрома, избрание членом бюро обкома партии. Ищенко тогда было 36. Кстати, реально была возможность работать в ЦК, ведь говорили же на эту тему.

Его карьера все еще вписывалась в систему бытующих отношений, но в них стали появляться кое-какие поправки. И то, что раньше было безусловным приоритетом хозяев высоких кабинетов, стало частью процесса демократизации. Былое утверждение на сессиях руководителей исполкомов избавлялось от формализма. На организационной сессии, состоявшейся после последних выборов в местные Советы, произошла несколько непредвиденная заминка. Депутат от округа, в который входит совхоз «Мичуринский», попросил воздержаться от утверждения Ищенко до выяснения обстоятельств письма, полученного накануне от избирателя. На заседании комиссии из 12 депутатов восемь проголосовали за такое предложение. Но в зале, перед лицом президиума из восьми человек, только четыре подтвердили свое мнение. Один из руководителей района позже признался, что в своей жизни дважды голосовал против, один из них — на этой сессии. Надо было видеть, как выходили к микрофону и защищали Ищенко номенклатурные кадры. Владимир Павлович волновался, а потом по старой спортивной привычке взметнул руки вверх, как делал это на финишах, одерживая победы. Избранник системы остался в обойме.

Об этом надо сказать особо: система привела наверх, выбрала в свои фавориты незаурядного человека. Единицы получали красные дипломы, далеко не все способны учиться в Академии общественных наук. Многие из тех, с кем приходилось говорить во время работы над материалом (а это были отнюдь не друзья Ищенко), отмечали его сильную волю, умение влиять на других, не оставлять начатое дело на полпути.

Для нашей сельскохозяйственной области он оказался в эпицентре. Возглавлять управленческие структуры сельского хозяйства всегда было сложно. В тот период, когда пришел новый председатель, особенно обострились противоречия между конъюнктурой, интересами союзного, республиканского и областного порядков. В Алма-Ате спрашивают за выполнение поставок в союзный и республиканский фонды, а местные органы власти защищают интересы своих жителей. Административная несвобода допол-

няется невозможностью самостоятельно принимать решения по сугубо профессиональным вопросам — о путях развития животноводства, растениеводства. О чем может быть речь, если и в этом году из Алма-Аты спущена обязательная система севооборотов. Мы попытались найти ответы на вопрос: чему же привержен в сельском хозяйстве председатель? Не знают. Вот что поохотиться любит, быстрее вспоминали. А вообще, о чисто человеческих чертах Владимира Павловича люди могли мало что сказать. Он держал их на расстоянии от себя, а кое-кому казался даже недоступным, высокомерным. Потому удивило, когда во время отпуска пришел со своей маленькой дочерью в обл-агропром и вел себя просто, как всякий любящий отец.

Взлет взлетом, но не надо забывать и другое: восхождение по служебной лестнице мы привыкли представлять в виде перевернутой пирамиды — дескать, человек с нуля движется наверх, расширяя свой диапазон. Ерунда все это, пирамиду переворачивать не надо. И начинать восхождение нужно с крепкой основы, чтобы прочно стоять. Это надежнее подпорок покровителей. Мы к тому, что прочность испытывается в ситуациях, где предполагается выбор. Не секрет, что стал участником бартерных сделок и наш Агропром. Есть среди партнеров и Нижний Новгород (Горький), известный производитель легковых автомобилей ГАЗ. В обмен на «Волги» область отправляла мясо, сыр, сухое молоко. Нам говорили, что руководители АПК давно не получали служебные машины, поэтому и пошли на такой обмен. Но есть вопросы. Так ли уж автомобили перво-степенны, если других проблем в Агропроме пруд пруди? Далеко ездить не надо. Вот, скажем, в пригородном совхозе «Краснопартизанский» два года новые теплицы на площади шесть гектаров не могут ввести из-за отсутствия стекла. А ведь это уже общий интерес. Ну а если уже продолжать разговор о машинах, то зачем Владимиру Павловичу было отдавать распоряжение продать служебный автомобиль, который прошел-то совсем ничего. Своему водителю?

Новый всплеск внимания к этой фигуре вызван упоминанием его имени рядом со страховой фирмой «Гранит». Ищенко ставится в вину, что оказывал давление на совхозы, подталкивал их к заключению договоров, имея прямой интерес: в фирме работала жена. Да, фирма — один из нарождающихся элементов рыночной структуры. Возврата к патрулируемой экономике нет. Только разговор сейчас не о том, мы не против идеи. Но знаете, какая пришла «кон-

структивная» мысль: взять да и приставить к каждому кооперативу минимум по одному влиятельному лицу. Да так, чтобы мог, как Владимир Павлович письмо рекомендательное написать, обратиться в республиканские инстанции. С другой стороны, какой здесь криминал? Да разговор бы и не возник, не работай в фирме член семьи.

Кстати, интерес общественного мнения к Ищенко совпал по времени с официальным сообщением в «Ленинском пути»: «Исполком областного Совета народных депутатов принял решение: в связи с реорганизацией структуры органов управления области освободить Ищенко Владимира Павловича от обязанностей первого заместителя председателя облисполкома...»

О своем строящемся доме он начал рассказывать сам:

— Понимаете, — говорил, — ведь это дело такое, шаг влево, шаг вправо — и ты выпадаешь из обоймы. Я взял ссуду и хочу построить себе нормальный пятикомнатный дом, чувствовать за своей спиной тылы.

Правильнее было бы сказать: укрепить тылы. Ведь его не только двигали наверх, он и получал в силу занимаемых положений лучшие — квартиру, дачу, гараж, машину (что там еще?). Вот и сейчас, не надо лукавить, строит дом, имея возможности власти.

— Правильно подцепили. Конечно, сидя здесь, есть возможности выписать, договориться со строителями...

Видели мы этот особняк на берегу водоема в «Мичуринском». Иметь подобное жилье в цивилизованном обществе работающему человеку — норма. Но ведь у нас сейчас в округе Кустаная первыми начали и более успешно ведут стойки многие из руководящих. Может, те самые тылы?

С должности Владимир Павлович собрался уходить. «И не потому, что в чем-то провинился, — подчеркивал он. — Вы же видите, говорил, мировоззрение идет к естественному разуму, экономической обоснованности. Да, мы движемся к рынку, придется менять образ мыслей, стиль жизни. На этой волне даже те, кто накопил неоплаченных векселей, получают шанс красиво уйти».

Наверное, в этой незаурядной карьере и финал будет незаурядным.

(Кустанай, апрель 1991 года)

ГЕНЕРАЛ ПЕСЧАНОЙ КАРЬЕРЫ

«Министр нас опускает»

Заместитель начальника главного управления внутренних дел (ГУВД) Челябинской области генерал-майор милиции Владимир Майоров зашел в кабинет начальника ГУВД генерал-майора Павла Григорьева. Он волновался: понимал, что разговор будет непростым.

— Павел Васильевич, я решил уйти со службы.

Григорьев нахмурился. В Челябинск он приехал недавно — перевели из Кемерово, где работал заместителем. Как всякому новому человеку, ему на первых порах нужны были люди из прежней команды, чтобы помогли войти в курс дела, пояснили местную специфику. Заместитель по кадрам Майоров уже во время знакомства заявил, что собирается уходить с работы. Если учесть, что прежний начальник Юрий Луконин именно его рекомендовал на свое место, то желание уволиться, скорее всего, было эмоциональным ответом на решение МВД. Тогда они вроде поняли друг друга, Майоров остался. И вот снова:

— А ты хорошо подумал, Владимир Иванович? У тебя сейчас есть статус, авторитет. Без должности все это потеряешь.

— Статус? Я считаю, что последние публикации об «оборотнях» опускают статус милиции ниже городской канализации.

Выходит, проблема не только в неудовлетворенных амбициях:

— Система, Владимир Иванович, таким болезненным путем очищается.

— Не согласен я с этим, Павел Васильевич. Министр ради политических целей просто разрушает авторитет милиции.

В те дни 2003 года в России дружно заговорили об «оборотнях в погонах». Майоров смотрел телевизионные сюжеты и возмущался: громогласно объявлялись имена задержанных сотрудников МВД, их без суда и следствия называли преступниками.

Генерал сам сторонник очищения милиции, но его сильно задевало, что на большой теме лидеру «Единой России» и министру внутренних дел Борису Грызлову начали делать скороспелый пиар.

— Семенной картофель посади в хорошую землю — получишь хороший урожай, — горячился в те дни Майоров. — А воткнешь в суглинок — урожая не будет. Прежде всего — почва. Среда определяет сознание.

— Получается, что вины этих людей нет? — спрашивал я его.

— Как нет! Любой человек, который преступил закон, виноват на 100 процентов. Но не надо весь негатив вываливать в газеты и на экраны!

Инспектор-«засланец»

Бывшего водителя ЧПАТО-2 Володю Майорова в дорожно-патрульной службе областной ГАИ называли не «оборотнем», а «засланцем». В глазах кадровых гаишников бывший водитель-дальнбойщик, в 28 лет ставший командиром батальона, и впрямь выглядел засланным казачком шоферов. Но заместители, которые были старше Майорова на 25 и 15 лет, и другие сослуживцы вскоре изменили мнение.

Капитан Майоров ехал вечером по уфимской трассе. Впереди шел КамАЗ и, как обычно бывает с этими машинами, сам на себя бросал грязь (дело было весной). В какой-то момент на подъеме Майоров едва не врезался в грузовик на своих «Жигулях». Во время остановки он подошел к кабине и попросил у водителя тряпку. Дальнбойщик, увидев перед собой щеголеватого капитана, подумал, что тот решил протереть сапоги. Но храбрый гаишник неожиданно сказал:

— Ты устал, давай протру тебе габаритные огни!

«Накажи я его, — рассуждал Майоров, — он сказал бы: «Козел». А так — на всю жизнь запомнит».

На всю жизнь запомнил Майорова и автолюбитель из башкирского города Учалы. Тогда комбат возвращался из Аши. Во втором часу ночи у Миасса увидел автомобиль, в котором ехала семья. Как оказалось, у «Жигулей» пробило колесо, а запаски не было. Майоров отдал свою, назвал адрес и попросил завезти, когда все образуется. Водитель через какое-то время вернул колесо и сдал в дежурную часть не ГАИ, а УВД области. Начальство чуть не расценило это как взятку — хорошо, что Майоров тогда ехал не один.

А другой случай запомнили пассажиры «Икаруса», который сломался и сошел с дороги под Троицком. Быть во время степного бурана в чреве сломанного автобуса — верная гибель. Неожиданно в небе появился вертолет, в котором на

помощь прилетели пилот Юрий Чирков и Владимир Майоров. Они эвакуировали по пять-шесть человек в Троицк.

Майоров в то время уже тяготел к авиации. Он сказал командиру дивизиона Игорю Пароделову, что хочет в свободное время летать, а потом — патрулировать дороги. Экипаж тогда у них был азартный: Николай Новиков — мастер спорта по пилотажу, из тех, что ходят хуже, чем летают. Подстать ему летчики Ерофеев и Спицын. В нарушение правил полета они приземлялись на дорогу и оставляли на ней инспектора. Тогда водители всерьез боялись, что с них возьмут штраф за внеплановую посадку винтокрылой машины.

— Если ты на вертолете, — количество нарушений должно быть больше, — убеждал Пароделов.

— Нет, — возражал Майоров, — люди видят, что мы летим, поэтому нарушений вообще не должно быть!

«Засланный казачок» проповедовал простую вещь: не водитель для нас, а мы для него, относитесь к людям за баранкой по-человечески, старайтесь им помочь.

Он не собирался работать в ГАИ, но в ту пору на работу в милицию направляли из трудовых коллективов. Из ЧПАТО-2 отрядили его и Валерия Артемьева (потом погиб при исполнении служебных обязанностей). Он должен был раз в полгода рассказывать в своем бывшем коллективе о службе.

Во время одной из встреч водители первой колонны Геннадий Красноярец и Федор Дыба рассказали интересную историю. Приехали они в Ригу, после окончания рейса сидели в ресторане. Подсели двое латышей, тоже междугородники, и предложили выпить за челябинских гаишников.

— И чего ради я за них пить буду?! — удивился Дыба.

— А вот послушай, — ответил один из прибалтов.

И рассказал, как у Чебаркуля у его МАЗа разорвало крыльчатку вентилятора. Она пробила радиатор, вытекла вода. А на улице минус 30. И тут подъехал на «Волге» старшина милиции. Помог найти медника, запаяли радиатор, возили на «Волге» флягами воду — у большегруза объемный радиатор.

Во время занятий Майоров рассказал эту историю своим сотрудникам, высказал благодарность. Известно было, что тем самым старшиной был Виктор Кузнецов. Но он скромно промолчал. После этого случая капитана уже никто не считал «засланцем».

Первый на первом факультете

Перспективного сотрудника направили на учебу в Академию МВД. Причем на факультет 1, на котором готовят резерв номенклатуры министра. Выпускники первого в дальнейшем становятся руководителями структурных подразделений аппарата министерства и начальниками УВД регионов. Майоров учился с интересными людьми — с недавним заместителем министра, а сейчас депутатом Госдумы РФ Владимиром Васильевым, с президентом Молдавии Владимиром Ворониным, министром внутренних дел Туркмении Параном Бердыевым и другими.

Поначалу в Москве его поразило только то, что после двух часов дня был абсолютно свободен. Человеку, привыкшему много работать, это было странно. Он не стал привыкать к праздности. Постепенно почувствовал, что созрел для занятий наукой. Услышав это, профессор Леонард Михайлович Колодкин удивился:

— Владимир, ты заканчиваешь перспективный факультет, впереди хорошая карьера. Зачем тебе наука?

— В Москве я понял, что наука не знает чайной практики, а практика не понимает науку. Я решил встать между ними.

— Впервые встречаю такое желание.

За время учебы в академии Майоров принял участие в трех научных конкурсах. Занимал первые и призовые места. По условиям, если входил в десятку лучших, можешь защитить конкурсную работу как дипломную. Майоров — единственный на курсе! — вышел на защиту с тремя темами.

— Что я должен докладывать? — спросил он у комиссии.

— Обычно здесь мы задаем вопросы, — удивился председатель.

Ему пояснили, что у выпускника Майорова — три работы. Вместо положенных 15 минут защита продолжалась около часа — докладывал по всем темам.

Первая была по тем временам необычной — «Влияние биосферы на оперативную обстановку органов внутренних дел». Он сопоставил дни солнечной активности со сводкой чрезвычайных происшествий. И они совпали один в один. Во второй работе речь шла об использовании сверхлегкой авиации в деятельности ОВД. Она имела прикладное значение. Майоров поехал на практику в Челябинск и привез с собой мотодельтаплан «Поиск-06», разработанный в студенческом конструкторском бюро Московского института инженеров гражданской авиации. Летал над дорогами области.

Он предлагал разные варианты использования мотодельтаплана — для патрулирования автотрасс, обнаружения посевов наркокультур и т.д. Третья дипломная тема касалась безопасности дорожного движения.

Во время учебы Майоров и друзья работали грузчиками на макаронной фабрике. Но особенно врезались в память похороны матери начальника кафедры. Покоробило, что пришлось стоять в морге, как в очереди за дефицитом. А на кладбище могила была залита водой. Пришлось платить деньги, чтобы дали сухую. Видимо, кладбищенские мошенники проделывали эту операцию по многу раз в день. Святое дело — проводить человека в последний путь — в большом мегаполисе превращалось в какое-то суетливое мероприятие. У насмотревшегося на изнанку столицы перспективного выпускника академии не было желания жить в Москве, хотя начальник ГАИ России Владимир Федоров сделал ему неплохое предложение.

Кабинет открытых дверей

Один из начальников попенял Майорову: «У тебя, Владимир Иванович, двери кабинета всегда и для всех открыты, неправильно это, надо установить часы приема, пусть люди идут к тебе с дрожью в коленках, а не запросто». Представить Майорова надувшимся от собственной важности чиновником невозможно. Пыжиться ему всегда было некогда. После академии назначили командиром отдела быстрого реагирования (СОБР), созданного при управлении по борьбе с организованной преступностью. Одно из первых реальных дел — обезвреживание группы по кражам и угонам.

Автосервис продавал автомашину, а второй комплект ключей крепил в ней на проволоку под бампер. Продавцы-угонщики вычисляли маршрут и место стоянки. А затем вынимали ключи, угоняли машину в Казахстан и продавали как новую. «За бугром» сотрудники СОБРа были задержаны при изъятии автомобиля местными оперативниками. Командиру пришлось их вызволять.

В то время много было разбойных нападений на автотрассах. Майоров с собровцами «в инициативном порядке» занимался поиском дорожных бандитов. А по ночам дописывал диссертацию, над которой начал работать еще в академии. Тема, скажу честно, звучит скучновато: «Правовые и организационные основы межотраслевого управления в сфере безопасности дорожного движения на уровне субъекта Фе-

дерации». Но когда Владимир Иванович начинает объяснять ее человеческим языком, становится интересно. Майоров отошел от существовавших в ту пору понятий, предложил рассматривать дорожное движение не как технический процесс, а как потребность общества в транспортном перемещении. Этот концептуальный подход потом лег в основу Закона о безопасности дорожного движения, принятого в 1995 году. По Майорову, участников движения надо не ограничивать, а создавать для них максимально безопасные условия для ускорения движения.

Через два года Майоров стал заместителем начальника службы по работе с личным составом УВД области, которая позже стала управлением кадров. Тут дверь его кабинета и перестала закрываться. Я сам это много раз видел, поэтому предлагал Владимиру Ивановичу встретиться на «нейтральной территории» — даже во время беседы с журналистом он не мог заставить своих ждать в «предбаннике».

В этот же период началась первая чеченская война. В 1995 году Майоров пробыл на Северном Кавказе 50 дней. Вернувшись, собрал своих и «обозначил задачу»: в составе каждого отряда должен ехать сотрудник кадровой службы. Наткнулся на стену непонимания — ему стали говорить, что это позорная кампания, не надо в ней участвовать и т.д. Но Майоров был непреклонен: мы посылаем туда людей, наша задача — сделать все, чтобы они вернулись из этого пекла. С тех пор в состав групп ОМОНа и других отрядов в качестве замов включали представителей управления кадров.

А от «тягот и лишений» службы полковник убежал в небо — летал на спортивном ЯК-52 с Калачевского аэродрома. Один раз летом взял в полет автора этих строк. И даже дал порулить — под моим управлением мы плавно облетели вокруг Коркинского угольного разреза. Сам же Майоров, когда с ним в воздухе нет «чайника», летает уверенно и где-то даже рискованно.

Так, из золотых песчинок знаний, опыта и эпизодов, где личность проявляется на высшую пробу, складывалась его карьера.

Неугомонный зам

Бандиты убили двух южноуральских милиционеров из временного отдела внутренних дел чеченского Аргуна. Майоров жил в городе уже третью неделю — вместе с оперативниками вычисляли, кто это сделал. В недружелюбном городе

люди не спешили сотрудничать с «оккупантами», любую информацию приходилось добывать ценой огромных усилий. Наконец, узнали, что убийство — работа братьев Устархановых. Погибших ребят из Верхнего Уфалея и Каслей пришлось через посредников выкупать за три тысячи долларов. Мужики с трудом себя сдержали, когда в лесу увидели присыпанные землей тела. Братьев задержали только через три года.

А в начале января 2000 года, после первого боя южноуральских милиционеров, Майорову вместе с другим заместителем начальника ГУВД Алексеем Смолиным пришлось разыскивать своих по госпиталям, опознавать. Личность одного парня из вневедомственной охраны УВД Центрального района Челябинска установили только с помощью дактилоскопической экспертизы. Генерал позже признается, что за 25-летнюю службу в милиции ему сложнее всего было доставлять родным так называемый груз-200.

Майоров заметен выделялся среди прочих руководящих чинов ГУВД области. Выделялся позицией, ориентацией на общественное мнение. Время от времени он звонил мне в редакцию и увлеченно предлагал тему. Всегда зажигал своей идеей. Но, признаюсь, порой после разговора тема, не подкрепленная его эмоциями, оказывалась не такой уж интересной, слишком специфической. Но в момент общения я был уверен, что ведем речь о самом главном в жизни.

Мы быстро оказывались с Майоровым на одной эмоциональной волне. Когда в компании Владимир Иванович начинал рассказывать анекдоты про ментов, у окружающих животы уставали трястись. Его глаза (как у актера Владислава Дворжецкого) начинали лучиться такой бешеной энергией, что, кажется, заряжали вокруг себя даже неодушевленные предметы. В исполнении Майорова анекдоты воспринимались по-особому. Они не звучали оскорбительно для милиции, чувствовалась добрая самоирония.

Когда я рассказал Владимиру Ивановичу байку про «старших оборотней по особо важным делам», он ее не воспринял. В свое время мы с ним готовили интервью, назвали его «Как милиционеры превращаются в ментов». Материал был опубликован в 1997 году, когда борец с «оборотнями» Борис Грызлов еще был малоизвестным питерским проффоргом.

Для совестливых милиционеров «оборотни» — большая тема. Им оскорбительно, что на ней спекулировал пришлый и временный человек. Да, не должно быть в МВД «оборотней», соглашаются они. Если затеял человек что-то проти-

воправное, он не имеет права находиться в системе. Но при этом труд милиционера должен быть достойно оплачен.

Общаясь с Майоровым и его коллегами, я все чаще ловил себя на мысли, что милиционеры — как дети. Ты для них или друг, или враг. Внешне суровые, они тают, когда чувствуют к себе искреннее отношение. Похоже, люди этой жесткой профессии действительно нуждаются в понимании общества больше других силовиков — они ближе к людям и острее, болезненнее переживают плохое отношение.

— Врачу проще, — рассуждает Майоров, — больной говорит, где болит. А правоохранительные органы должны сами эту опухоль выявить и найти ее корни в социальной среде. И тут просто необходима настоящая связь с обществом, а не заигрывание с ним через охоту на «оборотней». И конечно же, нельзя замалчивать правду, чем порой грешат в ГУВД.

Майоров не любил сомнительные пиар-кампании, но никогда не прятал новости, какими бы неприятными они ни были. Однажды поздно вечером позвонил мне домой и попросил срочно приехать в Законодательное собрание области, где один из охранников-милиционеров убил своего начальника. Владимир Иванович встретил меня с черным лицом, попросил очевидцев рассказать, как все было. Он не стал лукавить, хотя ему пойти на откровенность было труднее, чем кому бы то ни было. Точно так же пошел на открытый разговор с общественностью, когда августовской ночью обезумевший милиционер Чеботов начал стрелять по людям на северо-западе Челябинска. Майоров тогда только приехал на своей машине на отдых в Сочи и был вынужден тут же гнать обратно. Пока добирался, в отпускном ГУВД была заметна некоторая растерянность. Коллеги просто не знали, как реагировать, кому и за что «отрывать голову». Майоров всему дал четкую оценку, высокие чины получили заслуженное наказание. Тогда в нем проявился потенциал начальника главного управления.

А на семинаре в Союзе журналистов России, куда мы с Владимиром Ивановичем приехали в конце 2001 года, он буквально всех очаровал. Коллеги попросили каждого журналиста привезти «своего» милиционера, чтобы обсудить тему взаимодействия общества, прессы и стражей порядка. Все приехали с пресс-секретарями и были приятно удивлены, когда Майоров представился: заместитель начальника ГУВД, генерал-майор, доктор юридических наук.

Но Владимир Иванович не спешил выступать. Посидел в сторонке, присмотрелся, а затем азарт взял верх. На бан-

кете начальник полиции Лондона и Майоров обменялись тостами, полными юмора и взаимного уважения. Видно было, что англичанин увидел в русском генерале не только форму, но и содержание. А моим коллегам из других регионов России интересно было посмотреть на живого, не боящегося показаться наивным человека с лампасами. Интересно, поскольку генералы у нас все чаще ассоциируются с незаконно построенными дачами, злоупотреблениями и т.д.

«Я про вас напишу в «Пионерскую правду»

Он из того же поколения челябинских мальчишек Ленинского района, что бард Олег Митяев и хоккеисты Макаровы. Родился в Колупаевке. Родители развелись, когда старшему, Володе, было шесть лет. Мать воспитывала двоих сыновей и дочь одна. Об отце Майоров долгие годы ничего не знал. В прошлом году слушал диск Александра Маршала «Батя», разволновался и съездил в Пензенскую область, побывал на его могиле.

Мама, счетный работник, получала крохи, у нее был единственный выход — отдать детей в интернат. Успокаивало то, что работала там же, а на выходные забирала своих отпрысков домой.

В те годы, в конце 60-х, все челябинские подростки «заболели» «Золотой шайбой». Ребята из железнодорожного интерната тоже захотели построить хоккейную коробку. Но директор Кузьма Иванович Кириллов почему-то не спешил им навстречу. И тогда пацаны решили все сделать сами. Они уже имели слесарные и плотницкие навыки — делали табуретки по заказу железной дороги. Заготовили топоры, ножовки, гвозди, доски. Сняли с петель двери в одном из подвальных помещений интерната, за воскресенье огородили ими футбольную площадку и залили ее.

В понедельник пришел директор и начал «проводить дознание». Инициатором оказался пионер Майоров. Кузьма Иванович вызвал его к себе, стал воспитывать.

— Если накажете — в «Пионерскую правду» о вас напишу! — нахохлился пацаненок.

Когда Майорову было уже 30 лет, они встретились на юбилее интерната. И Кириллов признался, что тогда его здорово напугали эти слова. Напишет пострел, а потом комиссии замучают. Не тронул он площадку и никого не наказал.

Интернатская ребятня скучать не давала ни себе, ни воспитателям — занималась спортом, делала свой автомобиль. Гордилась тем, что по Челябинску ездит трамвай, сделанный из их металлолома (на нем была специальная табличка). Азартные пацаны умудрялись притаскивать даже рельсы и люки колодцев. Так дети из неполных семей становились гражданами своей страны. Я давно заметил: если встретишь патриота или общественно активного человека, то это либо детдомовец, либо безотцовщина. Тут, наверное, некий закон нашей жизни. Майоров с моим наблюдением соглашается и жалеет, что сейчас понятие «народ» стало размытым.

«Генералы песчаных карьеров» (помните знаменитый фильм и шемящую душу песню — «Я начал жить в трущобах городских») советской страны частенько сбегали с уроков искупаться в озере Смолино, дрались из-за девочек. Майорова чуть не исклучили из пионеров, когда он заступился за Люду Комиссарову и побил ее обидчика.

После интерната, в 15 лет, Володя начал работать (его, малолетнего, неофициально приняли дворником и электриком). В это же время подружился с соседом Сашей Мальцевым, они увлекались мотоциклами.

Я видел, как Майоров и Мальцев, который стал успешным банкиром и переехал в Москву, встретились в столице. Занятой москвич полдня возил нас по городу — не может нормальный человек поступать иначе, когда приезжает друг детства. Ничего лучшего этой искренности в жизни нет.

«Лампасы на хлеб не намажешь»

Он ехал на работу, и тут на сотовый позвонил заместитель начальника милиции общественной безопасности МВД генерал Першуткин. Сообщил об указе, поздравил (Майоров тогда работал заместителем начальника ГУВД — главой милиции общественной безопасности). Дежурный сообщил, что его ждет руководитель ГУВД Юрий Луконин. Вошел в его кабинет, а там уже собрались все милицейские генералы области — Юрий Луконин, Алексей Смолин, Олег Набиевский. Поздравили. Луконин, который, казалось, радовался больше самого Майорова, заставил отстегнуть полковничьи погоны и приладить генеральские. Затем хозяин кабинета снял с вешалки форму. И если китель на новоиспеченном генерале сидел еще терпимо, то брюки застегнулись где-то на груди, а фуражка вообще не подошла.

— Езжай к матери!

Во дворе материнского дома уже был Родион Хрищанович, друг и учитель Майорова (этот человек в какой-то мере занял в его жизни место отца). Они вместе работали в ГАИ, и нынешний генерал навсегда запомнил главный постулат Хрищановича: «Мужики, какие бы погоны вы ни носили — оставайтесь просто людьми».

— Какие-то странные штаны на тебе, Вова, — улыбнулась Федосья Александровна.

— Генеральские!

— А я гляжу: что-то звезд маловато.

— Звание присвоили в связи с твоим 70-летием! (Юбилей майора отмечали за два дня до этого).

Вскоре Майоров стал заместителем начальника ГУВД по кадрам (работа с людьми ему все-таки ближе) — один из немногих в России генералов на такой должности. В целом он спокойно отнесся к высокому званию. К тому времени был доктором юридических наук. То есть по табели о рангах Петра I уже являлся генералом.

Но в обычной жизни «дважды генералу» легче не стало. Его сыну администрация одного из районов Челябинска выдала ордер на квартиру. Вскоре выяснилось, что там есть наследники. Но Майоров-старший посоветовал Майорову-младшему сдать ордер.

— Не надо нам фигурировать в суде, все равно скажут, что используем административный ресурс. Запомни: люди, строящие свою жизнь на чужом горе, счастья не наживут.

Нетрудно представить, что испытал Владимир Иванович, когда кто-то из домашних в сердцах бросил: «Лампасы на хлеб не намажешь». Я был у Майорова на прежней квартире, где тот после развода с первой женой жил один. И когда потом от недруга генерала (такие тоже есть — к майоровым равнодушно относиться невозможно, их или любят, или ненавидят) услышал, что он занимается так называемым крышеванием, захотелось заехать по физиономии. Один раз, извиняясь, занял у Майорова денег. Он улыбнулся и посоветовал не комплексовать. А затем показал список тех, кому сам должен. Такой вот «оборотень».

Форме не хватало содержания

Среди милицейских начальников не принято обсуждать министра. И Павел Григорьев во время их последней беседы не мог не понять, что на этот раз Майоров останавливаться на полпути не будет.

— Мне поступило предложение от ректора ЮУрГУ Германа Платоновича Вяткина возглавить юридический факультет.

— Желаю успехов!

За 25 лет работы в МВД Майоров пережил два инфаркта, терял зрение и с помощью специальной гимнастики полтора года его восстанавливал. По логике обычного служаки, он должен был хвататься за всякое предложение о служебном росте. А такие были. Когда его кандидатуру вместо себя рекомендовал Юрий Луконин, в министерстве предложили на выбор стать начальником УВД Калининградской или Тульской области. Правило МВД — переводить людей в другие регионы, чтобы не обрастали ненужными связями и были свободны в своих действиях. Оно, мне кажется, не всегда верно. Расчет, как и во многих других случаях в нашем государстве, делается исключительно на отрицательные стороны человеческой природы. А по-настоящему люди выкладываются, когда в них видят хорошее. Поэтому даже в неписаном милицеском правиле должны быть исключения.

Поначалу я считал, что Владимир Иванович отказался ехать в Калининград и Тулу, так как хотел руководить милицией в родной области. Но потом понял: ответ в иной плоскости. У государственника-романтика Майорова сформировалось свое, несколько идеализированное представление о милиции. Он всегда говорил своим подчиненным: «Читайте «Дядю Степу» Сергея Михалкова, там все написано».

— Цель деятельности милиции — обеспечение безопасности личности, общества, — рассуждает Владимир Иванович. — Если не предупреждаем, не пресекаем правонарушения, значит, не сможем обеспечить безопасность. Человеку жалко не столько украденного, сколько того, что кто-то без его разрешения побывал в квартире.

— Главный критерий — безопасность личности! — вдохновляется Майоров, видно, что говорит очень важные для себя вещи. — А кто у нас спрашивает личность? Показатель уровня безопасности общества прост — количество железных дверей и решеток на окнах первого этажа.

Сейчас все привыкли к тому, что критерием деятельности милиции считается раскрытие и расследование преступлений. Майоров убежден: любое преступление — это брак в работе милиции. А работу нельзя оценивать по браку. Человеку, пострадавшему от какого-нибудь Гришки Косого, все равно, сидит он или нет, у него голова при любом раскладе болит. Словом, если главный конек МВД — раскрывае-

мость — переложить на конкретного человека, получается абсурд. Только налогоплательщик может сказать, опасно ему или нет.

И лишь так милицейская форма может наполниться человеческим содержанием!

Именно поэтому Майоров отказался возглавить УВД в других областях. Если бы предложили Челябинск — тоже бы ОТКАЗАЛСЯ — ЧТОБЫ НЕ ЖИТЬ С ВНУТРЕННИМ ПРОТИВОРЕЧИЕМ. Вот она, формула Майорова! Если разобраться, это обычное правило существования свободной личности. Это так необходимо каждому из нас — ПОСТУПАТЬ, НЕ ПРОТИВОРЕЧА САМОМУ СЕБЕ!

Я наблюдал Майорова в период этой ломки, видел, как он мучился, как в нем зрело решение. В некоторые моменты плотный, кряжистый Владимир Иванович был похож на большого ребенка. Всегда бодрый, готовый к действию, он отвечал по телефону меланхолично-размеренно. Вот эта детскость, способность переживать ситуацию по полной показывает: живет человек или нет, способен он что-то изменить в этом мире или может только приспособливаться к его суровым реалиям. Ей-богу, после многих лет общения с Владимиром Ивановичем я стал внимательнее присматриваться к людям, которые, как и он, появились на свет 7 января — в Рождество Христово.

Может быть, ученые когда-нибудь разработают более цивилизованные критерии оценки деятельности милиции. Но, похоже, сегодня они просто боятся посмотреть правде в глаза. А пока нет нормальных критериев, бессмысленны все попытки «повышения уровня доверия населения».

Свои 25 лет службы генерал-майор Майоров оценивает как не очень эффективные — «Не от меня все это зависит». Похоже, на государственной службе, а тем более в милиции творческие люди не нужны. А нужны послушные служаки (в министерстве, кстати, даже забыли, что он доктор наук). В госструктуры сейчас все больше идут те, кто не способен заниматься бизнесом, каким-то человеческим ремеслом. Если талантливые, честные люди и дальше станут шарахаться от чиновничьих кабинетов, Россия еще долго будет оставаться переходной страной.

Наш герой сам разрушил песчаный замок своей милицейской карьеры. Разрушил, так как посчитал, что та вяжущая смесь, которая соединяла золотые песчинки его опыта, знаний, человеческих качеств, оказалась не настоящей. Его карьера была изначально неправильная, не соответствовала

заскорузлым ментовским стандартам. Рано или поздно, постоянно сталкиваясь с реальностью, она должна была рассыпаться. Удивительно, что Майоров продержался в системе МВД так долго. И пока она не востребует Майоровых, милиционеры будут оставаться ментами.

Но «дважды генерал» не до конца разрушил замок своей карьеры. Золотые песчинки рассыпались лишь на время. А теперь, словно притянутые магнитом благородной воли, они вновь стремятся вверх, выстраиваясь в замок науки. Декан нового юридического факультета достаточно быстро сформировал свою команду, в которой немало бывших милиционеров. Майоров, кстати, и аспирантов своих иногда по привычке называет бойцами. Но при этом никто не сможет сказать, что юрфак ЮУрГУ имеет милицейский окрас — хватает в нем и сугубо штатских преподавателей.

У меня всегда вызывало улыбку, когда Владимир Иванович звонил знакомым и немного хулигански представлялся: — Это милиционер Майоров беспокоит!

Недавно услышал, как наш герой звонит из кабинета декана. Он не представился: «Это декан Майоров», он сказал: «Это бывший милиционер». Генерал остается генералом.

(Челябинск, март 2004 года)

ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Воспроизводство зла

Российский народ всегда мужественно расплачивается за ошибки и амбиции своих правителей. Ситуация вокруг Чечни — очередное подтверждение этому нехитрому наблюдению.

В самом начале 90-х годов прошлого теперь уже века президент Борис Ельцин, желая свергнуть «ненавистного» руководителя советской Чечено-Ингушетии Доку Завгаева, не только поддержал приход к власти сомнительного Джохара Дудаева, но и отдал ему все вооружение, которое было в этой автономной республике. А когда московские правители, наконец, увидели, что чеченцы ведут себя слишком нагло, они ввели туда войска.

Хотя сразу дубиной можно было не размахивать. Дудаев просил президента вступить с ним в переговоры и согласен

был на пост заместителя министра обороны России (видно, что человек помнил, как в XIX веке российский царь утихомирил чеченцев, приблизив их к себе). А особо яростных поделщиков Дудаева на той стадии вполне реально было нейтрализовать адресными операциями группы «Альфа».

Вторая чеченская «случайно совпала» со сменой власти в России. Нынешний президент Владимир Путин заработал на «мочении» террористов огромные политические очки — униженный после первой кампании российский народ поддержал на выборах преемника Бориса Ельцина. Всем понравилась его четкая политическая линия по наведению конституционного порядка. Те, кто не знал Чечню и чеченцев, стали ждать, когда их, наконец, окончательно «домочат». Те же, кто понимал, что это полудикое кавказское племя невозможно обуздать через унижение его непомерного достоинства, насторожились.

Насилие стало порождать ответное насилие: редкий выпуск новостей обходится теперь без сообщений о террористических актах против федеральных сил. Зло порождает зло. Одно «мочение» порождает другое. Иные составляющие политики Москвы в Чечне — социально-экономическое строительство, пропагандистская работа — явно остаются в тени так называемых зачисток. Все здравомыслящие люди ждали, когда силовые операции будут подкреплены более тонкой работой, когда начнутся переговоры, которыми заканчивается всякая война. И тут были захвачены заложники в театральном центре на Дубровке.

Во время «Норд-Оста» Россия не встала на колени. Это огромная победа не только президента и спецслужб, но и каждого россиянина. В эти дни едва ли не впервые в новейшей истории уставшие от раздробленности на мелкие социальные группы россияне почувствовали общность судьбы, общность интересов. Население страны стало превращаться в нацию. В сильную и ответственную нацию. И с позиций этой силы совсем не зазорно было начать разговаривать с оставшимися в Чечне непримиримыми сепаратистами.

Такой шаг после победы в «Норд-Осте» не был бы унижительным для нас, как после поражения в первой войне в 1996 году. И, что тоже надо учитывать, такой поворот не был бы унижительным для гипертрофированно гордых горцев, которым тоже надо выйти из ситуации, не потеряв лицо. Но руководство страны, как мне представляется, не

сумело (или не захотело?) уловить этот нюанс и продолжат ту же непримиримую политическую линию.

Видя поддержку народа, понимая, что ее действия находят в нем отклик, российская власть, не говоря об этом вслух, как бы предлагает нам, всему обществу, СДЕЛАТЬ СМЫСЛОМ СВОЕЙ ЖИЗНИ БОРЬБУ С ТЕРРОРИЗМОМ — как в Израиле. На мой взгляд, это очень жестоко по отношению к своему народу, это все равно что взрослые заставят доверяющих им детей рисковать жизнями в ситуации, когда можно этого избежать. А мы-то до последнего времени думали, что власть ради безопасности, ради спасения жизни граждан будет договариваться хоть с чертом.

Если раньше Чечня и террористы были где-то далеко, ими занимались силовики, спецслужбы и политики, то теперь Чечня и террористы рядом с нами, нас вынуждают думать об этом постоянно. А если не будем думать, то террористы, желая высказать нашему президенту очередной «аргумент», снова где-то захватят заложников или сделают что-то еще более ужасное.

Зло порождает зло. Человечество за свою историю так ничему и не научилось. Вопреки всем заповедям, доминирующей мировой и российской тенденцией становится категоричность, агрессивность и «диалог» исключительно с позиции силы. Хотим мы этого или нет, но нам рано или поздно придется разговаривать с террористами, придется понимать мотивы их поведения и пытаться найти общий алгоритм существования. Главная цель террористов — не убийства. Эти люди хотят, чтобы в мире к ним прислушивались. Чтобы Запад и Россия перестали смотреть на них свысока, чтобы богатства распределялись на Земле более равномерно. Если до «Норд-Оста» у нас еще была иллюзия, что есть «цивилизованные» чеченцы, которые за Москву, и есть «нецивилизованные» — террористы, то показанная по телевизору поддержка Бараева простыми чеченскими тетками наглядно продемонстрировала: мы в Чечне воюем не только с международным терроризмом, но прежде всего — с народом. Народ же победить невозможно. Тем более что наша неуступчивость и агрессия доводят его одержимость до бесконечности. Нравится нам это или не нравится, но только в диалоге с дьяволом мы можем найти выход из опасного тупика, в который сами себя загнали. В противном случае получим бесконечное воспроизводство зла, которое погубит не только нашу страну, но и всю планету.

(Челябинск, ноябрь 2002 года)

Общество без авторитетов

В городе разгорелся скандал между прокурором и удачливым предпринимателем, который публично заявил, что «государево око» в своем «семейном бизнесе» слишком тесно с ним соприкасался (супруга прокурора арендовала место в торговом комплексе теперешнего оппонента и, по его словам, долго за него не платила). Было сказано еще несколько вещей, ставящих под сомнение чистоплотность высокого должностного лица. Публичная реакция прокурора большого города, серьезного государственного мужа, на обвинения предпринимателя изумляет. Вместо того чтобы жестко и четко пресечь популизм обвинения зарвавшегося коммерсанта (такие люди, я считаю, должны с дрожью в коленках заходить в прокурорский кабинет), он «интеллигентно» сказал, что разберется с этим цивилизованным путем. Что это за прокурор такой скромный? Как он вообще допускает, чтобы против него смел что-либо говорить человек, который априори находится в другой социальной весовой категории. На это могло быть два ответа: либо прокурор, мягко говоря, рыхловат, либо действительно вошел в какой-то непонятный контакт с известным предпринимателем и боится делать резкие движения, чтобы окончательно не усугубить ситуацию.

Дальнейшее поведение законника подтвердило оба этих предположения. Понимая, что он может остаться в общественном мнении совсем не героем, каким уже в силу своей должности обязан быть, прокурор решил поправить свой имидж. Это можно было сделать только путем «плановых» проверок и «решительного разоблачения» порядков, установленных мэром, под крылом которого вырос упомянутый коммерсант. В этом он совпал с влиятельными оппонентами градоначальника.

Я пытался обсудить тему незапятнанного прокурорского мундира с разными людьми. Реакция была удивительной. О чем ты, наивный, говорили одни. Какая честь?! Вспомни скандальный банный телесюжет о человеке, похожем на генпрокурора Скуратова, тут то же самое. Ты судишь абстрактно, умозрительно, говорили другие, на вещи надо смотреть реальнее. Прокурор — тоже человек, на скромную государеву зарплату нормально жить сложно, вот он и позволял жене зарабатывать. Она прикрывалась его именем?! Да не надо, муж за жену не отвечает.

Нет, я все понимаю — в нынешней российской действительности очень трудно оставаться приличным человеком.

Примеров сомнительного поведения очень много. Коррумпированный чиновник, купленный депутат, продающийся направо и налево «за три копейки» журналист, «краснокрышущий» силовик и т.д. А недавно в Челябинске на сторону одной из сторон упомянутого конфликта встала спортивная суперзвезда, живущая в столице. Удивляет легкость, с какой люди, в силу объективных причин далекие от глубокого понимания ситуации, где с обеих сторон просто не может быть «белых и пушистых», «дарят» свои голоса в поддержку кого-либо. Скоро начнутся выборы, и телеэкраны и полосы газет вновь заполнят известные люди искусства и спорта, которые начнут «убежденно» агитировать за ту или иную партию, за того или другого кандидата. Каждая такая «засветка» будет наносить непоправимый урон их моральному авторитету.

Наше расхристанное, раздираемое противоречиями общество уже устало жить в атмосфере всеобщего неверия. У нас до сих пор нет национальной идеи. И людям просто необходимы моральные авторитеты. Авторитеты высочайшей пробы — такие, какими были академики Сахаров и Лихачев. И авторитеты классом ниже, но без которых общество тоже не может быть здоровым. Такими маяками просто обязаны быть люди, занимающие высокие посты. Они должны не ослаблять, а усиливать своими человеческими качествами престиж должности, которую им доверили. И мелочей здесь быть не может. Без таких «повседневных» авторитетов, жертвующих своим бытовым комфортом, не реагирующих на сомнительные соблазны, общество превратится в сборище растительных существ, которым нужны только деньги, развлечения и снова деньги...

(Челябинск, февраль 2003 года)

Показная доброта

Звонит пресс-секретарь одного из руководителей Законодательного собрания области и просит на коммерческой основе опубликовать материал о том, как ее патрон побывал на детском музыкальном фестивале и лично подарил одной одаренной девочке музыкальный инструмент. «Молодец, — «наивно» отвечаю я, — только зачем об этом трубить во всеуслышание?! Молва о добрых делах передается очень быстро, люди о них и так узнают. И потом, как-то не сочетается хороший поступок с нарочитостью и показухой». Женщина, занимающаяся пиаром госдеятеля, понимает меня с полуслова.

И в то же время не понимает — чего, мол, кочевряжишься, все депутаты так делают, это уже давно политическая норма. Оставалось только про себя посочувствовать «коллеге», которую жизнь вынуждает заниматься не журналистикой, а обслуживанием чьих-то амбиций.

С подобными просьбами пресс-секретари и быстро расплодившиеся имиджмейкеры и политконсультанты обращаются в редакцию довольно часто. Например, один видный предприниматель и депутат городской Думы Челябинска помог юной шахматистке съездить на турнир и, конечно же, пожелал, чтобы о его «подвиге» известили общественность. Мои возражения, что это просто неприлично и как-то не помужски, пресс-секретарь «не услышал».

Выборы давно стали лакмусовой бумажкой, показывающей масштаб личности и намерения политических субъектов. Глядя на них, порой создается впечатление, что наши депутаты под гипнозом паразитирующих на их странностях пиарщиков перестают адекватно воспринимать происходящее. Обыватели с пониманием относятся к тому, что народные избранники и прочие личности, ничтоже сумняшеся причисляющие себя к элите, перед выборами вдруг хотят «поставить вопрос», «добиться финансирования» и т.д. Их желание всех осчастливить воспринимается как элемент политической игры, где заранее расписаны роли, и все понимают, что и зачем говорится. И никто никого не осуждает — не хочет, не умеет человек заниматься каким-то жизненным делом, может быть только «профессиональным революционером», рвется к власти — ну и бог с ним, должен же кто-то находиться и в этих сферах. Одни делают вид, что думают только о благе людей и Родине, другие — что верят им: нормальные люди давно перестали относиться к политикам эмоционально-романтически. Но когда «VIP-персона» выходит за рамки шоу и пытается сыграть по политическим правилам в реальной жизни, то неизбежно начинает фальшивить. Политическая норма не может подменить норму нравственную.

Когда доброе дело делается не ради дела, а ради того, чтобы использовать этот факт для собственного пиара, то потом это обязательно аукнется. Люди просто перестанут верить в искренность намерений и поступков политиков, лишенных самой обычной скромности. Для них каждый их шаг будет казаться показухой. Даже тогда, когда тот или иной «великий деятель» что-то сделает от души, они все равно станут думать, что он вместе со своими «мордоделами» придумал очередной пиар-ход.

Моральные качества нашей элиты давно вызывают сомнения. Парадокс, но они улучшатся тогда, когда политики перестанут изображать из себя моральных авторитетов, а будут просто выполнять свои обязанности и скромно, не афишируя, дарить детям музыкальные инструменты. Тогда звук не будет фальшивым.

(Челябинск, июнь 2003 года)

Медвежья услуга

Россия в очередной раз подтвердила свое умение доводить до карикатуры, пародии и абсурда все, что приходит с Запада. На этот раз превратились в фарс президентские выборы. Чтобы согласиться с этим утверждением, достаточно взглянуть на состав претендентов на высший государственный пост. Тут, за исключением действующего президента Владимира Путина, сплошь люди из второго, а то и заднего политического ряда.

Ну, в самом деле, кто раньше знал члена ЛДПР Олега Малышкина? Этот дяденька, который, если не ошибаюсь, работает охранником Жириновского, после получения кандидатской «корочки» в Центризбиркоме и двух слов журналистам не сказал. За него говорил харизматический Владимир Вольфович, а претендент, как плохой ученик, только как-то виновато улыбался. Из того же сомнительного разряда гробовщик Герман Стерлигов, авторитетный человек Анзори Аксентьев-Кикалишвили, марионетка опального Березовского — Иван Рыбкин, хороший предприниматель, но шутовской политик Владимир Брынцалов. При всем уважении к коммунисту Николаю Харитонову язык не поворачивается назвать его реальным соперником Владимира Путина. Да бог бы с ними, людьми, всплывшими на гребне демократической пены, если бы не причина, по которой второразрядные «политики» стали кандидатами в президенты.

Кремлевские политтехнологи, беспрецедентный административный ресурс на думских выборах привели к тому, что медвежья партия «Единая Россия» стала в нашей стране подавляющей политической силой. Президенту и тем, кто «вместе с ним», можно ликовать. Но, сдастся мне, Владимиру Владимировичу, глядя на своих «соперников», радоваться не очень-то хочется. Путин, наверное, сначала сказал спасибо Владиславу Суркову, заместителю главы своей администрации и главному автору «единороссовского» триумфа. А затем

пожурил: не оказал ли ты мне медвежью услугу, низводя до уровня плинтуса рейтинги других партий и их лидеров? С кем я теперь состязаться буду, если они, оскорбившись и сомневаясь в возможности проведения в нынешней России цивилизованных выборов, просто отказываются в них участвовать и выставляют вместо себя второсортных политиков? Правда, не совсем понятно, чем руководствовался при отказе баллотироваться рейтинговый Жириновский (неужели ему и впрямь «запретили?»), но в любом случае получается, что чемпион мира выйдет играть против дворовых спортсменов.

Естественно, нормальному лидеру такое смешное состязание не может добавить настроения. Чтобы ситуация не выглядела откровенно карикатурной, кремлевские политтехнологи снарядили на «борьбу» верного питерца, спикера Совета Федерации Сергея Миронова, уважаемого великовозрастного банкира, члена блока «Родина» Виктора Геращенко и лидера все той же «Родины» Сергея Глазьева (говорят, если в одной голове два мнения, то это — шизофрения. А когда одна политическая сила начинает двигать в ферзи двух человек?)

Впрочем, главная цель достигнута — теперь Дума будет, как автомат, голосовать за все, что внесет президент. А ради этого можно зажмуриться, перетерпеть и в «потешные войны» поиграть. Помнится, Петр I этим увлекался. Правда, в юношеском, а не в зрело-государственном возрасте.

Боюсь, что услуги, которые оказывают президенту его администрация и монолитно-топтыжная Дума, в конечном итоге окажутся медвежьими.

(Челябинск, январь 2004 года)

Что нам в себе беречь?

Недавно прервал свое молчание Александр Исаевич Солженицын. В пространном интервью государственному телеканалу «Россия» легендарный борец с советским тоталитаризмом, лауреат Нобелевской премии коснулся и темы российской национальной идеи. В его сегодняшнем понимании она, со ссылкой на фаворита императрицы Елизаветы графа Шувалова, звучит просто и достаточно убедительно: сбережение человека. Но для людей, которые ждут, когда власть, опираясь на народную мудрость, сформулирует, наконец, общественно-значимый постулат, способный соединить раз-

рознённые человеческие осколки нынешней России (к такому автор относит и себя), такого «откровения» классика явно маловато. Впрочем, от бывшего вермонтского, а ныне подмосковного отшельника, вряд ли можно было услышать что-то более захватывающее дух. Александр Исаевич был гениален в своей непримиримости и всеокрушимости в советское время, а сейчас он, похоже, и сам уже начинает сомневаться в своей роли выразителя российских дум.

Сразу возникает вопрос: о сбережении чего идет речь? О длительном физическом сохранении каждого живущего россиянина? Но о небольшой продолжительности нашей жизни и так говорится достаточно много. На нее влияет целый ряд факторов, которые в совокупности можно назвать качеством жизни. Если следовать логике классика, то наше государство это недопонимает и не ставит во главу угла. Вполне это допускаю. Более того, уверен: если встанет выбор между жизнью человека и державным интересом, то, скорее всего, человека по-прежнему призовут «раньше думать о Родине, а потом о себе». И он этому не удивится. Мы давно уже перестали жертвовать человеческими жизнями во имя расширения и сохранения границ империи, но в народном сознании и психологии понимание этого сидит крепко. Боюсь, что иная логика в России неприемлема. Если ставить интересы личности выше государственных, то это государство сразу начнет сдавать многие позиции, вплоть до очередной, после 1991 года, потери своих территорий. Но наши вожди предпочтут пожертвовать человеческими жизнями, чем отпустить на свободу тот или иной национальный регион. Пример Чечни очень хорошо это иллюстрирует. Так что о сбережении человека в глобальном контексте лучше помолчать. Замечу только, что простой русский (по духу) человек хоть к этому привык, но никогда с таким к себе отношением не мирился и не смирился впредь.

Мне представляется, что Александр Солженицын в большей степени имел ввиду все-таки другое — он говорил не о физическом сохранении народа, а о сохранении национального духа, национального сознания, духовно-нравственных начал русского человека. Что это такое в общем и возвышенном понимании, видимо, понятно всем. Бывает, что и людей одной нации много, и здоровьем их Бог не обидел, но так они погрязли в сомнительных благах общества потребления, индивидуалистического эгоизма, что уже не могут противостоять чему-то серьезному. И любая вылазка так называемых террористов вводит их в ступор.

Столкнувшись с непонятной им духовной силой, изнеженные западные люди просто теряются, их «демократические ценности» на поверку оказываются не такими жизнеспособными. Ибо это не ценности, а только форма, способ власти, а истинные ценности гораздо глубже в душе человека. И если сравнить набившее оскомину представление о возвышенности и загадочности русской души с душой нашего нынешнего среднестатистического реального человека, то, ей-богу, не очень-то захочется сохранять этот чудовищный и разрушительный набор инстинктов и противоречий. Мы в душах своих потеряли православную Россию до 1917 года, оплевали советское время и как-то быстро приспособили к своему менталитету все самое худшее из либерально-демократического «продуктового набора». Наше самосознание надо не сохранять, а строить на какой-то новой, не отрицающей ВСЕ прошлое основе. Поэтому уместнее вести речь о нахождении и сбережении в каждом из нас истинно русского. Вот почему меня все больше тянет на родину, в Абатский район Тюменской области. В деревне Болдырево даже у самого горького пьяницы есть какая-то своя боль, невысказанное и порой не понятое им самим желание найти правду и отчаяние, что вся жизнь проходит вкривь и вкось. В июне 1996 года я приезжал к маме. Сосед, пьяный механизатор Виктор, отслуживший в десантных войсках и до сих пор надевающий форму в день ВДВ, долго меня мучил вопросами о власти и смысле жизни. А через некоторое время мама сообщила, что его похоронили. Уснул пьяный на дороге, в деревне никакого освещения нет (к Болдырево, кстати, до сих пор и дороги асфальтированной нет), вот его и переехал кто-то. Наверное, такой же пьяный механизатор. Не берегаем мы пока таких Викторов, во всех смыслах не берегаем...

(Челябинск, август 2005 года)

«Объятия» вместо диалога

Побывал в Салехарде, центре Ямало-Ненецкого автономного округа, на первом медиа-форуме Уральского федерального округа. Организаторы планировали провести его в июле, но по ряду причин перенесли на другое время. И теперь, после августовских событий в Южной Осетии, осложнения отношений с Западом и мирового финансового кризиса, это кажется не случайным. Форум прошел в очень ин-

тересное и сложное время, что, естественно, придало ему особое эмоционально-смысловое наполнение.

Как отмечалось в ролике, показанном журналистам в самом начале, в последнее время русский мир осознает себя как общность. И в силу этого к нему стали приходить успехи. А трагедия на Кавказе с особой силой показала, что в сложившихся реалиях еще сильнее нужен диалог власти и общества. Было заявлено, что Ямал для проведения форума выбран не случайно: здесь выстроена система взаимодействия власти, общества и средств массовой информации.

Полпред президента Петр Латышев во вступительном слове заявил, что нашему обществу как никогда нужна сплоченность. Не единомыслие, подчеркнул он, а сплоченность. Реакция на события в Южной Осетии, считает Петр Михайлович, показала, что основа для этого у нас есть. Но медиа-форум навевает грустные размышления.

После открытия участники съезда были разделены на четыре секции. Меня включили в группу, которая обсуждала тему «Средства массовой информации и политические партии: алгоритм сотрудничества в интересах торжества закона». Выступая на ней, я обозначил принципы, которыми руководствуется «Челябинский рабочий», и политические наслоения последнего времени (некоторое время назад экс-президент Владимир Путин как-то по-русски, без «лишних» тонкостей, заявил, что журналист либо служит власти, либо противостоит ей, третьего не дано), не способствующие культуре взаимодействия СМИ и партий. Отметил, в частности, что необходимо работать в интересах всего общества, а не одной политической структуры, поэтому очень важно давать разные точки зрения на события. Ведущий секции, исполняющий обязанности руководителя Уральского межрегионального координационного совета партии «Единая Россия» Игорь Баринов на это заметил, что не стоит публиковать мнения маргиналов. Можно согласиться с тем, что опасно давать слово разного рода экстремистам, но вопрос, кого считать маргиналом, не такой простой, как может показаться. Очень плохо, если к этой категории станут относить граждан, которые любят Родину не так, как власть.

Пленарное заседание оставило противоречивое ощущение. Дело даже не в том, что все выступления здесь, как водится, были заранее расписаны. Поразило отсутствие настроя на диалог с властью, единомыслие коллег из государ-

ственных СМИ (а по сути — общественных, ибо они существуют на наши налоги) и представителей общественных палат регионов УрФО. Речь не о том, что у кого-то есть иной взгляд на события в Южной Осетии. Здесь-то как раз принципиальных противоречий нет. При всех нюансах оценок российские СМИ, как и все общество, в целом позитивно оценивают действия верховной российской власти во время кризиса на Кавказе и после него. Некоторые выступающие на форуме так старались отличиться, показать себя государственниками, что «выпрыгивали из своих штанов», превращались из журналистов в чиновников (а порой становились «круче» их). В моменты такой политической экзальтации приходит отчетливое понимание того, что в нынешней ситуации российской власти больше нужна все-таки не однозначно-угодливая поддержка, а умное и уверенное понимание происходящего, нужны не пропагандистские слуги, а достойные патриотические собеседники. Необходим тот самый диалог, культуре которого нам все еще надо учиться. Только он поможет людям понять происходящее не на уровне пропаганды, а глубже. К сожалению, не все СМИ, журналисты и общественники готовы к этой миссии.

Когда заседание подходило к концу, с улицы стали раздаваться крики «ура!». Мы стали шутить: «Народ нас поддерживает». Как оказалось, это начался митинг жителей Ямала в поддержку Южной Осетии. Выйдя к ним, мы еще раз почувствовали, в какое время живем.

(Салехард — Челябинск, сентябрь 2008 года)

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ГУЛЬНАР АСАНБАЕВОЙ

Привет, Лев! До чего приятно видеть родное лицо, хоть и в И-нете. Ты, наверное, уже и не помнишь, кто может тебе писать. Да, это я, Гульнар Асанбаева. Я еще есть на этом свете, но, к сожалению, уже далеко от нашего милого общего города К.

Такая дурацкая жизненная суета, что не замечаешь, как летит время. Кустанайский журфак, может быть, поглотил мои лучшие жизненные силы. Это был марафон, который не оставлял никакой возможности жить своими интересами. В конце концов, я решила изменить обстоятельства и в ноябре прошлого года уехала в Алматы. Я собиралась к

сыну, но неожиданно получила приглашение в КИМЭП. Ты знаешь, что это такое. Пригодился мой английский, который, чтобы не умереть от провинции, учила в Кустанае. И вот я здесь. Конечно, интереснее, увлекательнее. Однако вспоминаю Кустанай довольно часто. Ты догадываешься, почему: в мегаполисе свои правила игры, да и, чтобы застолбиться среди янки (это частный американский вуз), нужно из себя вывернуться.

В Кустанае я как-то знала немного о тебе: от Валентины Захарченко, по российской прессе. Теперь я даже не знаю, где сама Валентина. Ты, конечно, больше осведомлен. Судя по всему, у тебя нормальная карьера, что для мужчин главное. Я рада искренне, что ты на волне.

Как Софья? Девочки уже, наверное, замуж собираются? Буду рада, если напишешь.

Пока, Гульнар.

* * *

Привет, Гульнар! Очень рад твоему письму. Я тебя часто вспоминаю. В Челябинске мне не хватает таких людей. В июле-августе мы с Софьей были в Кустанае. Встречался с Валентиной. Она по-прежнему работает в своей фирме, уезжать никуда не собирается. Рассказала, как в Питере была дома у Петеля (помнишь — Санкт-Петербург!). Они с Татьяной хорошо прижились в северной столице. Выпускают какой-то журнал. Видимо, он дает неплохие деньги. Купили квартиру в старом доме с высоченным потолком, лепниной (там жила какая-то балерина). Выпили, рассказывает Валентина, вышли, а прямо у дома — крейсер «Аврора»!

Валентинина Янка год проучилась в Питере на психолога, разочаровалась. Как раз в те дни собиралась поступать в МГУ, определялась с факультетом. Когда я пришел к Захарченко в офис, там был Турсумбаев (бывший аким Кустанайской области — авт.). Обнялись. Он приехал прозондировать почву насчет выборов в Мажилис. В итоге никуда не пошел и правильно сделал.

В Кустанае мне рассказали, что Асанбаева пишет докторскую в Алматы. А ты, оказывается, вон где. Молодец, что вырвалась из журфаковского круговорота. Надо примерно каждые семь лет что-то по-серьезному менять в жизни, двигаться. Как твой сын? Я о его успехах (а таковые должны быть) почему-то ничего не знаю.

У меня все хорошо. Зам. главного, часто бываю в Москве. Софья — главный менеджер по рекламе нашего «Челябинского рабочего», она удивительный коммуникатор. Старшая Элина учится в музыкальном училище, будет музыковедом. Аида уже на втором курсе журфака ЧелГУ.

Пока! Пиши!

* * *

Лев! Здорово, что ты мне написал. На душе стало легко и приятно. По поводу диссера только думаю, материально это не оправдывает никоим образом здоровье и средства, вкладываемые в неё. Еще одна причина, почему я выбрала работу в КИМЭП: мы купили очень дорого квартиру, не поверишь, но 40 штук баксов за две комнаты. Цены здесь заоблачные и продолжают расти. Денег таких я, конечно, не скопила, поэтому взяли кредит на зарплату сына. Он работает в американской «Большой четверке» аудитором. У него все нормально, пока не думает жениться, собирается дальше в Штаты, он же учился там год по обмену.

Моя кустанайская квартира стоит закрытая. В прошлом году провела мастер-класс в родном городе для журналистов из Казахстана. И вот на финальном этапе шесть человек из Кустаная побывали в Штатах, где ты, наверное, бывал уже не раз. Продолжаю тренинги и в Алматы, хотя конкурентов очень много. В июне провела летнюю школу для 30 региональных журналистов, финансировал Госдеп и Сорос. По вечерам еще продолжаю заниматься английским. Неизвестно, как завтра сложится жизнь. Сегодня это просто необходимо.

* * *

Саламат сезбе, дорогая Гуля! Извини за молчание — не было подходящего настроения. Поздравляю тебя с новым Мажилисом! Теперь я спокоен за будущее Казахстана. Но особенно меня прикалывает, что по партийным спискам избрано аж 10 депутатов из 12 участвовавших в выборах партий. Вот это демократия! Не то, что уважаемый Владимир Владимирович предлагает — голосовать только по партийным спискам. Словом, с вождями не соскучишься. И, похоже, наш многое перенимает у Нуреке. Кстати, как тебе избрание Харченко (главный редактор газеты «Костанайские новости» — авт.) по партийному списку партии «Асар». Он был вторым после Дариги. Вот это доверие!

Ну да ладно. Жизнь моя в Челябинске проистекает не совсем так, как в Кустанае. Я уважаю себя в недалеком прошлом и немного завидую себе. Все знал, все понимал, знал, что хочу и знал, как это сделать. А чего не знал — подсказывали хорошие люди (одна из них сейчас живет в Алматы), их было не очень много, но все личности. Мы вместе выросли (в социальном смысле). В Челябинске нет того куража, нет идеи. И поговорить об этом, по большому счету, не с кем. Внешне у меня все хорошо, а внутри тоска по чему-то по-настоящему. Ну не борьбе же с терроризмом посвящать всю жизнь!

Когда были в отпуске в Кустанае, многие говорили: вот Харченко уйдет, и казахи тебя пригласят на его место. Я не знаю, кто хотел это сделать, но, поступи такое предложение, не стал бы отмахиваться, серьезно бы все обдумал.

Моя младшая дочь Аида ходит на курсы английского. Тут чуть ли не все все студенты собираются на каникулах в Америку, там они работают в кафешках, включают карусели и т.д. Я с некоторой тревогой смотрю на это поколение.

В октябре Фонд защиты гласности везет группу российских журналистов на лукашенковский референдум в Белоруссию. В их числе меня. Так что «поборемся за демократию» в отдельно взятой республике. Но, похоже, она самим белорусам не нужна. Я помню наш с тобой разговор о том, что для всех бывших республик Союза самым естественным было советское партийное управление.

Один человек в погонах в разговоре с другим назвал меня подполковником ФСБ, специально внедренным в газету. Такое представление просто удручает. У нас почему-то считается, что если человек имеет свое мнение, то за ним обязательно кто-то стоит. Очень многие люди — идиоты. Порой мне кажется, что люди идиоты в принципе. Если не читала роман французского писателя Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы», обязательно прочти. Вся литература до Уэльбека изучала человека, принимая его таким, какой он есть. А Уэльбек заявил, что человек не нужен, что на смену ему должны прийти более совершенные и не такие противоречивые существа. Все это неожиданно, спорно и безумно интересно. Пока!

* * *

Привет, Гуля! В ответ на свое последнее послание я получил всего одну строчку с подписью «Г». Это на самом деле все твое письмо или его кто-то «подредактировал», чтобы прервать нашу переписку?

Лев, это очень пикантная новость! Я-то думала, ты в Минске и поэтому не отвечаешь. Я даже просила тебе привет передать через журналистов, которые туда поехали, но они написали, что в их группе никого нет из «ЧР». А вообще-то ты был в Минске? Я тебе, кстати, посылала одну интересную публикацию Бжезинского, но ты её, наверное, и сам читал в «Известиях», тем более что там уже и ответ был напечатан. Может быть, это тебе неприятно, но мое представление о его «главном герое» совпадает с автором. Это мое мнение о российской политике. Ты собственно знаешь, что я и раньше не страдала любовью к властям придерживающимся.

Продолжаю работать на американцев. Вот собираю журналистов из регионов для освещения их выборов, остались деньги от последнего гранта и мне разрешили их использовать таким образом. Алмаз в очередной длительной командировке на Карачиганаке. Погода здесь стоит замечательная. Настоящая сухая пушкинская осень. Ты никогда не был осенью в Алматы? Это что-то потрясающее! У нас впереди три дня праздников, День Республики.

* * *

Привет, Гуля! В Минск ездили две группы. Одна — официальная, им показывали все самое хорошее. Другая — полутайная. С ней я и собирался, но в последний момент Борис Немцов, который, как оказалось, за этим стоял, решил вообще не брать региональных журналистов. Нехороший человек.

7 октября в своей газете на странице «Мнения» я опубликовал свои размышлизмы о российской демократии и русской душе. В прикрепленном файле я тебе отправляю эти заметки, они называются «Забвение русской души». Интересное совпадение: когда Путин перед поездкой в Китай давал интервью тамошним журналистам, он, по сути дела, отвечал на мои тезисы. И о том, что никогда не врал людям, и том, что не считает себя, как говорили в советское время, большим государственным деятелем.

Осень на Урале — слякоть, дождь и хмурое небо. Мне все равно, а Софья по-детски радуется, когда появляется солнце. Она любит Алматы, там у нее много родственников. Аида стала писать, ходить на пресс-конференции, ее несколько раз показывали по телевизору. Подружки в вос-
торге.

* * *

Лев! Это гениально! Я поняла: как давно я с тобой не общалась! Написано так, что пронизывает все замаскированные тайники души. Здесь никто не пишет так талантливо и захватывающе. В местных газетах одна политическая ругачка, стиль — на уровне листовок или плакатов. А ангажированные газеты взахлеб пиарят своих хозяев. Ты наверняка знаешь, Машкевич «ушел» из «Экспресс-К» Игоря Шахновича, привез новую команду из Одессы.

Ты писал в позапрошлом послании, что тебя обвинили в «тайной» службе. Наверное тем, кто так подумал, очень трудно представить, что есть люди, которые живут не только телом, но и другими материями. Сейчас немодно говорить о духовном, это считается атавизмом. Более того, нравственные критерии и власть, это как бы безоговорочно разнопорядковые явления. Но твой материал прорывает эти новые представления и заставляет чувствовать себя человеком, сопереживать тому, что происходит в России, чувствовать это как свой кровный интерес. Мне интересно, какая была реакция на твою публикацию? Что сказали в редакции, были ли звонки от читателей? Как вообще относятся к таким материалам в России?

Поскольку мы достаточно далеко друг от друга, честно могу признать: ты — редкое явление! Хорошо, что я тебя вновь нашла!

Пока! Гуля.

* * *

Привет, Гуля! Извини, пожалуйста, за молчание. Спасибо тебе за хорошие слова. Ты спрашиваешь, как в России относятся к материалам подобного плана. Я думаю, что так же, как в Казахстане. Приличные люди политикой почти не интересуются. Она отдана на растерзание личностям особого порядка. Поэтому, когда кто-то начинает относиться к этой сфере с человеческой болью, его считают неисправимым романтиком. Были хорошие звонки от читателей, а о коллегах я лучше промолчу...

(Алматы, Челябинск, осень 2004 года)

СВОБОДА ПРЕССЫ — ЕСТЕСТВЕННАЯ ВЕЩЬ

Заместитель главного редактора «Челябинского рабочего» — о современной журналистике

Лев Лузин — это имя и сейчас прекрасно помнят костанайские журналисты и читатели. Он работал в Костанаве в девяностых, когда понятие «свобода слова» было ново, когда журналисты только искали себя в изменившемся обществе и свежий ветер перемен сдувал пыль с газетных подшивок. Сейчас он — у руля крупнейшего челябинского издания, которое в апреле отмечает столетний юбилей.

О газетах, хороших и разных

— Лев, ты уезжал с опытом руководителя маленькой, ручной городской газеты с вполне советским менеджментом. Какво пришлось в большой газете с традициями?

— Я не считал газету «Кустанай» «маленькой и ручной». Многие наши материалы имели большой общественный резонанс. Мы всегда подчеркивали, что газета, финансирующаяся из городского бюджета, — это не рупор местных властей, а издание всех горожан, выплачивающих налоги. Я относился к «Кустаная», как к своему ребенку, которого надо было научить ходить, говорить и ориентироваться в жизни. На советской организационной основе, которую создали в 1990 году Алексей Зайцев и Якуб Зиннатович Шакиров, мы с Гульнар Асанбаевой старались выстроить что-то более современное. Формы работы выработывали буквально на ходу. Периодически устраивали «мозговые штурмы» и вообще любили все обсуждать, планировать и писать коллективно. Позже, уже в России, я не раз бывал на курсах газетного менеджмента, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что к популярной сейчас на Западе и отчасти в РФ командной работе редакции мы интуитивно шли в газете «Кустанай». Что касается менеджмента в «Челябинском рабочем» в 1996 году, когда я в него пришел, то он был, по сути, советским. Газета стала независимой, ее содержание изменилось, но при этом была сохранена структура партийного издания. Такие организационные традиции «большой газеты» мне были привычны еще по областной газете «Ленинский путь» (с 1992 года — «Кустанайские новости»). И только через три года, в 1999-м, мы

все перестроили. Появились три службы — новостей, «Стиль жизни» и выпуска. Последняя создана на базе секретариата. Я, кстати, был последним ответственным секретарем «ЧР», сейчас у нас нет человека с такими функциями. В службе выпуска материалы не складировуются, каждое утро начинается с чистых полос. Мы определяем, что где пойдет, а «выпускники» занимаются подачей материалов, добавляют им и номеру всякие «бантики».

— *Что больше всего удивило в новой работе?*

— Удивила некая отстраненность редакции от социальной боли. Ее руководство говорило: «Издание газеты — это бизнес». Сотрудники гордились: «Мы независимые, мы ни за кого» и уходили от оценки событий. В итоге газета становилась маргинальной, у нее не было общественной миссии, журналисты как бы висели над землей на воздушном шаре. При этом у «Челябинского рабочего» была прекрасная школа поиска и подачи новостей. В «Кустанае» мы считали новостью каждую маленькую заметку. Мне едва ли не заново пришлось учиться ориентироваться в бурном потоке событий, искать информационные поводы, отбирать то, что действительно интересно читателям, и быстро все писать — газета выходит каждый день! Появился репортерский азарт. В 1997 году было покушение на известного предпринимателя Григория Фишера. Я был единственным журналистом, который проник в его больничную палату. Такое писалось и читалось на одном дыхании. Мне потом говорили: «Так это вы писали про Фишера?!»

— *Какое российское издание для тебя сегодня — образец для подражания?*

— Уже не хочется подражать. У всех есть свои плюсы и минусы. Самая серьезная, точная и ответственная — ежедневная газета «Ведомости». А вот если кто-то захочет издавать скандальную желтую газету, то он может смело копировать «Жизнь». У желающих делать глянцевые журналы тоже много хороших образцов для подражания. Российские издатели и журналисты лучше преуспели в этих нишах. А тиражи качественной прессы неуклонно уменьшаются. Стремясь переломить эту тенденцию, «владельцы заводов, газет, пароходов» заставляют их потихоньку желтеть и обульвариваться. «Известия» несколько лет назад понесло в эту сторону, «Труд» недавно провел ребрендинг. Такие шаги вряд ли добавят уважаемым газетам читательской аудитории. Но еще опаснее то, что в таких перетрясках качественная пресса утрачивает свои особые видовые черты.

— *Личность журналиста в обществе, где журналистика все более унифицируется, играет ли, по-твоему, сколь-нибудь значимую роль?*

— Разговоры о потере личности в журналистике, об утрате ее авторитета в обществе — это в пользу бедных и неталантливых. Личность всегда востребована. Я часто цитирую студентам известную песню: «Есть ли на свете мужество, каждый решает сам». Быть настоящим журналистом сложно, порой опасно, но невероятно интересно. Всегда вызывает уважение журнализм, идущий изнутри человека. Журналист — это диагноз, но это такой уважаемый диагноз. А когда идет речь об унификации, то имеются в виду информационные, новостные жанры. Да, здесь есть свои жесткие стандарты, есть технология, и это нормально.

Об отношении с властью

— *Кормится ли «ЧР» от госзаказа, и если да, то какой частью своего бюджета обязана ему?*

— «Челябинский рабочий» — это один из самых удачных в России примеров трансформации регионального партийно-советского издания в современную ежедневную газету. Раньше она была частью государственного управленческого механизма. Сейчас у нас с властями партнерское взаимодействие. В области все знают, что губернатор Петр Сумин начинает свой день с чтения нашей газеты. Бывает, он на своих аппаратных совещаниях раздает поручения после публикаций в «Челябинском рабочем». Недавно мы рассказали о сомнительных свадебных услугах в органном зале, который входит в систему областной филармонии. Глава региона поручил министру финансов проверить, как вообще бюджетные организации оказывают платные услуги. Естественно, администрация области размещает у нас материалы на платной основе. Для редакции это существенные деньги, но не основные, главный доход идет от рекламы и реализации наших газет через подписку и в розницу.

— *Что за это власти требуют? Лазят ли под кожу и пытаются ли строить?*

— Нам удалось так выстроить отношения, что какие-то требования со стороны власти и вообще «неприличные» отношения просто исключены. Чиновники и депутаты знают, что мы всегда донесем до общества социально значимую информацию, и не будем смещать акценты, тянуть

одеяло в ту или иную сторону. Знают они и то, что, если возникнет необходимость, мы всегда скажем правду о происходящем в области. Скажем спокойно, но твердо. Такой уровень взаимодействия властей и независимой прессы есть не в каждом регионе. Мы это понимаем и ценим.

— *Что ты вообще думаешь о свободе прессы. Согласен ли, что в России в последнее время с этим сильно похудшело? У нас сегодня, если склонен к критическому взгляду на происходящее, — ты уже оппозиционер. Если пишешь о том, о чем другие молчат, — значит, желтая пресса. Тебе это знакомо?*

— Свобода прессы — это естественная вещь для гражданского общества. Когда нам раньше пытались сказать, что о том-то и том-то лучше не писать, мы отвечали, что для газеты говорить правду — то же, что для человека дышать. Свобода слова возможна, если ее хотят общество, издатели, журналисты и власть, нравится ей это или нет. К сожалению, тут в России много проблем. Общество еще не достигло такой степени зрелости, организованности, чтобы от него исходил заказ на объективную информацию. Люди привыкли к тому, чем их долго кормили и кормят, и не подозревают, что может быть что-то другое... Понижение спроса на качественную прессу — это мировая тенденция, но от понимания этого не легче. Наши издатели предпочитают печатать то, что дает хороший доход, — еженедельные таблоиды, желтые издания, гляцевые гламурные журналы. А если кто-то из олигархов покупает качественную газету, то он рассматривает это не как поддержку некоего культурного феномена и даже не как бизнес, она ему нужна для пиара, расширения своего влияния. А сами журналисты в очень редких случаях могут издавать газету, быть ее менеджерами. Оно и не удивительно — у них другие способности и задачи. Нам вот в «Челябинском рабочем» как-то удастся быть одновременно учредителями, издателями и газетными менеджерами. Это не совсем нормальная ситуация, но по-иному сейчас нельзя. К сожалению, многим из коллег нравится кому-то служить, писать джинсу, откровенную заказуху. Некоторые молодые журналисты думают, что это и есть наша профессия...

Что касается власти, то о ее взаимоотношениях со СМИ образно рассказал президент Владимир Путин. Сначала он намекнул, что пресса — это женщина, а власть — мужчина. Он все время настойчиво за ней ухаживает, она сопротивляется, ну а если уступила, то разговор уже другой. Потом глава государства сказал прямо, без образов: журналисты

либо служат власти, либо борются с ней. Эти чисто русские крайности неизбежны, когда власть хочет не информировать людей, а что-то им внушать, зомбировать население. Что, собственно, и происходит на главных федеральных каналах России, там практически одна точка зрения, а если и появляется иная, то в какой-то игровой, утрированной форме, что принижает смысл сказанного. В Москве и регионах есть независимые издания, власть относится к ним спокойно, поскольку их влияние из-за ограниченности тиража не так велико, как у телевидения, стратегического информационного ресурса.

Мне хотелось бы услышать от президента простые слова: власть и пресса должны сотрудничать в интересах общества. Тут необходимо принципиально понимать, что независимая газета — не значит оппозиционная. Оппозиция — это необходимый демократический институт, только у нас в СНГ он наполняется ненужными эмоциями и страстями. А вообще оппозиционность в нашей профессии — вещь ушербная. Если газета оппозиционная, то она изначально не объективна, все время будет что-то негативное выискивать и молчать о хорошем, что власти все-таки делают. Нормальным людям нужна не односторонняя информация, не политиканские истерики по тому или иному поводу, а просто точные факты, разные точки зрения, подсказки, как поступить в той или иной ситуации.

О времени и о себе

— *Расскажи о семье. Чем радуется, чем, может, огорчает?*

— Семья — это мое главное достижение. Жена Софья, она из Джетыгары, — пожалуй, лучший рекламный менеджер Челябинска. Старшая дочь Элина учится в Уральской консерватории (Екатеринбург), она музыковед, очень любит свое дело. Младшая Аида — студентка журфака ЧелГУ, почти год прожила в Америке, встретила там своего Дениса, он из Екатеринбурга, скоро свадьба. После возвращения Аида стала гораздо лучше относиться к России.

— *Чем занимаешься в свободное от работы время?*

— Как всякий кустанаец (а я называю себя кустанайским челябинцем), люблю посидеть за столом в хорошей компании. В особо тесной и душевной могу даже спеть под гитару. В последнее время особо этим не увлекаюсь, потихоньку «подкачиваюсь» и много хожу по улицам. Люблю путешествовать, осматривать достопримечательности, по-

купать сувениры. Причем я собираю фигурки животных и людей из разных городов и стран. Их уже ставить некуда. А вообще отдохнуть особо некогда...

— *Твой личный статус и твой уровень жизни? Квартира? Марка машины? Костюмы от кого носишь?*

— Я одновременно акционер, издатель и газетный менеджер. Доход нормальный, позволяет удовлетворить основные потребности. Дивиденды мы себе начисляем, но не выплачиваем — вкладываем в развитие. Купили новый офис, прошлым летом, наконец, довели его до ума и переехали. Самое забавное в том, что новое редакционное помещение находится в доме, где я живу. Это хороший, так называемый элитный дом в центре Челябинска, на улице Пушкина. У нас трехкомнатная квартира. К стыду своему, до сих пор не умею водить машину. Недавно понял, что жить без личного автомобиля уже просто неприлично. Буду исправляться. Костюмы ношу европейские, ни от кого, главное, чтобы сидели хорошо.

— *А на чем душой отдыхаешь?*

— В последнее время люблю готовить, постоянно созваниваемся с моим лучшим другом Сашей Коцерубой (мы вместе учились, потом он работал в Петропавловске, в Алматы, «Караване», и переехал вместе с Борисом Гиллером в Москву, сейчас — завотделом информации «Вечерней Москвы»), он вообще в этом деле ас. Люблю слушать музыку: классику рока — Pink Floyd, Led Zeppelin, Deep purple, Uriah Heep, Queen; этническую музыку разных стран — сильнее всего поют о любви мексиканские и армянские женщины. В июне 2006 года на Всемирном конгрессе русской прессы в Астане перед нами выступила группа (забыл название), которая соединила казахские кийу с роком. Это нечто бесподобное! Долго потом искал диски этой группы, но в Казахстане они почему-то не продаются. А в последнее время переслушал советские ВИА 70-х. Может, это ностальгия.

Беседовала Ольга КОЛОКОЛОВА
(«Наша газета», Костанай, 24 апреля 2008 года)

МИГРАНТЫ-2

Почему русские уезжают
на Запад?

ОТ АВТОРА

В первой части книги я рассказал о побудительных мотивах, заставлявших в 90-х годах XX века переезжать в Россию жителей постсоветского Казахстана. Во второй половине авторского сборника продолжаю тему миграции. Это продолжение, как и в первый раз, было естественным. Я побывал в Америке, вся история которой — цепь переселения европейцев и жителей иных континентов на другой берег Атлантического океана. Жил в американских семьях, встречался с деятелями науки, культуры, бизнеса, государственными служащими и русскими эмигрантами. Показывая реалии США (их тоже надо знать, а то большинство россиян по-прежнему смотрит на заокеанскую действительность через «оптический прицел» камер Гостелерадио), анализируя и сопоставляя жизнь западного и российского обществ, я в своем новом очерке пытаюсь ответить на один вопрос: какие мотивы побуждали и побуждают россиян уезжать в США, на Запад в конце XX — начале XXI века? По сути, это попытка рассказать о четвертой волне эмиграции из России в «цивилизованный мир». Могу ошибаться, но мое сугубо ненаучное, публицистическое исследование наталкивает на невеселые мысли. Первые три волны эмиграции (после Октябрьской революции, Второй мировой войны и в советское время) были вынужденными. После 1917 года люди уезжали, сохраняя в себе добрый образ той еще, дооктябрьской Родины. После войны многие бывшие военнопленные или угнанные на работу в Германию, боясь советских лагерей, просто воспользовались возможностью пожить в более устроенном мире. Так называемые советские диссиденты тоже по-своему любили Родину. А вот с эмигрантами, рванувшими «за бугор» после того, как был снят «железный занавес», на мой взгляд, все гораздо сложнее. Этот поток очень неоднородный. Многие ученые в 90-х годах уезжали на Запад, не имея в нервно реформируемой России финансовой и материальной возможности заниматься своими исследованиями. Значительная их часть

через какое-то время стала возвращаться. Уезжали и уезжают классические музыканты, талант которых на Западе оценивается более звонкой монетой. Дома они появляются изредка. Но, повторяю, «предметом» внимания в очерке «Мигранты-2» являются не выдающиеся таланты, не человеческие судьбы, а совокупные ПРИЧИНЫ ОТЪЕЗДА самых обычных людей. На мой взгляд, их прощание со страной более драматично, ибо эти наши сограждане покидают Россию в полной уверенности, что в ней уже никогда ничего хорошего не будет. Мигрантами стали многие бывшие студенты журфака УрГУ, учившиеся вместе со мной. В Израиле, в Иерусалиме, живет Сергей Трякин, который всегда неистово протестовал против лицемерия окружающей действительности, Виктор Зельманов стал Микки Хайку, он нашел пристанище в Финляндии, Стелла Азерная переехала в США и т.д.

Как оказалось, одновременно со мной в 1999 году москвич Андрей Паршев написал очень интересную книгу «Почему Россия не Америка» (точнее и скромнее будет написать — я одновременно с ним). Казалось бы, что можно добавить к глубокому анализу столичного ученого? Зачем еще что-то писать? Но, немного поразмыслив, я понял, что и мой труд имеет определенный смысл. Для меня важны не только правда фактов, анализ, научные открытия и т.д., но прежде всего — подробности жизни с «человеческого роста», истинность ощущений, атмосфера и настроения рядовых граждан двух великих стран — России и США. Важно именно человеческое измерение, авторский взгляд на жизнь не ученого, не всезнающего и заидеологизированного московского журналиста-международника, а очеркиста из провинции с деревенскими корнями, «остатками» советского менталитета и формирующимся сознанием «нового россиянина». Если кому-то покажется интересным такой «показ», такая «фотография» реальности, я буду считать свою творческую задачу выполненной.

Далее помещены материалы и размышления на существенные российские темы. По сути, они являются продолжением «Мигрантов». Следуя образному строю всей книги, можно сказать, что русские (не по крови) — духовные мигранты по своей сути. Как отмечал литературовед и историкософ Вадим Кожинов, двойственная основа (европейская и азиатская) обусловила явную неустойчивость и недостаточную определенность русского самосознания. И наше обостренное внимание к «русской теме» объясняется неполнотой, не-

достаточностью самоутверждения нации. На Западе именно по этой причине постоянно твердят о присущем русским «комплексе национальной неполноценности». Этому способствует и наша национальная самокритика — нередко беспощадная. В своем очерке, политических эссе и других материалах я пытаюсь показать, как мы ищем себя, примериваем формы жизни других стран, заимствуем их с разной степенью успеха. Порой наша всеядность приобретает гипертрофированный размах. Лет 20 назад мы вдруг стали жить, ориентируясь на китайский гороскоп. А еще раньше скопировали (!) у китайцев пельмени, гармошка тоже не наша (на авторство водки, слава Богу, никто не покушается). Об общественно-политических и экономических моделях и говорить не приходится. Не удивительно, что некоторые наши «разочарованные» сограждане договариваются до того, что у русских вообще нет ничего своего. Но в том, что Россия — еще формирующаяся страна, есть и свои плюсы. У нас больше простора для маневра. И совершая его, ошибаясь и набивая шишки, мы должны не просто мигрировать из одного культурного пространства в другое, но идти вперед, опираясь не на умозрительные концепции, а на свою историю и геополитическое положение страны, на свой культурный код и генетическую память. Пока в России все «не устаканится», даже пророку не под силу сказать о ее будущей жизни что-то строго определенное. И потому мысль вашего автора, типичного русского человека, будет эволюционно мигрировать, а его душа — не знать покоя...

1. МИСТЕР ВАСЯ ИВАНОВ И ДРУГИЕ

В царстве матрешек

В доме Роберта Джона Хойла (или просто Боба) полно матрешек из России. Я свои даже не стал доставать — их бы в этом изобилии просто не оценили. Боб — директор Интернационального института по эмиграции в городе Сент-Поле, центре штата Миннесота. Вся его жизнь связана с приемом и адаптацией в США мигрантов со всего мира. В последнее время в его офис приходит все больше людей из Russia.

У Боба, как я понял, выработалось свое отношение к мигрантам из нашей страны. Он относится к ним, как к малым детям, на которых невозможно положиться и от которых можно ожидать чего угодно. Поэтому, когда уйду в город, хозяин дает массу инструкций и свою визитку. На его лице едва заметна тревога — не заблудился бы, не влип в какую-нибудь историю. Боб по происхождению норвежец (их в Миннесоте много — об этом позже). И, как истинный скандинав, суров и скуп в проявлении эмоций (вскоре я пойму, что этот человек не такой аскет, каким хотел бы выглядеть). Его жена Карэн — профессор университета Миннесоты. Сдержанная, приветливая женщина. Они поженились поздно, в 40 лет. Родили и вырастили двух дочерей (на вид Бобу, которому за 60, больше 45—50 не дашь), построили дом на клочке земли в тихом районе города. Меня поселили в полуподвале. Хотя на самом деле — это большая комната, рядом с которой отдельные душевая и туалет (хозяин сразу проинструктировал, что при пользовании душем надо включать вентиляцию). Когда к Бобу с Карэн приезжают родители, — они живут там, где я. По утрам слышу, как по коридору широко вышагивает высокий Боб. Завтракаем мы на большом крыльце перед главным входом в дом. В первый день я с интересом наблюдал, как хозяин одним движением сдул с него опавшие листья — в руках у него было что-то типа фена, я назвал про себя это приспособление электровеником.

Я никому не говорю, что имею к миграции не праздный интерес. Что мне, как человеку, несколько лет назад переехавшему из Казахстана в Россию, интересен опыт людей, попадающих в другие социальные условия. Не говорю, так как понимаю, что для Боба с Карэн все одно — что Россия, что Казахстан, нюансов, различающих эти две страны, западный человек просто не понимает. Я только прошу организовать встречи с мигрантами. При этом предупреждаю, что хотел бы встретиться не со спортсменами или деятелями искусства, а с самыми обычными людьми. Мне интересно, почему именно они покидают Россию.

Первые шаги по Америке

В самолете авиакомпании «Дельта» через проход от меня летел с отцом высоченный русский парень лет 16—17. Он не пользовался наушниками, которые есть в подлокотнике каждого кресла, а слушал свой плеер. Когда снял наушники, я краем уха услышал знаменитый мотив группы «Наутилиус Помпилиус»: «Гуд бай, Америка! О! Где я не был никогда». После приземления в нью-йоркском аэропорту Кеннеди начали сортировать прибывших россиян. Тем, кто имеет вид на жительство, предложили пойти направо. Образовалась довольно большая группа — человек 40. Среди них оказался мой сосед с отцом. Юный верзила перестал слушать свой «эмигрантский мотив» и с любопытством озирался. Рядом с ним стояли дедушка с бабушкой деревенского вида. Рядом с молодыми и уже старающимися казаться по-американски самоуверенными эмигрантами они выглядели как-то нелепо. О Господи, подумалось тогда, до чего же надо было довести этих «диссидентов», чтобы они на пороге вечности побросали все пожитки и рванули за океан... К нам с переводчицей Аллой Онищенко (она из Екатеринбурга) тут же подскочили двое бывших россиян, стали спрашивать о счете какого-то футбольного матча, просить московские газеты. А несколько американцев и американок среднего возраста, везущие усыновленных в СНГ ребятшек двух-трех лет (все они, как оказалось, были из Казахстана) шли мимо с умиротворенными улыбками. Их мучения на просторах России закончились (на усыновлении детей иностранцами зарабатывает целое скопище чиновников), впереди — тихая семейная жизнь. Во время полета я поговорил с одной из женщин, усыно-

вившей мальчика из Караганды. В Казахстане его называли Аян. Новая мама (впрочем, свою биологическую мать этот мальчишка никогда и не видел — она от него отказалась; это целая проблема, когда девушки из аулов, вырываясь на свободу в город, начинают гулять, а потом, страшась строгих домашних, боятся нести домой «в подоле» деток) уже переименовала пацаненка в Яна. Она рассказала, что жила в Казахстане шесть недель. Собрала кучу справок и подписей, последнюю визу поставил аким Караганды. Американская мама Аяна-Яна уверена, что в Штатах ее сынишку ждет успех. Китайцы и японцы в этой стране устраиваются очень хорошо, один их вид — это как бы визитная карточка предприимчивости и работоспособности. Ян на них похож, значит, его будут принимать за шустрога и делового азиата. Помогут ему в жизни и брат с сестренкой, им сейчас 13 и 15 лет, они родные дети своей мамы. Зачем этой женщине, уже познавшей материнское счастье, еще и усыновленный ребенок? В ответ на этот странный вопрос русского журналиста американка только счастливо улыбнулась и сказала, что любит детей. А в конце разговора сообщила, что собирается взять еще одну девочку-казашку шести лет. Загадочная американская душа...

Помнится заместитель акима Кустанайской области Багила Баймагамбетова спросила у журналистов, почему американцы стремятся усыновить местных ребятишек, причем не только здоровых, но и больных. В ответ мы начали рассуждать — когда они вырастут, то будут благодарны и верны американцам, это для них очень важно. Видимо, такие мотивы тоже присутствуют. Но на деле, как я выяснил в Штатах, все гораздо проще и, как это почти всегда бывает на Западе, опирается в экономический расчет. В секретах усыновления мне помогла разобраться журналистка из миннесотской (чуть не написал — областной) газеты «Пионер-пресс» Карэн Падлей. Незадолго до моего приезда она усыновила ребенка из Республики Коми. «Почему бы тебе не взять американского мальчика», — спросил я. И Карэн рассказала, что в Америке это сделать очень сложно. В стране нет домов малюток и детских домов. Ребенок в Америке не переходит из одного богоугодного заведения в другое, как у нас. Его передают от одного родителя к другому. Это сложнее и дороже. Усыновление ребенка в США обходится в 40 тысяч долларов, в России (вместе со всеми «накрутками») это можно сделать за 25. А в Казахстане процедура оформления (там немного проще законодательство) обходится еще дешевле.

Земля обетованная

...Все мы мигранты на этой земле. Сначала переселяемся в мир из тьмы вечности, в конце пути вновь уходим в неизвестность. А в перерыве между перемещениями ищем место, где нам тепло, где нас любят. Порой делаем это до конца дней своих. Без движения жизнь остановится. В этом смысле Америка уникальна. Она образовалась в результате массовой иммиграции людей из государств Европы, а потом из других точек Земли. Она и сейчас остается землей с особой энергетикой, местом, куда стремятся попасть жители многих стран мира. Некоторые американцы всерьез считают, что мигрантов в мире принимают только три державы — Австралия, Канада и США. Наверное, потому что из этих государств человек, как правило, никуда дальше уже не едет. Всего в Америке 290 миллионов человек, в год разрешают принимать один миллион. В последнее время американское консульство в Москве на 40 процентов сократило квоту на выдачу виз молодым людям, едущим в Америку на учебу. Вдвое меньше стало гостевых виз. Однако на религиозных «беженцев» (баптистов, например) эти ограничения не распространяются. Ужесточение приема иностранцев выглядит немного странно на фоне того, что экономика страны очень нуждается в квалифицированных кадрах. Чтобы «принцип sobлюсти и капитал приобрести», Конгресс США учредил программу виз H-1B, они выдаются людям, по-настоящему необходимым экономике и науке страны.

Такой жесткий фильтр становится понятнее, когда узнаешь, какие хлопоты порой доставляют наши бывшие земляки американским властям. 30-летний Владимир Мошутин приехал в США из Златоуста вместе с женой и двумя дочерьми. Жили они в городе Портленде (штат Орегон). А точнее — мыкались, поскольку устроиться на работу было очень сложно: оба супруга глухи от природы, а глава семейства к тому же вообще не понимает английский... Кончилось тем, что жена Владимира нашла другого спутника жизни. Оставшись один, он забрел в чьи-то частные владения и был арестован. Из тюрьмы его вскоре выпустили. Но наш земляк не унимался и угнал автомобиль. Второй раз из-за решетки его вызволяли уже российские дипломаты. Мошутина перевели из уголовной в иммиграционную тюрьму...

Одно время половина людей в Америке говорила на иностранных языках, хотели даже немецкий сделать государственным. В штате Миннесота сейчас 80 тысяч беженцев. Беженцем признается человек, страх которого вернуться на родину признан правительством США и ООН. До 1920 года в Штаты мог приехать кто угодно. Это была земля обетованная. С 20-го года введены квоты. Большинство их получают британцы. Всем остальным они выдаются в зависимости от отношений со страной. Если Америка воюет с каким-то государством, его граждане мигром вылетают с ее территории. И наоборот. «Как вы, русские, относитесь к сербам, — поясняли мне, — так мы, американцы, — к вьетнамцам, воевавшим на стороне США». Отчасти также относится к переселенцам из стран бывшего Союза Германия. В эту страну переехало очень много моих знакомых. Например, мой кустанайский сосед Рафик Мусин, жгучий татарин, перед отъездом взял фамилию жены и стал Биттнером. В ФРГ таких биттнеров с характерным разрезом глаз сейчас очень много. Все едут на «историческую родину», воссоединяются с родственниками. Возможно, видя это, немецкие власти в 2000 году уменьшили квоту на въезд. Очень тщательно проверяются документы (на Западе считают, что у нас за деньги можно раздобыть любые справки). Оформление в Германии статуса переселенца длится от трех до пяти лет. Германские налогоплательщики платят за «новых немцев» три миллиарда марок. При германских посольствах и консульствах в странах СНГ организованы языковые курсы для переселенцев. Человек, не прошедший тест, практически уже не имеет права на его пересдачу. А сдается он перед приемом документов и является как бы подтверждением права на принадлежность к немецкой нации. Когда переселенец ступает на немецкую землю, он уже практически гражданин ФРГ. Однако, считают исследователи, пройдет не менее пяти лет, прежде чем он почувствует себя полноценным членом нового сообщества. В Америке на это уходит примерно такое же время. За эти годы человек, который расстался с Родиной, расстается с прежними представлениями и под влиянием другого уклада, иного социального положения приобретает новые понятия о жизни. Такая ломка не каждому по силам, но, как говорят американские журналисты-эмигранты, «Вашингтон, как и Москва, слезам не верит». Получив место под солнцем в стране эмигрантов, новые граждане готовы драться за ценности Америки. Но не все становятся сто-

процентными американцами. Особенно, пояснили мне, это проявляется в Майями, финансовом центре, где самый большой процент испаноговорящего населения. Эти люди не превращаются в американцев, а остаются испанцами. И все рано или поздно уезжают. Об этом с каким-то сожалением рассказывал Боб. И еще об одной национальной группе он говорил без присущей ему беззаветной гордости. Сообщая о евреях, директор интернационального института иронично заметил, что их и тут «обижают» — в том смысле, что представителям этой нации дальше Америки ехать уже некуда, но они, в силу особенностей характера, продолжают «качать права», лоббировать в правительстве свои интересы. Велико политическое давление евреев на Конгресс. А претендент на высший пост не сможет стать президентом, не получив поддержки влиятельных иудеев. Большинство евреев-переселенцев не приходят в такие офисы, как у Боба. Они находят свои организации и устраиваются на новом месте всегда хорошо.

«Мы принимаем самых обездоленных»

«Мы принимаем самых бедных и обездоленных, — поясняют мне в офисе Боба, — а те, кто с энергией и здоровьем — сами справятся». Обычно в институт прибывало 150 человек в год. На первый взгляд, немного. Но сотрудники фирмы доводили каждого переселенца до такой кондиции, когда он уже мог жить в стране самостоятельно (законом на адаптацию беженца отведено 90 дней). В последние годы наплыв увеличился в среднем до 1000 человек в год (бывало и 1600). Русские — третья растущая группа мигрантов, после вьетнамцев и других азиатов. Больше становится и кубинцев. «По большому секрету» Боб говорит, что приезжие — никакие не политические беженцы, а обычные экономические мигранты. Сообщая это как страшную тайну, он, конечно, не знал, что подобная атмосфера вокруг мигрантов из бывших республик Союза и в России: местные далеко не всегда довольны тем, что переселенцам что-то перепадает, а они « всю жизнь сидят в дерьме ». Американцы, конечно, в нем не сидят. И тем не менее большинство янки не любит иностранцев, особенно мексиканцев, ирландцев и поляков (еще одно признание не для печати и без ссылок). Но стране нужны их руки. Безграмотный переселенец из Лаоса готов выполнять любую работу. Так

негласно заведено, что весь тяжелый труд выполняют эмигранты. И порой фирмы особо не обращают внимания — легально человек находится в Штатах или нет. Но когда спад в экономике, то в первую очередь страдают именно такие скрытые мигранты. Иногда они работают в трех местах и готовы жертвовать всем ради своих детей. При этом многие из них имеют довольно высокую квалификацию, знают, как обращаться с деньгами. Очень скоро они становятся владельцами домов — и некоторые менее разворотливые американцы начинают у них снимать угол.

Янки гордятся тем, что скупают у многих стран лучшие мозги (очень значительная часть инженеров в Америке — иностранцы). При этом, по данным Службы иммиграции и натурализации США, россияне составляют два процента от общего числа въехавших в Штаты по специальным визам для иностранных специалистов, обладающих уникальными знаниями. По сведениям статистики, на том же уровне находятся Великобритания, Южная Корея, Япония, Тайвань и Пакистан. Наибольший «отток мозгов» происходит из Индии (46 процентов виз для иностранных специалистов) и Китая (10 процентов). Американцы высказывают все большую обеспокоенность тем, что страны Азии и Африки тратят 50 процентов своего бюджета на образование, а затем их дипломированные специалисты едут в Штаты. На родине они врачи, а в Миннесоте — медсестры и медбратья. Но рады и тому. Федеральное правительство хочет это предотвратить, но не знает как.

Лучшие в мире сиделки

Деньги для обустройства переселенцев выделяются на федеральном уровне. Институт, которым руководит Боб, — частный, но он использует средства государства. В Америке, замечу попутно, вообще в порядке вещей, когда частные структуры выполняют общественно важные задачи на субсидии бюджета (у нас же в таких случаях, как правило, выстраивают солидную и малоэффективную бюрократическую иерархию). В институте получают денег больше, чем хотели бы. Это суммы не только от правительства, но и от разных организаций и фирм. Во время моего пребывания Бобу звонили и предлагали деньги после публикации заметки в местной газете «Пионер-пресс». Офис может отказаться от пожертвований, если не нравится предлагаю-

шая организация (согласитесь, это как-то не по-русски). Кстати, я и дальше встречался с ситуациями, когда в этой стране решали задачу, как отказаться от денег или как потратить средства, которых слишком много (нам бы их заботы). Но изобилие не снимает ответственности при отчете. Если Боб говорит, что обучит столько людей, ему надо показать результат. Федеральное правительство следит за этим очень жестко.

250 тысяч долларов получает институт для работы с мигрантами (на эту сумму надо нанять персонал, запустить программу и т.д.). 50 процентов денег идет на поддержку семьи в течение первых 30 дней пребывания в США. Институт три месяца отвечает за все, что с происходит с вновь прибывшими. Люди Боба проводят медосмотр каждого члена семьи, помогают детям при записи в школу, а взрослым — при изучении английского. У некоторых мигрантов много профессий, но они не могут адаптироваться по одной причине — не знают английского. В интернациональном институте старая и совершенная программа, с помощью которой можно научить «спикать» даже самого тупого мигранта (мне пояснили, что русские из России и республик бывшего Союза английский знают лучше переселенцев из других стран). Например, одна женщина никогда не училась в школе, не умела и на своем родном языке писать, сейчас она выучила устный и письменный английский, работает. Позднее сотрудники офиса помогают своим «воспитанникам» пройти тест на гражданство. В офисе Боба помогают и при поиске жилища, представляют переселенцев местным жителям (это очень важно) и т.д. Возможность обосноваться в США на 80 процентов связана с религией. Люди, представляющие американское правительство, идут в церковь, просят вовлечь в свои ряды мигрантов.

В институте работают только с теми, у кого есть родственники в Миннесоте. Большая часть сотрудников — сами беженцы, понимающие, насколько важно ассимилировать переселенцев в новой среде, а не поселять их компактно в этакую резервацию, как это придумали в России (например — в Борисоглебске Воронежской области). Все, кого готовят в офисе Боба, находят работу. А готовят в институте средний медицинский персонал, который очень нужен стареющей американской нации. Потому в этой стране так ждут притока свежих мигрантов. Трезвый расчет (он здесь заметен во всем) оказывается сильнее возможной

неприязни. 150 часов подготовки достаточно для получения сертификата медсестры. При этом ограничений по возрасту нет, у соискателя «степени» сиделки должно быть хорошее здоровье. Программа обучения сидельческой премудрости стоит 12 долларов в час (я видел, как наши старательно тренировались на манекене). Офис Боба поставляет людей в 50 центров для престарелых. За 10 лет работы на этом направлении в нем воспитали не только сиделок. Некоторые «выпускники» сами стали управляющими. Непосредственной начальницей Боба работает немка, которая в свое время была его «клиенткой».

Шесть тысяч русских

В Миннесоте много русских ученых и врачей. Глядя на их приток, некоторые американцы приходят к неутешительному выводу о том, что интеллигенция и культура сегодня российскому государству не нужны. И вообще не нужны профессионалы в любой сфере... Миннесота стала центром изучения российской истории. Серьезную заинтересованность к ней проявляют профессора местного университета, где собрана хорошая коллекция книг по русской культуре. Более того, многие преподаватели вообще сосредоточены на бывшем СССР. Причем главный акцент делают даже не на России, а на всех остальных республиках, что меня особенно поразило. Как поразило и то, что большинство людей, преподающих русскую историю, — эмигранты. В университете работают 35 докторов наук по русской культуре. Исследуют религию, главным образом — православную. Американцев, в частности, интересуется, сможет ли церковь стать катализатором демократизации общества. Постепенно я сделал еще одно наблюдение — русские друг с другом в Америке общаться не любят. На это намекнула бывшая москвичка Светлана из местного музея, тактично «отшившая» все мои вопросы не по теме истории Миннесоты. А чуть позже на одном из телеканалов мы встретились с Ларисой из Ленинграда. В свое время в городе на Неве она работала на радио, вела какую-то передачу на всю Россию. В Миннесоте живет 17 лет, но по-прежнему говорит с акцентом (говорят, у таких людей нет музыкального слуха). И тем не менее ее выпускают в эфир.

Насмотревшись на рациональных американцев, спрашиваю Ларису:

— Есть ли что-то, к чему янки относятся не рационально, а эмоционально?

— Да, — отвечает, — к деньгам.

Мы говорим о том о сем. За внешним флером благополучия и уверенности пытаюсь понять, что на самом деле на душе у этой немолодой уже женщины. Лариса как бы вскользь роняет фразу, которую долго буду вспоминать, ибо она с точки зрения российского человека довольно спорна:

— Я тут отдыхаю душой. Все вежливы, улыбаются. Если у кого-то что-то не так, не показывает.

Да, мы, русские, порой устаем от взаимной душевности. Но неужели нам легче делать вид, что все о'кей? Ларису мне стало немного жаль, когда увидел, как она разговаривала со своим боссом. У женщины, которой далеко за 50, вдруг как-то ненатурально загорелись глаза, и она начала энергично, отчаянно улыбаясь, говорить. В этом желании непременно соответствовать было что-то несвободное и... советское.

А вот жена фермера Джона Алена, которую он нашел аж в Новосибирске, оказалась женщиной более русского склада. По пути на ферму мы шутили — вот, мол, девушка вышла замуж за американца, а теперь ковыряется в коровьем г... Однако нас встретила не замученная тяжелой неволей доярочка, а цветущая женщина. В Штатах она с 1992 года. Работает не на ферме, а в Минеаполисе (это второй центр Миннесоты), в банке. В России была гуманитарием, в Америке быстро переучилась (портит, однако, наших романтических девушек прагматичная Америка!). Мы пригласили Алену в гости, она очень обрадовалась. А затем приznалась, что ей не хватает как раз русских вечеринок. Здесь, обреченно констатировала она, собираются не для души, «а для знакомства...»

Хронические болезни россиян

У Васи Иванова интересная визитка. На первой стороне написано крупно по-английски, на второй — по-русски, и почему-то очень мелко. Вася — переводчик в региональном госпитале Миннесоты. Русский переводчик. Такая штатная единица появилась, когда волна мигрантов из России стала более заметной — в госпитале стараются, чтобы у них работали представители разных культур. Без этого не обойтись, ведь в Миннесоту ежегодно прибывает 12

тысяч переселенцев. В госпитале были камбоджийский, вьетнамский и лаосский переводчики, и вот появился русский. Как говорится, дожились... Иванов не только переводит, когда больные из России общаются с докторами. Он переделывают наклейки на лекарства, общается с русскими пациентами по телефону, играя, по сути дела, роль психолога или, если угодно, своего парня. По виду Вася совсем не похож на русского — неуловимая западная холерность, длинные волосы, серьга в ухе. Мистер! Когда я услышал его имя и фамилию, невольно рассмеялся. Мы разговорились. Вася оказался коренным американцем с русскими корнями. Его родители переехали в Штаты еще в 1949 году. Мама родом из Майкопа, папа — из Мариуполя. Он был в концлагере, пленным в Германии, откуда и перебрался в Америку.

У Васи к русским отношение особое. Они ему напоминают о далекой родине, где никогда не был. Но рассказывает он о них все-таки как-то не по-русски. Как пациенты, поясняет Вася, они сложные. Многие элементарно безграмотны. Впервые узнают о холестерине, диете, впервые видят УЗИ. Как мне потом пояснили американские доктора, наиболее распространенные болезни среди русских — сердечно-сосудистые, почечные, диабетические. Русские часто впадают в депрессии, тоскуют по Родине. Было видно, что наши сердечные дела поражают американцев своей запущенностью, у них сложилось представление, что за сердцем и сосудами в России вообще не следят. Они помогают русским переселенцам снимать боль, стараются привить им самые простые навыки по уходу за своим здоровьем — для мигрантов составлены образовательные программы, инструкции. При этом все организационные вопросы решаются в самом начале — переселенцы находятся на иждивении государства, получают страховки через отдельные компании. В страховку можно записать все, что хочешь — массаж, физиотерапию и т.д. Русский может попросить у доктора квартиру с двумя спальнями, и ему пойдет навстречу, если врач это «пропишет».

Наши уезжают навсегда...

Один из очевидцев рассказал о встрече Сергея Степашина (в бытность его премьер-министром) с представителями русской общины в Америке. Моего собеседника по-

разил подбор кандидатур — «обломки империи» князь Гагарин и князь Голицын, художник Михаил Шемякин, скульптор Эрнст Неизвестный, хоккеисты Вячеслав Фетисов и Сергей Федоров. И ни одного русского бизнесмена, болеющего за Россию и способного ей помочь делом. Это и предопределило тональность и направленность встречи. Художники говорили о своих работах, спортсмены — правильные слова о необходимости развития спорта, а князья гордо несли себя (мне рассказали, что при похоронах знатных русских в Америке непременно откуда-то появляется наша челядь и стоит поодаль в сюртучках — где эту рвань только берут в цивилизной стране?). Видимо, иных представителей русской общины Сергей Вадимович собрать и не мог. Многие из вышеназванных деятелей являются участниками практически всех подобных тусовок.

Наших переселенцев в Америке около миллиона, они очень разношерстные и разобщенные. Среди них есть самодостаточные группировки монархистов и народников, «белогвардейцев» и «комиссаров», сторонников холодной войны и поклонников Ельцина... Эмиграция этнически пестра и культурно расслоена. Не так-то просто, например, найти общий язык москвичу и беженцу из Средней Азии. (кстати, уезжающие из стран СНГ сейчас все чаще нацелены не на Россию, а на Запад). Один из известных российских эмигрантов, просивший не называть его фамилию, рассказал мне с удивлением и болью, что многие «новые американцы», покинувшие Россию в последние годы, просто ненавидят свою бывшую Родину и все русское (и тем более — пародию на Russia на Брайтон-Бич) и просто сторонятся других выходцев из нашей страны.

В отличие от «новорусских» мигрантов представители других стран, наоборот, стараются друг друга поддерживать и помнить о своей Родине. Китаец, например, может не любить китайское правительство, но он любит свою страну и будет ей помогать. Именно в этом корни знаменитого феномена, когда китайский мировой капитал делает громадные инвестиции в экономику родной державы. Более того, Америка должна(!) Китаю один миллиард долларов. Об испанцах, кующих деньги для своей родины на Майями, я говорил чуть выше. А русские, эти загадочные русские парни все, как всегда, делают наоборот — они продолжают вывозить деньги из своей страны. Во время моего пребывания в Америке там был в самом разгаре скандал вокруг отмыwania средств русской мафии. И суммы в аме-

риканской печати назывались просто фантастические. Знающие люди только цокали языками — такого бессовестного ограбления России, какой произошел за последние несколько лет, еще не было. Это очень существенные потери, хотя и говорят, что у нас страна, которую невозможно разграбить до конца — так она богата...

Деньги уплывают, люди уезжают... И тихо ненавидят Россию. Если раньше, покидая Родину, русские увозили с собой образ страны (отсюда эти доисторические сюртуки и прочее), то сейчас наши уезжают навсегда, стараются напроочь забыть родную страну и раствориться в Америке, стать 100-процентными янки. Из всех мигрантов вернулся только А. Солженицын (русская дворянская эмиграция в США провозгласила его пророком. Кто выступал против, — становился врагом Конгресса русских американцев). Александр Исаевич прибыл в «новую Россию» с наивной верой, что его, обогатенного западным опытом, в нашей стране будут слушать как духовного отца. Не слушают. Может потому, что классик политического протеста так оторвался от жизни простых людей (а их души за последние десятилетия его отсутствия еще больше развратились), что уже не может выражать их настроения и как-то влиять на отбившуюся от рук «паству». А может, дело в том, что Александр Исаевич все больше говорит именно как учитель, а не как писатель, и меряет людей миллионами, не в силах познать душу одного. Познать, если разобрать глубинные, тектонические изменения в мировосприятии россиянина. Можно любить или не любить Советский Союз, но никто не будет спорить с тем, что раньше уезжать из страны считалось нехорошо. А сейчас отъезд ни у кого не вызывает возмущения, напротив — таким людям завидуют. Многие русские окончательно потеряли веру в себя и свою страну. Их уже не особо радует то, что Россия движется в сторону западных либеральных ценностей, реформируется. С приходом Путина изменения начинают сочетаться с необходимым порядком. Но русские почему-то продолжают стремиться на Запад (в Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев недавно поступило письмо от 940 жителей Камышина Волгоградской области. Люди просят предоставить им возможность выехать в любую страну мира, где соблюдаются права человека). Они уже не хотят строить, перестраивать (и, как теперь говорят, — перекраивать), они хотят просто хорошо жить. Что же такое, помимо благополучия, есть на Западе, что тянет израненную русскую душу?

За ответом я поехал в американскую глубинку, ведь, как ни крути, а суть нации — в провинции. Столицы все похожи, провинции отчасти тоже, но в них особенности территории и национального характера все-таки более выпуклы. Об этом — в следующей главе.

2. ЗАГАДОЧНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ДУША

Штатовская «глубинка»

— Вы не жалеете, что будете гостить в провинции, а не в Нью-Йорке, — спросили меня члены «Ротари-клуба» (это престижная общественная организация, в которую входят известные и богатые люди, главная задача ротарианцев — «вращать Землю в правильном направлении») из 20-тысячного городка Шорэвью в Миннесоте. Я им ответил, что хочу увидеть настоящую Америку, а не ту, стандартный образ которой известен во всем мире — небоскребы, толчея и пытающиеся вас обмануть на каждом углу афроамериканцы. Моим новым друзьям ответ понравился. У них к Нью-Йорку примерно такое же отношение, как у россиян к Москве. В этой столице мира, пошутили они, можно выдержать только три дня. И добавили, что догадываются: Россия — это тоже не только Красная площадь, водка, икра и мафия.

Что и говорить, стереотипами и мифами друг о друге мы сыты по горло. Тем интереснее увидеть реальную жизнь, почувствовать атмосферу общества, интересы и настроения людей. И хорошо, что настало время, когда россиянин из провинции может сам, без помощи неизменно бодрых и все на свете знающих журналистов-международников, изучать Америку. Такие, как я, раньше в Штаты не могли попасть по определению. Для этого надо было быть сыном карьерного дипломата, мальчиком из хорошей московской семьи с дипломом МГИМО, а не пацаном, выросшим в тюменской глуши. Признаюсь, мне и самому было интересно — смогу ли я, человек из глубинки (дальше, глубже сибирской деревни, в которой автор родился, — только лес), живущий пусть и в «столице Южного Урала», но тем не менее в провинции, увидеть и понять такое, чего не заметит пресыщенный московский джентльмен с замысленным для свежего восприятия взглядом.

Миннесота — край великих озер и сельского хозяйства. Штат занимает второе место в Америке по качеству жизни (после Майями). В нем чистый воздух (и самый резкий гром в стране — во время грозы раздается такой четкий треск), высокий уровень промышленности и все вокруг дышит степенностью и солидностью. Помимо прочего, Миннесота — один из самых либеральных штатов, где выбрали губернатором довольно нетипичного Джесси Вентуру, бывшего борца и скандалиста (об этом «парне» — чуть позже). В американской «Сибири» (север США — на широте нашего Сочи!) много норвежцев и немцев (мне сразу сказали, что сойду за местного). Штат славится выращиванием индеек и зерна. Узнав об этом, сразу же спросил о посевных площадях и валовом сборе (я называю это синдромом кустанайца — разбуди в советское время среди ночи любого жителя «зарубежной» области, спроси об этом — без запинки «доложит» все цифры). Но мне никто не смог назвать таких обобщающих данных, даже старина Стэн Мэйнен, всю жизнь проработавший в сельском хозяйстве.

Район среднего класса

Мои новые американские друзья немного напряглись, когда узнали перевод названия моей газеты — «Челябинский рабочий». Я их постарался успокоить — мол, никаких пролетарских революций наше издание устраивать не собирается, это просто старое доброе наименование, торговая марка. Пожив в тихом райончике, состоящем из чистеньких американских особнячков, я понял, как дорожат эти янки своим миром. Уходя из домов, они не закрывают двери, машины оставляют на улице. При этом обитатели коттеджей отнюдь не местные богатеи, а обычные квалифицированные специалисты в самых разных сферах. У нас, чтобы так жить, надо быть новым русским либо воровать. А в Штатах даже молодая семья имеет возможность поселиться в своем доме — достаточно оформить для аренды дома ссуду на 30 лет.

Члены местного «Ротари-клуба» поселили меня в семью Марк и Сантии Станд. Им по 62 года, Марк — администратор компьютерной сети одной из фирм, Сантия — ассистент в юридическом офисе. Их сын и дочь уже выросли. В бывшей комнате сына висит норвежский флаг. Выясняется, что Сантия — норвежка, а Марк — немец. А сын их —

чемпион США по лыжным гонкам, член сборной. Спорт — увлечение мужчин этого дома, на последних соревнованиях по триатлону Марк стал вторым в штате в своей возрастной группе. Дом Марк строил сам. Он большой даже по американским меркам — 300 квадратных метров, в трех уровнях. Рыночная стоимость — 400 тысяч долларов. Но Марк сумел его как-то удешевить, чтобы уменьшить налог на недвижимость. Все это хозяин мне рассказывает и показывает утром после завтрака (американцы ложатся спать довольно рано, и утро у них тоже начинается рано. Проснувшись в шесть часов и выглянув в окно, я увидел Марка, который подбирал газеты — их бросают в пять утра на площадку возле дома). Мы собираемся пойти искупаться на местное озеро, которое в переводе на русский называется Улитка. Перебросив через плечо полотенца, шагаем по улочке. Соседи на нас глазуют с интересом, Марк с удовольствием им сообщает, что я «рашен». На крыльце одного из домов мужчина чистит кота, больше похожего на козла. Он машет нам рукой, довольный тем, что мы обратили внимания на его младшего друга. Русского, попавшего в такие районы в первый раз, поражает, что между домами нет никаких заборов. Только у одного коттеджа есть невысокое, примерно с полметра, ограждение. Марк поясняет, что у этого человека маленькие дети, и он боится, что они случайно окажутся не там. Трава у всех домов аккуратно подстрижена. Наверное, на тех, кто не стрижет, накладывают штраф, высказываю чисто советское предположение. Марк в ответ улыбается — ничего подобного, не стричь траву просто неприлично, люди вокруг не поймут. Когда выходим на проезжую улицу, сразу замечаю велосипедисток, которые везут в прицепе-колясочке своих детишек. Марк не понимает моего восторга. А мне довольно трудно объяснить мистеру из другой цивилизации, что в России так ездить по городу никто бы не рискнул — на колясочку, не ровен час, наедет какой-нибудь лихой или пьяный соотечественник.

Подходим к пляжу. В ответ на мой вопрос Марк поясняет, что он отнюдь не частный, а муниципальный. Городские власти оборудовали на берегу место для пикников — это асфальтированная крытая площадка со столиками. При входе висит расписание — в какое время люди какого возраста могут ее занять (позднее я увидел, как американцы после пикника быстро убирают в стоящий рядом контейнер бумажки, одноразовую посуду, а золу от сгоревшего

угля сыпают под дерево). Народу на пляже в утренний будний час немного. Рядом с водой в своем национальном облачении стояла индианка (которая из настоящей Индии). Плаваем в строго огороженном месте — за буйки Марк не рвется, хотя он плавает, как дельфин, мощно работает своими накачанными ногами и гребет руками, как веслами. Плыву за ним, как могу. Выйдя из воды, беру на берегу пару камешков — на память.

«Простые» янки и их «пьянки»

У членов «Ротари-клуба» Шорэвью свой круг общения. Раз в неделю они вместе завтракают, постоянно поддерживают контакт, знают друг о друге много личного и очень любят принимать гостей из разных стран. В первый же вечер Марк и Сантья пригласили ротарианцев на барбекю — когда все пришли, на доме вывесили плакат — «Ротари-клуб». Я познакомился со многими гостями. Особенно запомнилась 73-летняя Мэри. У нее живые, какие-то не американские, а скорее русские, с грустинкой, глаза. И большая жажда общения. Мэри — ирландка, как сказал мне один «знаток» наций — они все такие «дикие». Эта женщина (назвать Мэри старушкой язык не повернется — она стройная, ходит в джинсах, и очень подвижная) живет одна. Муж, доктор, ушел от нее 10 лет назад к молодой медсестре. Гордая и обиженная любимым человеком ирландка ходит на вечеринки и говорит незнакомым людям, что ее супруг умер. «Разве так можно, Мэри», — недоумевают ее друзья. «Для меня он умер», — отвечает она.

Кэти работает менеджером по налогам в одной компании. Она похожа на классическую американку — много и заразительно смеется, лихо водит машину. Ее муж Билл — высокий, чуть полноватый и вальяжный — не работает, а сидит дома с детьми, шестилетней Микелой и четырехлетней Бриан. Точнее не сидит, а возит их по всему городку — в бассейн, на игровые площадки. То, что здоровый мужик не работает, а «водится» с детьми, было для меня одним из самых сильных впечатлений от Америки. Согласитесь, мы привыкли к тому, что муж — это добытчик и кормилец. А в этой стране женщина может освободить его от таких обязанностей. При этом Билла его роль нисколько не смущает, он только по-доброму улыбается, пьет пиво и становится еще вальяжнее. Другая судьба у лидера ротарианцев

Шорэвью Эдди Викстром. Ей 50 лет, но на вид дашь максимум 35. Она работает системным программистом, web-мастером в компании, которая печатает чеки и обслуживает банки. О себе говорит неохотно. Не замужем. Поэтому имеет много времени, чтобы быть волонтером многих общественных организаций, городским депутатом. У Эдди три сестры, три брата и шесть племянников. Большинство сестер и братьев живут в Миннесоте, отец тоже в этом штате, а вот мама — во Флориде. На семейные праздники все родственники собираются вместе.

Как я понял, прием гостя в США не рассматривается как обуза, особенно в таких небольших городах. Принимающая семья старается показать гостя родственникам и знакомым. Во многих домах и в квартирах есть комната-спальня для гостей. И если на постели стеганое одеяло, сшитое из небольших лоскутков, то это семейная реликвия. Такие одеяла шьются годами, их дарят членам семьи, а стелют дорогим гостям (у Боба мне положили именно такое одеяло!)

Во многих даже обеспеченных семьях дети-старшеклассники после школы подрабатывают в магазинах, ресторанах, разносят по утрам газеты и т.д. Это не считается зазорным. Дети хотят быть финансово независимыми от родителей.

...Пока Марк колдует на кухне (это тоже одно из открытий в Америке — там практически все домашние, в нашем представлении — чисто женские, обязанности выполняет мужчина), мы едим снеки, фрукты, овощи (маленькие морковочки, капусточки двух сортов макаем в майонез), пьем пиво и вино (все это стоит на журнальном столике, прямо на книгах) и поддерживаем «светский» разговор. Никакого общего стола нет. Каждый располагается там, где ему удобно и с тем, с кем ему интересно. Мое внимание привлекла хозяйская собака, которую повели в другую комнату — чтобы не приставала к гостям.

— Какой породы собака? — спрашиваю у Сантии.

— У нее нет породы.

— Значит — американка!

Все дружно и долго смеются.

Сантии, как я уже написал, 62 года. Моей маме в России столько же. Но их мироощущение и энергетика разные. Матушка, бывшая сельская учительница, уже на пенсии, живет тихо и скромно, радуясь про себя успехам сыновей и переживая их неудачи. А в Сантии чувствуется

какой-то молодой задор. Да, ее дети тоже выросли и разъехались. Но она продолжает жить активно. Изучает языки (сейчас взялась за русский), много путешествует, в том числе — по России. Американских пожилых людей можно встретить в ...казино (в Миннесоте они, кстати, запрещены) и на катке (говорят, одна пара решила объездить все площадки страны). Они жадно и интересно живут, продолжая познавать мир. Мои новые знакомые Стэн и Ирэн Мэйнен, которым уже около 70-ти, на следующий день после нашей вечеринки пошли на лекцию по истории Миннесоты. Америка — молодая страна, люди хотят чувствовать корни, лучше знать свой край и гордиться им. Дома у них очень бережно собрано в альбомах то, что мы называем родословной.

...Примерно через час Марк вносит горячее блюдо — гречневую кашу, приготовленную с грибами и какими-то приправами. «А где же барбекю?» — думаю про себя. Я еще не знаю, что через пару дней отведаю этого «шашлыка по-американски», и он у меня не вызовет никакого энтузиазма. А пока пытаюсь опровергнуть для себя миф о том, что американцы безалаберны в еде и устройстве вечеринок. Но это мне не удается.

Еда без культа

Как я вскоре понял, американцы в нашем понимании еду чаще всего не готовят. «Готовить, — говорят они, — значит, портить продукты». А некоторые этого делать просто не умеют. Часто в гостях застолья нет — все происходит так, как было у Марка с Сантией в первый вечер. Такие приемы «без посадки», где есть только столы с едой и напитками, для янки привычны. Во время одной из встреч в Миннесоте я познакомился с финном Матти Корпиненом, который там живет и работает по контракту в одной из фирм. Он не уставал по-доброму иронизировать над тем, что американцы не умеют готовить и пить кофе. Да, они жарят зерна, но в итоге получается не кофе, а какой-то горький и безвкусный напиток. Слышавшие этот разговор миннесотцы (не уверен, что назвал их правильно) заразительно смеялись.

Культура из еды они не делают — это точно. В самолете внутренних авиалиний вечером давали только орешки и напитки. А Марк утром меня сразу научил самостоятельно ориентироваться на кухне. Но один сажился за стол крайне

редко. Как правило, на кухне была и Сантья. В первый день я ее «напряг» (сейчас понимаю, что не следовало этого делать), отказавшись от кофе и попросив чаю. Этот «тонизирующий, хорошо утоляющий жажду напиток» американцы почти не пьют. А если пьют, то неумело. На следующий день, едва я сел за стол, Сантья сразу налила мне чаю. Пока ел колбаски, он остыл. Объяснить, что чай наливают не сразу, я не стал — сочли бы за неуместный каприз. В каких-то американских семьях все завтракают все вместе, а в других каждый утром следует своему собственному графику и ест то, что сам себе сделает, в удобное для него время. Еды в холодильнике обычно много, так как считается непрактичным бегать в магазин, чтобы купить чего-то в небольшом количестве. Продукты закупаются раз в неделю или даже раз в две недели, в зависимости от размеров семьи и возрастного состава. Утром принято есть различные кукурузные или овсяные хлопья с молоком, яйца, приготовленные разнообразным способом, кашу, булочки с вареньем или с маслом, пить сок или кофе. Ужинать американские семьи предпочитают вместе, но никто не обижается, если кто-то отсутствует по своим причинам. Время ужина жестко не определено, так как некоторые члены семьи могут ходить на занятия или работать вечером.

На вечеринках, которые по очереди устраивали у себя члены «Ротари-клуба», я продолжал постигать необычность американского стола. Обнаружил, например, что янки любят сладкие салаты. Берешь грибы и обнаруживаешь в них... виноград. Фасоль у них сладкая, капуста тоже. Этот «фейерверк» салатов я попробовал на пикнике, который проходил на площадке, описанной чуть выше. Каждый из приглашенных принес с собой свое фирменное блюдо.

...Один из молодых ротарианцев готовился делать барбекю. В России и Казахстане я всегда любил наблюдать (сам по-настоящему хорошо это делать, к сожалению, не умею) за таинством рождения шашлыка. Когда за дело брался мой добрый знакомый Алик, это было сродни колдовству. Очень интересен был сам процесс. Я рассчитывал, что нечто подобное увижу и в Америке. Но нет. Ход приготовления барбекю очень скучен и технологичен. Есть специальный уголь для барбекю. Есть специальная жидкость, с помощью которой этот уголь поджигается (я все пытался выяснить, из чего она сделана, — из бензина, солянки или еще чего. Мой вопрос казался американцам странным. Это жидкость для барбекю, твердили они, чего ж тут непонят-

ного. Им и в голову не могло прийти, что огонь можно разжигать бензином. Расскажи я им, что мой друг Юра Богданюк для скорости и удобства разжигает огонь в мангале паяльной лампой, то, боюсь, они бы этого «юмора» просто не поняли). Мясо, из которого делают блюдо, берут уже заготовленным и замороженным в магазине. Его, такие плоские, размером с котлету, кусочки кладут на решетки, когда уголь уже раскалится. Словом, все продуманно и технологично — смотреть не на что. Поэтому никто и не смотрит. Все общаются. Меня знакомят с человеком, который работал юристом в космической отрасли США. Желая его удивить, рассказываю о последнем достижении нашего Государственного ракетного центра в Миассе — запуске спутника с ракетной установки подводной лодки. Американцы, стоящие вокруг, удивленно цокают языками. Янки не сомневаются, что русские могут сделать так. Да, эти люди по-прежнему боятся силы нашего оружия. А другой мой новый знакомый, занимающийся рекламой в Интернете и любящий пиво, попросил рассказать о Чернобыле и водке (для него это явления одного экзотического порядка). Я ему рассказал сначала об аварии 1957 года на южно-уральском ядерном комбинате «Маяк» (мои новые знакомые, как ни странно, ничего о ней не знали), а потом — о парадоксальности водки (мол, только русские смогли додуматься «портить» нормальный продукт — спирт, смешивая его с водой). Он с интересом выслушал и рассказал, что у него опыт «общения» с водкой плохой — выпил какой-то неудачный коктейль и его прополоскало. Я посоветовал ему не пить коктейлей на водке, а употреблять ее в чистом виде. Моя убедительность, похоже, на него подействовала. Через день мы ездили на машине моего нового друга к фермеру. Когда вернулись, он остановился у супермаркета, купил бутылку водки и предложил выпить. Отказаться было нельзя. И я увидел, что американские парни могут пить не только виски (этакая заокеанская самогонка), но и нашу водку.

Но это было через день, а при знакомстве мы ели безвкусные барбекю (признаюсь честно, в Америке у меня не возникало желания похвалить какое-то блюдо — обычная вещь у нас в гостях. Янки тоже этого не делали — похоже, у них это просто не принято). Пробовали сладкие салаты. Я жевал и думал — вот она, сладкая американская жизнь. Это можно было бы «по-журналистски» обыграть, но вскоре понял более интересную вещь. Эти люди просто не уме-

ют наслаждаться вкусом пищи. Совершенно противоположное отношение к еде у французов, с которыми столкнулся в Женеве. Они обожают вкусно поесть, а потом порассуждать о приготовлении блюда. Для американцев же еда — сугубо утилитарная, рациональная необходимость, как и все вокруг. Обедают они по-разному. Некоторые берут из дома бутерброды или что-то, что можно съесть быстро, или едят в небольших кафе. Никого не удивляет, если человек в хорошую погоду расположится на ланч в городском парке или на газоне. Американцы раскрепощены и делают так, как им хочется. Меня потом уже не шокировало, когда за завтраком Сантья брала вафли с джемом и поджаренные колбаски. Но сначала ела вафли (сладкие), а потом колбаски. Или все сразу, перебивая вкусовые ощущения. «Дикие» люди, по-доброму думал я, они не знают шашлыка, не знают пельменей и — о ужас! — они не ели мантов и бешбармака. У них все технологично. Даже театр, в который я ходил в Миннеаполисе. Мюзикл «Ромео и Джульетта» показался мне каким-то рациональным и не в меру энергичным. Удивило, что цветов актерам после представления не дарили, хотя аплодировали бурно. С другой стороны, янки могут превратить в шоу как раз то, что у нас ритуально и расписано. В субботу мы с Марком и Сантией ходили в католическую церковь (ее недавно построили, внутри очень светло и уютно) и пели песни-молитвы вместе с веселым вокально-инструментальным (почему-то сразу вспомнилось это архаичное советское название) ансамблем, в котором были гитары и электроорган.

Гонка за новыми ощущениями

Американцы безалаберны не только в еде, но и в одежде. Верхние слои общества может и мучает вопрос, где и у кого она куплена, но для большей части населения культура одежды не существует. Одеваются так, как считают удобным. Поэтому на улице можно увидеть человека в цивильном костюме и кроссовках. «Прикид» у людей чаще всего практичный и удобный.

Американцы похожи на русских своими крайностями. У меня сложилось впечатление, что они либо очень (порой просто безобразно!) толстые, либо очень стройные. Среднего варианта, этакой привычной российской упитанности, почти нет. Довольно большое число людей стараются

следить за своим весом и не переедать. Многих беспокоит наличие жиров в потребляемых продуктах. Люди серьезно относятся к своему здоровью и хотят предотвратить развитие, например, сердечно-сосудистых заболеваний (и потому так удивляются «дикости» переселенцев из России). При этом эмоционально эти люди очень подвижны, в некоторых своих проявлениях очень похожи на детей. В один из походов в супермаркет (янки почему-то убеждены, что русский человек в первую очередь рвется побывать в их магазинах и сразу предлагают поехать туда) я купил довольно забавную игрушку — крокодила, который поет голосом Элтона Джона и при этом энергично виляет бедрами (я сейчас этим «зверем» дома забавляю гостей). Кому бы из своих американских знакомых его ни показывал (от миллионеров в Сент-Поле до бомжей — есть там и такие, только «почему-то» прилично одетые), — все выражали бурный восторг и начинали танцевать, задорно подражая крокодилу. Нормальная человеческая реакция. Но чуть позже я понял, что применительно к янки она имеет свой оттенок.

Уловить его мне помогла хорошая знакомая Боба и Карэн (читайте первую главу) студентка университета Миннесоты Лариса, приехавшая из Калининграда и живущая в доме одного местного писателя. После трех лет пребывания в США эта девушка почему-то говорила по-русски с небольшим акцентом. Я спросил, не выпендривается ли она. Нет, ответила, просто так получается, наверное, потому, что молодые люди более восприимчивы к языку (общаясь с Ларисой я понял, что обратно в Россию она не собирается). Тогда задал другой вопрос:

— Мы в России привыкли так: вот поработаю немного — и куплю жене сапоги. А чуть позже — пальто и холодильник справлю. Стимул есть у людей! А какой стимул у американцев, у них же все имеется?

— Стимул очень простой — получить новые ощущения. Поэтому они любят устраивать всяческие аттракционы, игры, путешествия. Твой крокодил для них тоже новое ощущение.

А вскоре я попал на два праздника. Один назывался в переводе на русский «Скотный двор», его устраивают в конце сельскохозяйственного сезона. По этому случаю в Шорэвью съехались фермеры со всей округи. Повсюду продавалось пиво, сувениры местного изготовления (в Нью-Йорке такие не купишь). Здесь же проходила выставка антикварных автомобилей, за вход на которую надо было

заплатить три доллара. Неподалеку — контактный зоопарк. А на сцене — праздник песни, рядом — танцы. Мне запомнился мужик в ковбойской шляпе, который пел песенки в стиле кантри — что-то веселое и монотонное, некий аналог наших частушек. Но самое захватывающее действо — это соревнование нескольких команд в своеобразной эстафете с перетаскиванием ведер воды, телег и т.д. Пикантность этому состязанию придавало то, что болельщики обеих команд забрасывали соперников пакетиками с водой. Они звучно хлопали, окатывая игроков потоками влаги. Все были мокрыми и возбужденными. В одной из команд вместе с золотой молодежью бегала наша знакомая 50-летняя Эдди — лидер «Ротари-клуба» и городской депутат. А через несколько дней я попал на грандиозный праздник по тому же поводу, но он проводился уже в громадном парке Сент-Пола и на него, казалось, съехался весь штат Миннесота. Тут были и крутящиеся качели, высотой с 16-этажный дом. У качавшихся на них смельчаков были микрофоны, их крики ужаса транслировались на всю округу. Но никого не пугали, желающих испытать себя становилось все больше. А неподалеку можно было кинуться вниз головой с огромной вышки, у самой земли людей останавливала пристегнутая к ним резиновая веревка и возвращала на место. Кругом были выставки, концерты, в железнодорожной станции прошлого века даже воспроизводился характерный запах тех лет. В праздничной круговерти легко было потеряться, устать. Американцы как-то лениво и отрешенно получали те самые ощущения. Мне показалось, что для многих из них они далеко не новые. Лица их ничего не выражали (да они просто вырождаются и деградируют от этого изобилия — комментировала позднее одна русская журналистка, когда я ей рассказывал о Штатах).

На одной из сцен выступал эквадорский ансамбль, здесь же продавались его компакт-диски, они уходили влет — в Америке сейчас мода на всяческую экзотику. Я слушал эквадорцев больше часа и в который раз убеждался, что нет ничего лучше современно стилизованной народной музыки. Позднее на улицах Женевы встретил очень похожего музыканта. Он был каким-то одиноким. О музыке мы разговорились с журналистами местной газеты «Пионер-пресс», когда по их инициативе пошли в мексиканский ресторанчик. «Кто здесь бывает», — спрашиваю у ребят. «Рабочие и 20-летние, — отвечают. — Мы, — говорят, — сами тут впервые». Под острую мексиканскую закуску осушили не один бокал

пива. Поговорили и музыке, коллеги удивились, что в России тоже есть рок. И вспомнили — «Горький парк».

«Вы, — говорю я им, — отстали от жизни — один из самых популярных у нас сейчас (пусть простят звезды рока мое невольное вранье) челябинец Юрий Богатенков и группа «Резиновый дедушка». И дарю привезенный с собой компакт-диск (Юра, с тебя причитается за рекламу!). Все собираюсь послать по электронной почте письмо и спросить коллег, какие новые ощущения они получили, слушая автора популярного российского хита «Белая лошадь»».

Закованная раскованность

Я, конечно, слышал, что американские мужчины не смотрят на женщин — боятся закона о сексуальных домогательствах. Но не думал, что это накладывает такой отпечаток на самих представительниц «слабого» (попробуй, употреби это слово в Америке!) пола. В Штатах не раз поражался своим ощущениям. Видел — идет женщина, все у нее, как говорится, в порядке. Но взгляд не задерживается, нет какой-то изюминки, присущей россиянкам. Похоже, борьба за свои права и защита от пресловутого домогательства довели до того, что американские прекрасные дамы теперь не считают нужным даже помнить, что они должны быть привлекательными, играть глазами и т.д. С другой стороны, на телеэкране американки смотрятся очень даже ничего, а диктор, зачитывающая финансовые новости, как мне показалось, в эти минуты как бы отдается зрителям. А в репортажах о какой-нибудь аварии камера может выхватить из толпы красивые женские ножки. Говорят, Америка мечется между будуаром блудницы и кельей монахини. Когда я завел об этом разговор со своими знакомыми, они мне прочитали своего рода лекцию. По их пояснениям выходило, что роль женщин в американском обществе сильно изменилась за последние десятилетия, когда активным было движение за их права. Сейчас все больше американок имеют профессию, работу и трудятся вне дома. Многие заняты в тех областях, где традиционно преобладали мужчины. Американки становятся все наступательнее. Недавно, например, стало известно, что суд обязал правительство США выплатить компенсацию (более 500 миллионов долларов) 1100 гражданкам, обвинявшим Информационное агентство страны в дискриминации при приеме

на работу по половому признаку. Штатовские женщины кажутся самоуверенными. Как оказалось, в США это качество не считается плохим. В этой стране все имеют равные права. В деловых ситуациях как мужчины, так и женщины обмениваются рукопожатиями. Целуются и обнимаются только близко знакомые и друзья в неформальных ситуациях. В рабочей обстановке мужчины не должны говорить женщинам сомнительные комплименты. Американки склонны находить подобные замечания неадекватными ситуации и неприятными. Большинство из них, конечно, оценивает внимание представителей «сильной половины», открывающих перед ними дверь, но такие благородные жесты приобретают разный смысл. Прикосновение к локтю или целование руки расцениваются как слишком интимные проявления. У американцев вообще принято держаться друг от друга на расстоянии 60 сантиметров. Такая дистанция сохраняется между людьми, когда они разговаривают, стоят в очереди или едут в общественном транспорте. Находиться ближе обычно считается допустимым только для хороших знакомых. В толчее праздника в Сент-Поле я по российской привычке хотел протиснуться между двумя людьми в очереди, которая была сильно длинной (все желали попасть на аттракцион). Видя это, женщина сказала «хорошо», отступила на шаг и извинилась перед мистером, то есть мной. В тот момент я почувствовал себя невоспитанным хулиганом. На улицах незнакомые люди порой улыбались и даже приветствовали. Мне объяснили, что они вовсе не пытаются установить контакт. Это просто приятная форма вежливости. Когда в США встречают знакомого, принято обмениваться приветствиями: «Здравствуйте, как дела?» Отвечают очень просто: «Спасибо. А ваши?» Рассказывать о своих делах, естественно, никто не собирается, это такой формально-вежливый вопрос.

Большинство американцев считают себя очень занятыми людьми и отрицательно относятся к ожиданиям. Поэтому, если деловая встреча назначена на девять утра или в приглашении на обед указывается 19 часов, то в это время они и ожидают своего визави. Если кто-то не может прийти или опаздывает, он непременно позвонит и объяснит причины. При деловых встречах янки склонны сразу же говорить о деле, не уделяя много внимания вежливому светскому разговору. Они приходят на беседу хорошо подготовленными для обсуждения конкретных вопросов и ждут того же от других участников заседания. Необходимо

приезжать за несколько минут до начала беседы, имея при себе визитную карточку, а также любые другие брошюры, проспекты и прочие печатные материалы (американцы любят сочинять бумаги и пояснения по любой, порой мало значимой теме). Обмен визитными карточками обычно происходит в конце встречи. Американцы склонны быть открытыми. Эта открытость иногда может казаться довольно резкой. Как правило, янки стремятся прямо выражать свое мнение и охотно отвечают на вопросы на различные темы. Однако не очень любят сугубо личные и острые социальные темы (об этом ниже). Что касается других вопросов, то прямота — желательная черта общения. Американцы считают, что прямой ответ является честным, и поэтому он не может быть невежливым. Они считают также, что уклончивый ответ является признаком неискренности.

Как правило, когда приглашают на совместный ужин или обед в ресторане, предполагается, что вы заплатите за себя. У американцев для такого вида приглашения используется выражение «GOING DUTCH». Однако в некоторых случаях человек, пригласивший на обед в ресторан или на культурное мероприятие, может сам оплатить счет. Все предусмотрено и негласно регламентировано. У нас не всегда принято так «мелочиться».

Зная все это, к концу своего пребывания в Штатах я стал легко вычислять среди людей не американцев и не американок. В отличие от гражданок США наши женщины отличаются своей мягкостью и миловидностью. А в глазах наших мужиков больше мысли и эмоций, а если они улыбаются, то это настоящая улыбка, а не натянутая, сделанная специально для окружающих.

«Мама, я тебя похороню так же хорошо»

Одна из русских эмигранток описала мне случай, достаточно точно характеризующий американцев. После похорон родственника разговаривали по телефону сын и мать. «Мама, — сказал молодой человек, — я тебя похороню с такими же почестями». Та что-то ответила, и разговор продолжился, как ни в чем не бывало. «Ты что!? — изумилась русская жена этого американца, — разве можно говорить матери та-ко-е!?» Муж ей ответил, что ничего обидного или бестактного он не сказал, они обсуждали совершенно нормальную проблему... Русский человек никогда не сможет

стать рациональным в подобных вещах. И потому наша культура переживания воспринимается в рассудочной Америке как нечто недоразвитое. Изучая нас, иностранцы уже вывели характерные черты русских: мощный творческий потенциал; мужество, стремление к победе; стремление к лидерству в мире; небрежность в малых делах и собранность в больших; повышенная возбудимость, необдуманная поспешность в действиях; однобокий способ мышления (если отрицаем, то напрочь); любовь к крайностям и противоречивость; чувство собственного достоинства (не даем себя в обиду даже по мелочи, но порой это перерастает в заносчивость). Мы так своеобразны, в нас столько намешано, что не может победить что-то одно. Русскому человеку порой проще договориться с представителем другой национальности, чем с соплеменником (друг с другом мы можем здорово пить водку и разгильдяйничать). И подчиняться себе подобным мы тоже не любим. Когда нами правят варяги или диктаторы, работаем лучше. А так для нас нет авторитетов. Едва ли не каждый в душе творец и знаток всего и вся. У нас в редакции за последние пару месяцев побывало несколько человек с масштабными, «принципиально новыми» разработками по переустройству общества. Талантливость — радость наша и горе. Талант, как я понимаю, — это плод неразвитости рациональной и развитости эмоциональной. А когда все талантливо и индивидуально, технократическое, рациональное общество, которое россияне так манит своей устроенностью, построить невозможно. Кому наше разнообразие, переходящее в веселую, порой нарочитую и вызывающую расхлябанность, не нравится, кто уже сыт всем этим по горло и хочет жить спокойно и сытно, тот, если получается, сигает за рубеж, где на один квадратный километр нет столько талантливых переустроителей жизни, зато вовремя вывозится мусор и никогда не отключают свет и воду... Россия и россияне сейчас проходят своего рода тест на возможность быть цивилизованными. В этой связи некоторые склонны рассуждать в том духе, что русские — такие же, как американцы, только вот социальные условия им всегда мешали. Таких мыслителей хочется спросить: а кто создает эти социальные условия? Господь Бог, что ли? Нет, Господь (или кто там есть на самом деле?) только сотворил людей с их неповторимыми чертами, а природа и условия жизни их развивают или выхолащивают. Поэтому мы — такие, какие есть, а янки — другие, генетически другие. Это переселенцы. С одной стороны, за ними история стран, откуда они вышли.

С другой — склонность к переменам, которая, как мне показалось, у многих потомков мигрантов со Старого света сейчас несколько притупилась. Похоже, долгая и спокойная (я бы сказал — растительная) жизнь способна повлечь изменения и на генетическом уровне. Без борьбы за существование нация может расслабиться, потерять некий иммунитет и потихоньку начать деградировать. И наоборот, многие наши эмигранты, попав в новые условия, где им необходимо бороться за выживание, хорошо вписывались и вписываются в западную среду. Известно, что они имеют самое непосредственное отношение к американскому самолетостроению, компьютерным технологиям и даже к киноиндустрии Голливуда. В западной социально-экономической среде мы работать умеем. В состоянии ли мы создать нечто рациональное и действенное у себя? Верно ли, что теперь, после президентских выборов, в России нет никаких препятствий для того, чтобы сделать ее страной с полноценной демократией и рыночной экономикой? Не являемся ли мы сами главным препятствием на этом пути, сможем ли со своей самобытностью вписаться в рамки экономического, социального и политического здравого смысла? Попробуем ответить на эти вопросы в следующих главах.

3. «КОММУНИЗМ», В КОТОРОМ НЕ ХОЧЕТСЯ ДУМАТЬ

«А у тебя ванна протекает...»

Когда я жил у Боба, он разрешил вечером, когда льготный тариф, позвонить в Россию. При этом как-то понимающе-небрежно и одновременно по-доброму пошутил:

— Ну вот, позвонишь домой, скажешь жене «люблю», а она тебе сообщит, что ванна протекает или воды нет.

Боб как в воду глядел — во время разговора (связь с Америкой великолепная — мои друзья из других городов не верили, что я звоню из-за океана) Софья ничего не сказала, а когда я уже вернулся, сообщила, что в тот день действительно вызывала сантехника и нервничала.

Понимаю, что все технократические штучки, создающие в Америке невероятно приятную и комфортную среду, описаны до меня. И все же не удержусь и выражу свое восхищение тем, как маленькие бытовые хитрости позво-

ляют человеку чувствовать себя достойно в любой ситуации. В Сент-Поле, например, есть переходы между домами. Зимой и летом можно ходить в костюме (есть отопление и, естественно, кондиционирование). В США, в отличие от России, сильно развита пищевая индустрия. Многие продукты продаются в магазинах в уже в готовом к употреблению виде. Иногда их надо только подогреть в духовке или микроволновке.

В стране не распространено центральное отопление. Чаще всего в доме или квартире своя автономная система нагрева воды, отопления и кондиционирования, которую можно отрегулировать в зависимости от индивидуальных особенностей хозяев. Но тут есть и минусы: накопительный бак горячей воды обычно не более 200 литров, что не позволяет использовать душ или ванную в течение длительного времени подряд несколькими членами семьи — нагреватель воды электрический или газовый, для нагрева всего объема воды требуется время. Климат на большей части США летом жаркий, и люди привыкли принимать душ каждый день. Мне особенно запомнилась вода в Шоррэвю — когда умывался, мыло долго не смывалось. Так бывает, когда вода очень чистая, а она у Марка с Сантией артезианская.

Одежду из-за жары американцы также постоянно меняют, из-за чего и стирает семья довольно часто. Во всех домах есть стиральные машины и сушилки. Типичный штатовский дом насыщен бытовой техникой, в нем есть: стиральная машина, сушка, холодильник, телевизоры, видеоманитофоны, магнитофоны, микроволновки, машина для выпечки хлеба, тостеры и т.д. У некоторых моих новых друзей из Шоррэвю все это куплено довольно давно, поэтому порой отличается размером от тех бытовых машин новых модификаций, которые начали продаваться в России в последние годы. О компьютерах и говорить не стоит. Они есть в каждом доме. Как рассказал при нашей встрече главный редактор газеты штата «Пионер-пресс», по Интернету он делает все покупки, ищет квартиру для съема перед поездкой в Вашингтон. А затем сделал прогноз, что примерно лет через 30 его газета в печатном виде прекратит свое существование, а останется только в Интернете. Чуть позже в Капитолии штата рассказали, что решается проблема бесплатного доступа в Интернет жителей небольших городков. С мировой паутиной, кстати, уже связано много курьезов. В полиции Шоррэвю мне рассказали такой слу-

чай. Женщина отмечала с друзьями день рождения и потеряла сознание (говоря по-нашему — напилась). Друзья уехали и взяли ее ребенка на дачу. Когда мамаша очнулась, подумала, что сына похитили. И сразу сообщила об этом в Интернете. После того случая прошло два года, но до сих пор в полицию звонят из разных стран (даже из Австралии) и справляются о ребенке.

Америка вся на колесах. Если в большом городе еще можно передвигаться без машины, то в провинции без автомобиля нельзя. Нужно ездить на работу, отвозить детей в детский сад или в школу, покупать продукты и т.д. Дети после 16 лет стараются как можно быстрее получить водительские права, так как машина дает свободу передвижения и свободу от родителей. Если денег хватает, можно купить новую престижную машину, а если нет, то поддержанную. Одно из визуальных впечатлений о США: в этой стране автомобили ездят гораздо быстрее (в Миннесоте они заправляются газом), и скорость не ощущается (самолеты, кстати говоря, тоже взлетают быстрее и круче, чем наши). Поэтому для жителей Шорэвью не составляет проблем махнуть на автомобиле за 20 километров в Миннеаполис. Когда под проливным дождем мчались на джипе Кэти в этот город, я вспомнил деревню Болдырево, в которой вырос и закончил восемь классов. Она тоже в 20 километрах от райцентра, но когда льет дождь, до нее и сейчас не добраться — в конце XX века в этом тюменском захолустье нет асфальта...

Бабушки на колесиках

Новый в Америке человек замечает их сразу же. У нас такие древние старушки практически безвылазно сидят дома, а в США они активно передвигаются и путешествуют. Уже в нью-йоркском аэропорту Кеннеди я обратил внимания на пожилых бабулек, которые деловито ездят на таких микроавтомобильчиках на электротяге. При этом лица их спокойны и уверенны. В супермаркетах сплошь и рядом видишь инвалидов, передвигающихся на таких же тележках. А проходящие в магазин маленькие дети с радостью восседают на специальном месте, которое есть у тележек, в которые их мамы кладут покупки. Я в первый же день обратил внимание, что молоко, например, продается в Америке в пластмассовых канистрочках, которые после употребления сдаются, как наши бутылки. Наливая моло-

ко (у канистрочки очень удобная ручка), все время вспоминал, что в России очень гордятся новой бумажной упаковкой молочных продуктов, которая сначала попадает в наши странные вонючие (особенно летом) мусоропроводы, а потом валяется на свалке...

Замечу, что американцы очень гордятся своими супермаркетами и любят их показывать иностранцам. Именно эта гордость и побудила Кэти уже вечером, в грозу вести нас в огромный магазин (а говоря по-русски — в культурно-досуговый комплекс) в Миннеаполисе. На входе нам выдали карту этого супермаркета, без нее в таком огромном сооружении очень легко потеряться. Люди сюда приходят на целый день. Для детей масса аттракционов, особенно впечатляет гигантский зал, в котором кишат динозавры и прочие доисторические твари. В моле (так называется эта система организации досуга) можно посетить китайское кафе, проявить пленку и т.д. В обычных маркетах, помимо продуктов, продается много товаров, включая чистящие средства, бумажную продукцию, предметы туалета и медикаменты, не требующие предписания врача. Это наиболее дешевые места для покупки бакалейных товаров, в них продаются все виды продуктов, включая мясо, фрукты и овощи, молочные продукты, а также консервы, полуфабрикаты и замороженные продукты. Находящиеся по соседству бакалейно-гастрономические магазины также удобны для покупки продуктов, но в них не предлагается столь широкий выбор, как в супермаркете, и цены выше. Продукты можно покупать также в небольших специализированных магазинах, в которых есть выпечка, продукты для гурманов и для национальной кухни. В одном из супермаркетов, в который едут за покупками со всей округи, я познакомился с менеджером Джимом. Он не без гордости сообщил, что у него овощи дешевле, чем на фермерском рынке. Поэтому все раскупается быстро, очень большой денежный оборот. Сходил я и на фермерский рынок. Там почему-то запоминается огромных размеров лук, а также то, что американцы не торгуются, как это принято у нас.

Ферма без... навоза

На другой день после посещения фермерского рынка мы поехали к фермеру Джону. Он рассказал, что на этой земле жили и хозяйствовали его дед и прадед. Они ничем

особенным не отличались от других «сельских тружеников» штата. А вот их потомок, как я понял, стал для своих коллег почти что инопланетянином. В округе только мелкие фермы, голов по 30. А у Джона уже сейчас 1500 коров, скоро будет 2000. Такой грандиозный проект он реализует на пару со своим компаньоном. Когда хозяйство заработает в полную мощь, Джон и напарник станут самыми главными производителями молока в штате. Пока фермер гордо показывал свой коровник, я не мог сдержать улыбки. Парадокс, но «передовой опыт» по-американски очень напоминал наши советские фермы. Но вскоре мой скепсис улетучился — в самом проекте помещения для скота было предусмотрено столько, на первый взгляд, простых, но очень рациональных и полезных вещей, до которых в России почему-то не додумались. Именно не додумались, так как ряд ухищрений Джона (а проект коровника он придумывал сам) не требует никаких особых затрат. Я не буду утомлять читателей техническими подробностями, скажу только, что в помещении превосходная естественная вентиляция и система смыва и удаления навоза. Поэтому легкие коров чистые, это повышает качество молока. Окна закрываются во всем корпусе одним движением руки, их также легко открыть. Коровы не пасутся — значит, нет опасности, что съедят что-нибудь не то и испортят желудок. А Джон их потчует кормом, похожим на опилки, — в этом коровьем салате 14 компонентов (кормов у Джона припасено на 18 месяцев, их ему продает другой фермер — у каждого своя специализация). У американских буренок обрезаны рога — чтобы не поранили друг друга. Обрезаны у них и хвосты. «Как же они мух-то отгоняют, бедные», — спрашиваю Джона. Он улыбается: «Мух у нас нет, так как кругом все чисто».

При нас началась дойка. Доярочкой оказалась 17-летняя школьница, подрабатывающая на каникулах (она получает семь долларов в час). Спину девушка не гнула, пол, на котором она стоит, отрегулирован так, что вымя коровы у нее прямо перед руками — только цепляй к нему доилку. Компьютер фиксирует, сколько дает молока каждая буренка. Если надои падают, выясняют, почему, корректируют рацион. Средний надой на ферме — 12,5 тысячи килограмма в год. По сравнению с Россией, это просто умопомрачительно (у нас три тысячи — это уже суперрезультат). А некоторые коровы Джона дают — я до сих пор не верю — 23 тысячи килограммов в год. Через 40 секунд после дойки

молоко охлаждается (оно не соприкасается с воздухом, значит, в него не проникают бактерии) и попадает в контейнер-термос на колесах. Он заполняется за 10 часов, тут же приезжает машина и увозит молоко на завод.

Но сильнее всего меня, с детства видевшего российские скотопомещения и г... рядом с ними, поразило то, что на ферме Джона этого самого навоза нет вообще. Коровьи «лепешки» сразу же смывают и перекачивают по трубам в яму, в которой лежит гигантский мешок из специальной четырехмиллиметровой пленки. Вонючая жижа упакована в нем так плотно, что не чувствуешь даже запаха. Она откачивается на поля фермера, выращивающего корма. А получаемый таким образом метан выходит по трубочке и тут же сгорает. Газ можно использовать для подогрева, но в этом нет необходимости. Джон с Аленой (она русская — читайте первую главу) хорошо нас угостили. Этот разговорчивый и веселый американец буквально излучал энергию и чем-то неуловимым был похож на русского. Скорее всего — своей рисковостью. Мы пожелали ему успехов.

Улыбки на пороге смерти

Хоспис в Сент-Поле в начале века основал Доминиканский орден монахинь. В России мне приходилось видеть, как умирают раковые больные. Всегда уходил из онкологии с очень тяжелым чувством. Направившись в американский хоспис, настраивал себя увидеть что-то тяжелое и безысходное. Перед тем, как пойти по комнатам, спросил монахинь, какой тон они выбирают для общения с пациентами. Ответ был удивительным:

— Главное требование к тем, кто здесь работает, — иметь сострадание и... чувство юмора.

Походив по хоспису, поговорив с людьми, я понял, что пропасть между нами отнюдь не технологическая, а человеческая, гуманитарная. Русский человек не поверит, но американцы живут в хосписе (проще говоря — готовятся к смерти!) с улыбкой на устах. И умирают тоже с ней. Уход из этого мира не сопряжен с безнадеей, выматыванием души. Общаясь с этими благородными старичками и старушками, я забывал, где нахожусь и кто они. Один сухошавый мужичок, очень похожий на моего родного дядьку Витю, покурил трубку и, узнав, из какой страны к нему пожаловали, пошутил — мол, россияне продали нам Аляску, а

теперь говорят, что продешевили. Я еще раз убедился, что главное в жизни — это настрой, твое отношение к происходящему. Мы, русские, и праздник порой способны превратить в наказание. А тут... Совсем больного дедушку, который уже не может сам двигаться, везут в ванную купаться, а он радостно улыбается. Монахини помогают этим людям понять, что смерть еще не конец, скоро они перейдут в другой мир. А в палатах стоят телевизоры и те, кто не может ходить, по ним смотрят службу в лютеранском храме при хосписе. Попадают в хоспис люди самого разного уровня, богатство здесь не играет никакой роли — милосердие не покупается. А затем я попал в дом престарелых. И, как это ни странно, именно в нем явственнее всего ощутил специфический американский запах чистоты — здесь, как и везде, стены, пол и потолки каждый день моют специальным раствором.

В этот чистый дом принимают с 55-ти, средний возраст живущих — 85 лет. Тенденция последних лет — увеличение числа желающих поселиться в этом последнем приюте — Америка стареет.

Основали богоугодное заведение в 1906 году 11 норвежских женщин. В нем тоже есть своя церковь, в которой служит лютеранский священник. Есть и свой магазин. Медсестрами работают волонтеры. Они в любое время суток прибегают по требованию пожилых людей, которых в доме 250 (женщин заметно больше — мужчины умирают в среднем на восемь лет раньше). В коридоре первого отделения есть доска объявлений, на которой сообщаются не дни рождения, а дни памяти. Старички умирают постоянно. Бывает, не успели принять, а человек уже отдал Богу душу. Однако самому старому постояльцу аж 109 лет. Кроме первого, бесплатного, отделения есть еще два. Второе — частично (25 процентов) платное, в него есть очередь. А в третье отделение — для богатых, которые полностью оплачивают свое пребывание в доме престарелых, в нем есть даже отдельные квартиры, владельцами которых являются сами бабушки и дедушки (одна из них показала нам свою уютную двухкомнатную обитель). Интересно, что меню для всех отделений одинаковое. Как мне намекнули, те, кто платит за себя сам, в душе презирают тех, кто живет в доме престарелых бесплатно и порой, завещая деньги детям, просит их у государства. Но за этим строго следят. Такая философия общества — платить за все самому (у нас она другая — как можно больше выпросить у государства).

Поэтому просто исключены ситуации, когда состоятельный человек попадает в бесплатное отделение. Чисто русский вопрос об этом американцы поняли не сразу.

«Русские вопросы» о стариках

Я задал еще два русских вопроса. Спросил, образовались ли здесь какие-то новые семьи. «Нет», — ответили мне немного недоуменно. Видимо, и впрямь у нас к браку более эмоциональное отношение, сохраняющееся и в пожилом возрасте. А если рационально, по-американски, то действительно, нет особого смысла жениться или выходить замуж в пожилом возрасте, в доме престарелых. Это просто не очень разумно — зачем создавать своим детям проблемы с собственностью. Затем, памятуя о том, как у нас в России эмоционально, болезненно относятся к тому, что пожилые родители, имеющие детей, попадают в дом престарелых, я спросил у одной старушки, есть ли такая нравственная проблема у американцев. Она ответила просто: детям же надо работать, а про нее сын не забывает, регулярно навещает. Никто себя и близких не терзает: врач сказал, что надо в дом престарелых, — значит, надо, там квалифицированный уход. Если есть время и деньги организовать такой уход дома, — пожалуйста. Дети иногда каждый день приезжают. Иногда вообще не приезжают. И это тоже считается нормальным. В этот момент я вспомнил Боба и Карэн, которые, как вы помните, родили в 40 лет. Вы можете себе представить, но люди, которые всю жизнь ждали детей, отдали их в трехмесячном возрасте в ясли: у них была боязнь что-то сделать со своими долгожданными детьми не так, а в яслях, они были уверены, с их чадами будет обходиться уместно, профессионально. Вот это «профессионально» применительно к хрупким человеческим отношениям мне поначалу очень резало уши. А потом я для себя сделал вывод: чем менее развито общество, чем хуже в нем все устроено, тем больше возникает нравственных проблем. В технократическом же обществе все отрегулировано и решено до тебя. Бывает, что сами американские бабульки ездят из дома престарелых к детям. Побудут там, а потом говорят: «Я домой поехала». Тут у них дом, тут их поят и кормят...

Я смотрел на американских старичков, а перед глазами стояла бабулька, которую я навещал за несколько месяцев

до поездки в Америку. В квартире стоял удушающий запах немытого тела и мочи. Родной сын снова забыл прийти к матери, он словно ждал ее кончины и освобождения квартиры. И дождался — старушка умерла, когда я приехал из США... Однако ее сын просто ангел по сравнению с теми, о ком недавно сообщила прокуратура Челябинской области. Дошло до того, что дети помещали своих престарелых родителей в психиатрические учреждения на частично оплачиваемый уход. Причем согласия от бабушек и дедушек не потребовалось, достаточно было волеизъявления их родственников. Это, констатирует прокуратура, не соответствует ни закону, ни нормам нравственности, поскольку надлежащий уход в силу объективных причин эти учреждения из-за отсутствия элементарных условий обеспечить не в состоянии. Коммерциализация медицины, уродливое подражание Западу уводит нас от наших ценностей, но не приводит к новым. Мы снова все извращаем...

Это кто там без страховки идет?

В Миннесоте утверждают, что в их штате — одно из лучших здравоохранений в мире. Это видно даже зримо — в Сент-Поле здания всевозможных поликлиник и больниц гордо возвышаются над большинством невысоких домов. Я побывал в региональном госпитале. Раньше он был собственностью правительства. 15 лет назад стал частным, но по-прежнему продолжает обслуживать людей самого скромного достатка со всей округи. За многих страховку платит государство, поэтому госпиталю выгодно лечить больных качественно. В Америке лечение становится все дороже. Общество возмущается, реагируя на это, власти пытаются разработать меры по улучшению системы здравоохранения. Причем пытаются это безуспешно сделать еще со времен президента Трумэна. Билл Клинтон попросил, чтобы работу «курировала» его жена Хилари, четыре года назад это был один из предвыборных лозунгов. Но предложения правительства не прошли через Конгресс. Несмотря на это, часть программы реализуется. Двигают новую систему бизнесмены от медицины, приветствующие ограничение цен — чем дешевле страховка, тем больше пациентов вовлекается в программу (большую группу людей в одном месте лечить выгодно). Больным на выбор предлагают различные страховые планы — от дорогих до

дешевых, причем между ними очень большая разница (страховка средней семьи в год стоит около пяти тысяч долларов). При этом не обходится без проблем: врачи обижаются: «Что это вы нам будете указывать, как лечить».

Многие американцы (20 процентов) не имеют страховки — рабочие люди, не получившие образование (у индейцев в резервациях свои госпитали). Есть специальная правительственная программа для незастрахованных, детей, матерей-одиночек и безработных. Но под нее подпадают не все. Ну а если у пациентов с бумагами все в порядке, то они оказываются в белоснежном раю. Когда мы пошли осматривать госпиталь, на меня не надели никакого халата. Спросил, почему. Ответили, что это никому не нужный формализм. В родильном отделении запомнилась мама, у которой в тот день были обезболивающие роды. Она только что освободилась от бремени и уже успела навести макияж. В 60-е годы в Америке было модно рожать с помощью кесарева сечения (Жаклин Кеннеди делала это семь раз!). Сейчас доктора вставляют в позвоночник какую-то иголку (извиняюсь за непрофессиональное объяснение) и женщина внизу не чувствует боли. Но самое модное теперь в США — естественное рождение ребенка, мать должна чувствовать боль.

Запомнилось и детское отделение. Его спланировали и построили по-особому. У ребят спросили, каким должно быть их помещение. Чтобы небо было видно, ответили они. Так и сделали. В огромном холле теперь макет неба, оно меняется в зависимости от времени суток (кстати, когда я спал в бывшей детской комнате у Марка и Сантии, на меня смотрели с потолка симпатичные, не очень яркие и потому не назойливые звездочки). Есть в отделении живая трава и ручеек. А двери игральные комнат обязательно прозрачные — чтобы, не мешая детям, видеть их. В наших больницах такого нет. Мне захотелось стать американским ребенком и заболеть. Тем более что серьезно пострадавших, травмированных детишек в отделении очень мало. Почти исключены поверхностные ожоги — четко работает система оповещения дыма в домах. Доктора вспомнили, что последняя катастрофа произошла пять лет назад — тогда 12 человек пострадали из-за взрыва газа. В случае таких и прочих ЧП в госпиталь звонит служба 911 и ее мгновенно соединяют с врачом по профилю (где бы он ни находился), который сразу начинает давать квалифицированные советы.

Американский «коммунизм»

Социальная защита всегда была гордостью наших вождей. Но то, что делается в Америке, превзошло все мои ожидания. В этой стране активно поддерживают граждан с малым достатком и тех, кто не может заработать. Программу составляет федеральное правительство, в ней расписано, кто и какую помощь получит. Она «опускается» на уровень штата и сразу же начинается финансирование. Непосредственное исполнение ложится на округа (это такие промежуточные административные звенья между руководством штата и городами, в штате несколько округов, у каждого свое название, я побывал в округе Рамзей, в который входит Шорэвью и сам Сент-Пол). Руководитель округа Тонни Беннет, бывший полицейский, который очень гордится тем, что в свое время его на этот пост назначил президент Джордж Буш, пояснил, что ту или иную помощь от государства получают от 15 до 20 процентов населения (говорят, один предприимчивый русский эмигрант умудрился получать сразу семь социальных пособий. В отношении к ним — водораздел между республиканцами и демократами. Первые выступают против того, чтобы бесконтрольно, по их мнению, раздавать государственные деньги). Есть службы найма и профессиональной переподготовки, она выплачивает пособия лицам, временно не имеющим работы. Оказывается помощь нуждающимся семьям, особенно имеющим детей школьного возраста. Не забыты и одинокие матери. В стране даже наметилась тенденция, когда некоторые женщины стараются нарожать побольше детей, чтобы им помогало государство. Но тут есть одна существенная оговорка — деньги выплачиваются только тем, кто хоть что-то делает, такое положение введено недавно, с 1996 года. Пособие для матерей-одиночек немалое — 450 долларов в месяц (для понимания — плата за однокомнатное жилье — 400 долларов в месяц). Если в семье есть дети, то сумма налогов, которые она платит, уменьшается на 1000 долларов в год (помните наш отмененный налог на бездетность?).

Людям с низким достатком государство дает сертификаты, которыми они могут рассчитаться с владельцами (в США тоже есть эрзац-деньги!) четырех домов, построенных на средства округа. В них живут 10 тысяч человек. Половина бюджета округа тратится на социальные нужды, это 200 миллионов долларов. Они направляются на финан-

сирование: домов престарелых, домов для инвалидов (один американец, путешествовавший по России, недоумевал, почему не видел их на наших улицах), реабилитационных центров для наркоманов и пьяниц (их туда помещают через общество анонимных алкоголиков и суд) и другие цели. Социальная служба создана в 30-е годы, когда в Америке была депрессия, породившая много проблем. Нужна эта структура и сейчас, когда экономика достигает невиданных темпов роста. На пенсию в США выходят в 65 лет. Находясь на ней, пожилые люди получают либо фиксированную сумму (ее размер заранее оговаривается с работодателем и определяется, исходя из средней зарплаты и трудового стажа), либо индивидуальную (для этого подписывается специальный пенсионный контракт, в котором оговаривается ежегодное отчисление какой-то доли заработка — чаще всего 15 процентов— на банковский счет, доступ к нему открывается только после ухода в отставку). Госслужащим и военным выплачивают пенсии из правительственных фондов. Ветераны войны получают еще и персональные пособия. Не могу не подчеркнуть, что все эти «социальные завоевания» — плоды демократии и рыночных отношений. Чтобы было понятней, приведу несколько цифр. Аренда машины стоит в Америке около 19 долларов в день (у нас этой очень удобной услуги, наверное, не будет никогда — русский человек, не успев отъехать за угол, тут же заменит в машине детали), проезд в автобусе в больших городах стоит от одного до полутора долларов, в полторы тысячи обходится аренда квартиры в Нью-Йорке (в других городах, естественно, меньше), где-то 600 долларов в месяц уходит на питание. Кому это по силам? Судите сами: средняя пенсия в Штатах — 70 тысяч долларов в год, 40 тысяч — годовая зарплата «простого» педагога, 50 тысяч получает репортер газеты штата.

«Приезжайте, я побил свою жену!»

Оказывается, в Америке есть многоженство. Нет, не везде, оно преследуется во всех штатах, кроме Юты, где живут мормоны. В стране есть и алименты. Но если у нас из-за инфляции и разных ухищрений их выплата почти превратилась в формальность, то в Штатах это реальные деньги, от перечисления которых скрывается половина отцов. Для их поиска есть специальные бригады, которые

финансирует государство. Они пользуются общенациональной базой данных на недобросовестных отцов. Стоит тем где-то официально «засветиться» (получить права, например), как их сразу хватают. За уклонение от уплаты алиментов можно запросто сесть в тюрьму. Но больше всего меня поразила так называемая общественная инициатива «Семьи, свободные от насилия». О том, что насилие в семье очень российская проблема, говорить не стоит — в деревне я насмотрелся, как бабы убегают от мужиков. И в городах такие «разборки» считаются семейными делами, в которые общественность и государство практически не вмешиваются. Соседи слышат крики и молчат. В милиции, куда обращается несчастная женщина, как правило, советуют написать заявление участковому, который затем все тихо «урегулирует». В итоге, по данным специалистов, в нашей стране терпят супружеские побои (бьет — значит, любит) около четырех миллионов женщин. А в Миннесоте, части свободной Америки, где так ценится личная свобода, государственные органы активно вторгаются в семейные отношения, если там происходит насилие. Но прежде специальная служба активно ведет профилактику через школы, места работы, религиозные объединения, структуры здравоохранения и средства массовой информации.

Есть специальный телефон, по которому мужчина может позвонить и сказать, что он уже побил или хочет побить свою жену. И — удивительное дело! — американские мужики звонят! В службе округа (в нем 450 тысяч жителей) фиксируют около 500 телефонных звонков в год. В домах у янки на холодильниках висят специальные послания (такая карточка на магните, мне ее подарили, я привез и тоже нацепил на кухне), которые распространяют бесплатно. Они предупреждают, что распускать руки нехорошо. Одна американка рассказала: хотела, мол, поколотить ребенка, посмотрела на этот магнитик, и руки опустились. Родители могут бить ребенка, не оставляя синяков. Если на них пожалуются соседи, на дом распускающих руки родителей приклеивают специальную бумажку.

Эта инициатива имеет очень широкую поддержку. На работе, в фирмах и организациях, есть команда из добровольцев — женщина из примирительной комиссии и мужчина. Раз в год служба против насилия проводит сессии, на которые приходят и руководители фирм, они обязаны это делать, так как политика округа по отношению к этой инициативе очень уважительная. Неужели, спросил я, соци-

альные институты, традиционно регулирующие человеческие отношения (церковь, школа и т.д.) уже не в силах что-либо сделать. Мне ответили, что все они действовали каждый по себе, а теперь их усилия объединены. Работа, как я понял, строится с учетом того, что по своей социальной природе американцы подвержены массовому влиянию в виде рекламных призывов и т.д. Русскому же человеку сколько о чем-нибудь не говори и не внушай — результат известен. И все-таки я убежден: причина агрессивности гораздо глубже. Быть может, она является следствием того, что янки всегда на людях демонстрируют отсутствие проблем и хорошее настроение. Жаловаться, находить в ком-то отдушину в этой стране не принято. Хотя считается, что у каждого американца должен быть свой психоаналитик. Однако, как показывает практика, чтобы заниматься психоанализом, недостаточно получить специальное образование, требуется своеобразный талант и огромный опыт. А раз этого нет, то у оставшегося наедине со своими проблемами и комплексами человека в какой-то момент происходит сброс негативных эмоций. И порой они совершенно, на первый взгляд, немотивированно выплескиваются в форме семейного насилия.

Если психоанализ пока неэффективен в Америке, то что тогда говорить о странах с общинным укладом, к которым можно отнести Россию. В начале 90-х годов принят Указ Президента РФ о психоанализе, но он на нашей почве не приживается — свои душевные переживания мы продолжаем лечить с помощью сорокаградусной. Отсюда и природа нашего семейного насилия...

Стандартные улыбки счастья

В домах, в которых я побывал, сразу привлекали внимание пренебреженные детские фотографии на стенах. Глядя на них, я вдруг понял, что дети совершенно разных людей удивительно похожи друг на друга выражением лиц. Наверное, это и есть тот самый стандартный лик стандартного американского счастья. В школу и из школы детей Шорэвью возят тоже на стандартных (желтых) автобусах частной фирмы, которая очень дорожит своей «вечной» рыночной нишей. Все машины останавливаются и пропускают эти автобусы. Глядя на них, я вспомнил, как еще недавно у нас считалось почти открытием, достижением про-

грессивного ума то, что один сельский руководитель вдруг понял, что в интернатах дети из небольших деревень отвыкают от нормальных повседневных забот и выделил специальный автобус, который стал ежедневно доставлять ребятшек из окрестных сел в среднюю школу.

В американских школах культивируется индивидуализм, понимание того, что учеба — это его дело. Но дети есть дети, и они порой могут не выполнить задание. Их за это не ...ругают. Все понимают: тому, кто не хочет учиться, в жизни будет сложнее. В нашей глубинке стимулом к учебе в основном является желание вырваться в более крупный город, «выбиться в люди». У них никуда выбиваться не надо — условия, стандарты жизни практически одинаковы в любом месте. Стимул, как я понял, у них практический — наработать максимальное количество знаний и навыков для будущей жизни. В этом, видимо, и есть принципиальное отличие наших подходов к образованию. В России школяров наполняют информацией, им приходится много запоминать. В Америке же чаще моделируют жизненные ситуации, при разрешении которых дети активнее впитывают полезную информацию, получая системное представление о мире.

Дети в американских семьях обычно долго с родителями не живут. Уже со старших классов школы они часто учатся в другом городе. Студенты колледжей и университетов тоже стараются не задерживаться родительском доме, они хотят быть самостоятельными. В стране порядка 3000 высших учебных заведений различного типа, они разбросаны по всей Америке. Поступить в них очень просто: сдал документы — и ты принят, не забывай только платить. Еще один принципиальный момент: нет единого обязательного курса лекций, каждый выбирает то, что хочет, а затем в дипломе будет записано, какой курс лекций прослушал тот или иной выпускник. Студенты часто меняют предметы, ищут то, что им по душе. Но когда найдут, — идут очень глубоко. Могут, например, подробнейшим образом отслеживать ситуацию в какой-нибудь сибирской губернии России, знать, кто там был губернатором несколько лет назад и т.д. Студенты в массовом порядке подрабатывают — надо платить за учебу, питание и жилье. Тем, кто хорошо успевает, учебные заведения могут сделать скидку. У нас подход жестче — никаких скидок, ты либо бюджетник, либо платишь на полную катушку. Платят зачастую как раз малоимущие, а не богатые, как задумывалось... Вечерних отде-

лений в американских вузах нет, однако график учебы гибкий, и занятия могут проводиться не только в дневное, но и в вечернее время. Особенно это характерно для старших курсов и аспирантуры, ибо дает возможность днем где-нибудь работать.

Естественно, вузы котируются по-разному. В США есть своего рода содружество университетов, увитых плющом (он растет долго — значит, это солидное учебное заведение со своими традициями). Проще всего устроиться на работу выпускникам Гарварда и Пенсильвании. Для этого достаточно подать свое резюме. Меня такой формальный подход слегка озадачил — а что если у блестящего денди с престижным дипломом несносный характер или он просто лентяй.

Больше всего родители боятся, что их дети отстанут от развития технологии. Мы разговорились об этом на одной из вечеринок. Я задал своим заокеанским друзьям свой очередной «русский» вопрос. Рассуждал примерно так: юные американцы очень зависимы от технологии, не будут они их знать — и карьера пропала. Видят ли родители реализацию потенциала своих детей вне технологий? Если нет, то как быть с одним из краеугольных принципов американской демократии — свободой выбора? Сидевший рядом эмигрант из России Дима только ухмыльнулся и на русском языке пояснил: «Они на такой вопрос не ответят. Они это не рефлектируют». Философия общества и та самая свобода выбора очень просты — выбирай из того, что есть. Как писал Айзек Азимов, человек сам футбол не придумает... Это очень принципиальный вопрос. Если выбираешь из имеющегося, — ты в обществе. Не хочешь этого делать — ты вне социума. Но жить отдельно нельзя. Это трагедия. Впрочем, американцы этого и не хотят. Они изначально смирились с обстоятельствами. А мы вечно что-то открываем. Вечно учимся на своих ошибках. Нам во все самим хочется дойти до самой сути. Нас даже заставляют делать выбор там, где человек его сделать просто не в силах (проголосовать за кандидата в президенты, например), так как не понимает, что происходит. Кто-то отказывается это делать и, оставаясь в своей стране, живет как бы в эмиграции. Такие люди не просто не участвуют в общественной жизни. Они не живут в России. Это ненормально. Кто-то спивается, уходит в наркотические иллюзии и в конце концов переселяется в мир иной. А другие уезжают, физически гоня себя от неустроенности, непредсказуемости, неопре-

деленности и от постоянной необходимости самому принимать судьбоносные решения. Я не знаю, какой вариант лучше — наш или американский. В безоговорочном принятии общественных правил игры, конечно, проявляется сила американской нации. Но не станет ли эта изначальная типичность в социальном, смиренность перед тем, что уже продумано другими (порой в Америке предусматривают такие мелочи, о которых у нас и думать не принято, это на самом деле расхолаживает), предпосылкой для остановки развития человека? Ответ на этот и другие «русские» вопросы — в следующей главе.

4. ИХ ПРАВО И НАШЕ ЛЕВО

За что судили лидера демократов

Недавно в Миннесоте прошел суд над лидером демократического большинства в сенате штата. Об этом мне рассказывали в прокуратуре, в суде и самом парламенте. Статья, по которой привлекали к ответственности такое значительное лицо, звучит грозно — использование служебного положения и государственного оборудования в личных целях (за достоверность цитирования не ручаюсь). Процесс был инициирован по жалобе сотрудника аппарата сената. Я заинтересовался этой темой и предвкушал узнать историю компромата по-американски. Но когда вник в суть, не мог не рассмеяться. Оказывается он «всего-навсего» звонил по служебному телефону по делам партии. С одной стороны, это, конечно, сугубо политическая возня, но, с другой, важен принцип неотвратимости наказания для любого лица за противоправный поступок. На этом фоне совсем по-иному смотришь на то, что здания Законодательных собраний регионов превращены, по сути дела, в постоянные партийные штабы. Мало того, говорят, законотворцы одного из регионов умудрились в парламенте даже баньку себе соорудить — чтобы приятнее было заниматься партийным строительством и заботиться о народе...

Я спросил в Миннесоте, есть ли в штате сенаторы с уголовным прошлым. Одного такого обнаружили, рассказали мне, и сразу отклонили его кандидатуру. Априори считается так: если баллотируешься, значит, совесть твоя чиста. Тут есть масса писаных и неписаных правил. Если аме-

риканский «народный избранник» идет с каким-нибудь бизнесменом в кафе, то платит за себя сам — «халявный» обед ему может обойтись очень дорого. Но стопроцентной гарантии, что все депутаты чистые ангелы, дать, конечно, никто не может. Информация об избранниках и членах губернаторской команды есть в Интернете. Недавно электорат штата возмутило то, что их новый губернатор Джесси Вентура, используя служебное положение, пропагандировал собственную книгу. Любой гражданин может выступить против представителя власти, в том числе и на заседаниях комитетов сената. Обычно люди приходят в местный Капитолий (здание «законодательного собрания» штата — уменьшенная копия знаменитого Капитолия в Вашингтоне), когда обсуждается проблема, затрагивающая их интересы. Так было, например, когда решался вопрос о строительстве нового Дворца спорта. В подобных случаях проявляется интерес и к телепрограммам пресс-службы сената. Передачи могут длиться часами, в один из таких дней — об этом коллеги из пресс-службы рассказывали с особой гордостью — у них был самый высокий рейтинг среди каналов, включая популярные общенациональные.

Я продолжал задавать свои «русские» вопросы. Один из них звучал примерно так: в Америке все продумано до мелочей, порой регламентация доведена до абсурда, что еще можно придумать в этой стране, какие законы принять? И узнал, что только за год проявлено более тысячи законодательных инициатив, за это время сенат голосует примерно за 250 документов. Зачем еще законы? Все течет, все изменяется, законодатель обязан быстро реагировать на изменяющиеся условия. Например, законодательство об оружии за последние два года изменилось не раз. Может еще поступить предложение — Америку постоянно сотрясают выстрелы в школах. В этом году, рассказали нам, сенату повезло — в бюджете была прибыль (сумма собранных налогов оказалась больше запланированной). Долго обсуждали вопрос, который в наших реалиях звучит просто фантастично: вернуть или нет деньги налогоплательщикам? Были предложения по их использованию, но большинством голосов склонились к тому, чтобы вернуть. Почему поступило больше денег, спрашиваю, неужели вы не умеете планировать? При слове «планировать» законодатели улыбнулись и ответили, что экономика штата стремительно растет, соответственно увеличивается и сумма налогов. Но при этом повышаются налоги так называемо-

го целевого направления. Например, налог на бензин используется для строительства дорог. А деньги от продажи лицензий на рыбалку и охоту идут на восстановление того, что убивается. Это очень разумный подход, он хорошо перекликается с претензиями наших бизнесменов, которые часто говорят, что не желают отдавать налоги в общий котел, на потребу чиновникам и просят найти для денег адресное применение.

Дом, где вершится правосудие

В архитектурно низком Сент-Поле этот комплекс зданий смотрится внушительно. Сначала нам сказали, что идем в тюрьму, но затем, не выходя на улицу, мы попали сначала к прокурору, а затем — в зал судебных заседаний. Все расположено очень компактно и рационально — не надо, как у нас, перевозить правонарушителей с одного конца города на другой. Американская тюрьма делится на отсеки. В каждом есть общий зал, в нем подследственные и подсудимые встречаются и общаются, а затем возвращаются в свои камеры на двоих. Мы идем по тюрьме и про себя отмечаем, что в камерах в основном афроамериканцы. Полицейские Марк Петтит и Джо Пэджет подтверждают, что их примерно 70 процентов. Много женщин, они сидят за домашние убийства, за наркотики, за взлом такси. Среди них немецкая девушка — когда закончится суд, ее депортируют. Есть среди обитателей тюрьмы и русские эмигранты. Правительство, от имени которого в суде выступает прокурор, должно убедить присяжных (этих 12 человек находят с помощью компьютера, они получают 30 долларов за день), что подсудимый виноват. Правила судебной игры жесткие — они все трактуют в пользу обвиняемого. «Но, — призналась прокурор округа Сьюзен Гэртнер, — если мы начинаем процесс, — значит, уверены в победе». «Получается, — спрашиваю я, — дела у вас могут долго лежать без рассмотрения, пока не найдете необходимых доказательств. Не нарушаются ли здесь права человека?» Сьюзен улыбается и говорит, что на этот вопрос мне никто не ответит.

У этой энергичной и немного суховатой женщины в подчинении 40 помощников. Она гордится тем, что рассматривает самые сложные и опасные дела. Часто ли ей угрожают, спрашиваем. Оказалось — очень часто. Иногда

протыкают шины, раздаются телефонные звонки с угрозами. Охраны у окружного прокурора нет. Как тогда правительство обеспечивает ее безопасность?

— Как правило, на прокуроров не покушаются. Наиболее вероятно, что муж поколотит.

— Вас колотил?

— Я не замужем, мне не страшно.

(Потом Боб, любитель немного посплетничать, рассказал, что Сьюзен живет с одним из чиновников штата и очень влияет на продвижение его по служебной лестнице). Мы говорим о политизированности прокуроров. Поясняю, что в России это считается плохо, а она гордо называет себя политиком. Сьюзен говорит, что она не принадлежит ни к одной политической партии и не отвечает перед отдельными группами. Денежные лоббисты к ней тоже не подходят. А политик она в том смысле, что ее избрали на четыре года жители округа, перед которыми она готовится держать отчет. Сьюзен не боится, что ее не выберут на новый срок. С работой у юриста с такой квалификацией и опытом (20 лет занималась следственной работой) проблем не будет. Она достаточно хорошо известна и может зарабатывать частной практикой «в 1000 раз больше».

Судья Маргарет Марринен рассказала, что судья в Америке является менеджером, спикером процесса, задача которого — выстроить его так, чтобы у присяжных сложилась максимально полное представление по делу. Этому способствуют в том числе и первое слушание, этакая репетиция процесса, на одной из которых я побывал.

А Джим Хенкинс, общественный защитник от штата (всего их 46), гордится тем, что по незначительным преступлениям 90 процентов подсудимых признаются виновными. На общественного защитника могут рассчитывать небогатые граждане — люди, которые работают в «Макдональдсе», в ресторане фаст-фуд и т.д.

Интересным мне показался и опыт создания так называемой альтернативной полиции в Шорэвью. Все началось с того, что полиция не обращала внимания на мелкие нарушения и подростков. Теперь с ними работают сверстники. Молодые ребята как бы рассматривают «дела» таких же молодых. Общественные организации отчасти выполняют функции суда, а точнее — помогают ребятам разобраться в их жизненных проблемах. Она же деликатно консультирует тех, кому нужна помощь (если, например, дети в 15 лет уже родили своих детей).

Индейцы: право на бесправие...

Ротарианцы упрямо не хотели везти нас в индейскую резервацию. Там, говорили они, нет ничего интересного, грязно. «Там казино», — с иронией сказал Стэн Мэйнэн. И пояснил, что у индейцев есть такая присказка: «Белые отняли у нас землю, теперь мы отнимаем у них деньги». Казино, как я уже замечал, в штате Миннесота запрещены, но резервация — это как бы другая страна, ее жизнь течет по своим правилам. Мои американские друзья улыбаются: если докажешь, что в тебе течет какой-то процент индейской крови, можешь получать какие-то проценты от прибыли этих игорных заведений.

Нежелание пускать нас в резервацию напомнило застойные времена, когда приезжающие к нам американцы хотели посмотреть не на парадную Россию, которую им запланировали, а на какие-то задворки. Зато сейчас мы показываем иностранцам все по полной программе. В Екатеринбурге, например, их обязательно свозят на мафиозное кладбище с мраморными надгробиями в рост покойных авторитетов, а потом — к памятнику жертвам репрессий.

Возможно, не пуская нас, янки не хотели, чтобы мы рассуждали о том, что индейцы не имеют права голоса на выборах — в резервациях, суверенных территориях, они живут в другом правовом поле. Поэтому индеец никогда не сможет стать президентом США, страны, расположенной на его исторической Родине. Для того чтобы выдвинуть свою кандидатуру, коренной житель должен отречься от своих корней, расплавиться в знаменитом американском котле, то есть стать стандартным янки, изредка вспоминающим, какого он роду-племени. Для индейцев это неприемлемо (я с ними все-таки встретился, но не в резервации). Резервации разных штатов объединены в ассоциации, которые координируют их политику. Несколько лет назад они активно заявляли о своих правах. И обратили на себя внимание общества. Поэтому сейчас в Америке мода не только на латиноамериканские фольклорные песни, но и на индейскую культуру — активно распространяются их песни, элементы украшений, вещи. Хотя, как мне призналась профессор университета Миннесоты Лиза, американских детей не интересует, что было в их стране до прихода белых. Я побывал в индейском музее, где меня сразу же поразила священный для индейцев запах жженого шалфея

(после американских кондиционированных помещений он сразу же ударил в нос), а национальная музыка только усугубила необычные ощущения. Мне рассказали, что горящим шалфеем эти племена очищают помещения от скверны. Одна индейская принцесса приехала как-то в Москву, поселилась в нашей гостинице и решила очистить номер от духа проституток. Сразу же сработала на дым пожарная сигнализация. Прибежали наши люди, наорали на принцессу и выселили ее за нарушение правил. Мы все пытались узнать индейцев на улицах, но, как правило, принимали за них мексиканцев. Гордые дети своей земли продолжают не любить общество и цивилизацию белых. Они не признают 4 июля (национальный праздник Америки — День принятия декларации о независимости) и все события американской истории толкуют по-своему. Например, один из эпизодов, когда белые в страшный холод раздавали «аборигенам» одеяла, они понимают так: их хотели заразить. Было время, индейских детей насильно забирали в белые школы, чтобы они быстрее ассимилировались, становились цивилизованными людьми. Индейцы считают, что так разбивали их семьи, преемственность поколений и традиции. Сейчас уже никто не пытается их ассимилировать. «Краснокожие» ненавидят белых и считают, что они настолько задавлены, что белые уже никогда не смогут с ними рассчитаться. Эта очень опасно сжатая пружина когда-нибудь может распрямиться...

Свобода без мнения

Американцы гораздо живее и интереснее при личном общении. Но становятся скучнее, когда речь заходит о чем-то социальном и политическом. Эти сферы они априори не очеловечивают, сводят их суть к простым и понятным схемам, от которых стараются не отступать (эту манеру быстро перенимают эмигранты, приехавшие в Америку 18—30-летними. Через три-четыре года они вообще перестают читать газеты — и русские, и американские: ребятам «все ясно».) По общему мнению русских людей, проживших какое-то время в Штатах, обычно с американцем через пять минут разговора возникает стена. Он начинает высказывать не собственное суждение, а принятое, прочтенное. Если он либерал — значит, за аборты, если консерватор — против. И никакая попытка пробиться сквозь стену не

приводит к успеху. Янки продолжают играть в понятный им футбол, где надо поступать строго по правилам (интересная такая демократия получается: люди рассуждают, ориентируются в проблемах на обывательском уровне, не глубоко, но именно на это их мнение ориентируется власть. Нам, россиянам, приводят в пример западные демократические порядки, а рядовые люди цивилизованных стран и слышать ничего об этом не хотят, морщатся от одного упоминания слова «политика»). Парадокс, но Америка, страна, в которой превыше всего ценится свобода человека, держит этого самого человека под тотальным невидимым прессом. Американцы, которые очень ценят свою частную жизнь, предпочитают не думать о том, каким государственным зонтиком она укрывается. Их свобода по своей природе изначально... не свободна — в той мере, в какой не свободны ревящиеся малые дети, опекаемые заботливыми родителями. Может, среднестатистические американцы и есть малые дети, а совсем не расслабленно-деградирующие типы, какими я назвал их в предыдущих главах? Ответа на этот вопрос у меня нет. Зато есть понимание: для них культура — то, что мы считаем цивилизацией. Это очень принципиальный водораздел, через который, боюсь, мы не перейдем никогда. Мы хотим быть собой не только в частной жизни (по большому счету, в России само понятие частной жизни только начинает формироваться), но и во всех других сферах. Нам постоянно надо проявлять, выражать себя, как бы смешно порой это ни выглядело (возможно, на это толкает российская традиция, когда многие хорошие вещи делаются не благодаря системе, а вопреки, в силу неудержимой талантливости людей). Тем более сейчас, когда правила демократической игры в футбол у нас только формируются. И каждый норовит вписать в них свою строку — у нас ведь все специалисты не только в обычном футболе, но и политическом. Многим из наших это просто надоедает и они не видят никакого другого выхода, кроме отъезда туда, где все давно сформулировано и понятно.

Чтобы вся нация восприняла правила игры с государством, они, эти правила, должны быть созвучны ее духу. Американцы свои правила оценили давно. Мы либо ничего не воспринимаем, либо пробуем, примеряем на себя все подряд, и потому до сих пор не знаем, что из цивилизованного для нас органично. А в самом деле — что? Неужели мы и впрямь являемся не страной, а этаким большим полигоном для обкатки чьих-то политических фантазий?

Пока в России задаются такие вопросы, будут и писатели, которые ищут на них ответы. В Америке же, на мой взгляд, настоящих писателей почти не осталось. Они называют писателями тех, кто, например, в пресс-службе сената сочиняет информации о его работе (в Капитолии штата мы долго выясняли истинное значение слова «писатель» в Америке). Когда же в обществе все устроено, душа начинает лениться. Поиск смысла жизни и истины стимулирует только неустрашенность.

Закон для нас — «узкое место»

В Америке русский человек сразу сталкивается с проблемой поведения в присутственных местах. Привыкшие у нас к «демократии» и «свободе личности», россияне не понимают такого, например, «формализма», что курение в общественных точках в этой стране запрещено. Нельзя «смолить» в лифтах, туалетах, в автобусах, метро и других видах транспорта, а также на всех внутренних авиалиниях. Нарушители нещадно штрафуются. Курение также запрещено в некоторых кафе, ресторанах и поездах, в ряде помещений, где написано «Non-smoking». Более того, в «свободной стране» не разрешается употреблять алкогольные напитки на пляжах, парках, а также на улицах. В ресторане, баре или ночном клубе официанты не подают алкоголь тем, кто уже нетрезв... Кто ведет себя по-другому, не мирится с такими пустяками, тот становится для окружающих потенциально опасным. Как тут не вспомнишь героя книги «Над пропастью во ржи» Джером Д. Селинджера Холдена Холфилда. В свое время он был воспринят американцами как «управляемый изнутри» в мире тех, кто «управляется другими». Общественная ситуация, в которой живое слово, самостоятельное суждение или поступок казались актом отваги или просто безумием, приучило американцев реагировать на все, что не совпадает с официальной линией.

Они могут спокойно и легко сказать — у нас свободная страна, так как уверены, что найдется мало чудаков, которые захотят действовать не по правилам. Это непродуктивно. Поскольку у нас не выработаны такие общие правила, то нет и осознанной привычки следовать законам, формулируемым на их основе. Об отношении русских к праву наши мыслители пишут давно, но в жизни ничего не меня-

ется — мы остаемся такими же широкими натурами, которым тесно, узко в сугубо юридическом «стойле», натурами, склонными «решать вопросы» более простыми, левыми путями. Не влияет на нас ни смена экономического строя, ни видимый каждому вред от такой расхлябанной жизни. Не влияет, поскольку наше паталогическое, генетическое стремление словчить, срезать угол, обмануть друг друга и закон оказываются сильнее. По-иному и быть не может, так как наши привычки формировала сама жизнь. Не так давно разводящей и устрашающей силой была партия, КГБ, ГУЛАГ, еще раньше — наместник Бога на земле царь, губернаторы, городовые. Но никак не судебная система. А сейчас, когда мы через слово как заклинание произносим «правовое государство», все по-прежнему решает не закон. Людям ничего не втолкуешь, пока они будут знать, что власть живет по своим правилам. Поэтому россияне не боятся нарушить законы. Столыпин в свое время сказал: «Либеральные реформы возможны в России только при ужесточении режима». Законы могут быть либеральные, но их соблюдение должно стать безжалостным. Демократия возможна только там, где есть постоянная, без аврала и чрезвычайного положения ответственность всех слоев общества за свою судьбу, за судьбу своей страны. Готовы ли к такому наши люди? Могут ли они по-взрослому, без принуждения и «аппарата насилия» отвечать за свою судьбу?

«Оптимисты» говорят, что в России никогда не будет правового государства. Может, оно и к лучшему? Задал я себе этот «провокационный» вопрос, а однозначного ответа не нахожу, так как понимаю — мы настолько странные, мы попадаем в такие уникальные ситуации, которые никаким законом не предусмотреть. Любая его статья будет казаться несовершенной, догматичной и однобокой перед нашей широтой и непредсказуемостью. В западной же жизни люди, ситуации более типичны и предсказуемы — удобны, если хотите, для закона, для правового государства. А мы продолжаем все разрешать кто по справедливости, а кто — по понятиям... Тут, именно тут объяснение нашего правового нигилизма. Кому это надоедает, кто устает так жить, тот уезжает, ибо понимает, что предсказать что-либо в нашей стране не сможет и сам Господь Бог... Один дипломат, уже 15 лет живущий за пределами страны, при встрече в Женеве признался, что при полете к Шереметьево-2 у него всегда повышается давление, ибо он не знает, что его ждет через несколько минут.

Кто наивнее: русские или американцы?

В Миннесоте очень колоритный губернатор Джесси Вентура, бывший борец, снимавшийся в фильмах (я видел его в «Хищниках» вместе со Шварценеггером). Его избрали в основном молодые люди на волне протеста против скуки и застоя в «высших эшелонах» власти штата — прежний губернатор Вильям Сэллесес был спокойным тихим человеком, мы с ним познакомились в «Ротари-клубе» и он любезно предложил звонить ему, если что потребуется. Вентура же заставил интересоваться политикой даже тех, кто к ней всегда был равнодушен. Студенты становились в очередь к урнам для голосования. В Миннесоте теперь шутят, что кто-то голосовал за демократов, кто-то — за республиканцев, а кто-то — за борьбу.

Новый губернатор оправдывает надежды тех, кто отдал за него голоса. Экономикой ему заниматься нет нужды — она и так растет как на дрожжах, «отопительный сезон» даже на «севере» США сугубо символический. Вот и резвится этот высокорослый парень, эпатирует публику. Постоянно нападает на журналистов, обещая их «давить колесами». Судит турниры по борьбе, во время которых из его уст вылетают далеко не губернаторские выражения (на Вентуру подавали в суд — мол, первое лицо штата не может зарабатывать никаким иным способом, но выяснилось, что он судил по воскресеньям и бесплатно). Газета «Пионер-пресс» написала, что через насилие, связанное с борьбой, формируется сомнительный образ лидера. В ответ Вентура стал кричать, что эта газетенка не будет выходить в его штате. Дурак, возмущались жители Миннесоты (из моих знакомых особенно негодовал Боб). Наивные люди, думал я, они почему-то подходят к политикам с человеческой меркой. Мы-то давно уже не верим в саму возможность того, что они могут быть нормальными. А потом мне стал смешон свой нарочитый цинизм, ибо, если разобраться, то эта наивность, эта простая и ясная мерка и есть самый главный гарант демократии.

— Почему губернатор так не любит прессу? — спросили мы помощника Джесси Вентуры Джона Воделе.

— Тут есть доля здорового юмора, — ответил он. — Губернатор все время подкалывает людей, подшучивает над ними. В ходе работы веселится. Он спонтанен в своих действиях, но если захочет, — общий язык найдет со всеми. Он вообще известный в мире человек. Есть даже мысль двинуть его в президенты.

— А как у него с женщинами? — я задаю уже не «русский», а «американский» вопрос, навеянный «овальным сексом» Билла и Моника. Джон (у этого парня простая такая сорочка, но, как мне объяснили, есть на ней один значок, делающий ее в несколько раз дороже, это такой американский шик, намек на состоятельность) отвечает:

— С женой они живут 25 лет, все у них замечательно.

И, тем не менее, среди женщин популярность Вентуры выше, он для многих из них этакий мачо, крутой мужик. Но, как мне кажется, гораздо интереснее то, что губернатор не является ни демократом, ни республиканцем. Он создал и возглавил партию реформ. Это третья политическая сила, которая, не исключено, еще скажет свое слово на федеральном уровне. Но уже сейчас можно сказать, что громила Вентура отчасти переиначил политическую карту Америки. Глядя на его «проделки», я продолжал думать о том, какая между нами пропасть. Если в благополучной Америке выборы — это игра, то у нас все, что с ними связано, приобретает то карикатурные, то грозные оттенки. Выборы губернаторов и мэров превращаются в сражение не на жизнь, а на смерть или пародию. Те, кто у власти, и те, кто хочет их свергнуть, очень много думают не о деле, а о том, как бы повыгоднее выглядеть перед людьми. Кто-то начинает интенсивно плясать и играть в спортивные игры (на фоне массы нерешенных проблем это выглядит как неуместное ребячество), а кто-то каждому своему шагу через послушную прессу пытается придать судьбоносное не только для области, но и для России (!) значение. При однобоко развитой экономике, ориентированной не на человека, при неразвитых правовых, демократических традициях по-иному пока и быть не может. Поэтому насчет того, какие избиратели более наивные — наши или американские, я точного ответа тоже не знаю. Один известный журналист-международник на мой вопрос не колеблясь ответил: «Конечно, наши наивнее. У американцев же огромный опыт демократии». Если бы все было так просто. Сила и слабость русских в том, что они не умеют относиться к начальству спокойно: его либо любят, либо ненавидят. С одной стороны, россияне считают, что все политики — воры или дураки. А с другой — они так истосковались по человеку, которому можно поверить, что оставалось только найти такого героя. Именно в этом — истоки феномена Владимира Путина, который за семь с лишним месяцев из мало кому известного чиновника стал президентом огромной страны.

Как мы извращаем либерализм

Чиновник в России больше чем чиновник. Он был и остается главным проводником интересов государства, к которому мы привыкли относиться эмоционально: либо любить, либо ненавидеть. Раньше, до «демократических реформ», по-иному и быть не могло — государственная служба была одновременно и служением идее, считалась престижной. Государственные чиновники являлись носителями этой самой идеи. И вот им сказали: «Государство — это нечто вроде жэка, вы — наемные работники, обязанные обеспечить людей теплом, водой, светом и т.д. Ваша главная обязанность — выполнять законы, а что вы при этом думаете, что чувствуете, — никого не волнует». Кажется бы, все это очень здорово — наконец-то в России возобладал нормальный «цивилизованный» подход. Но на то она и Россия, чтобы все, что на Западе имеет знак плюс, оборачивать в минус. С одной стороны, общественный контроль над государством, его институтами нужен. Но россияне очень быстро начинают пинать то, чему еще вчера поклонялись. В том числе и чиновников. Вы думаете такой «цивилизованный» подход поставит их на место? Эти люди привыкли жить с заветной мыслью, что они — вершители судеб, носители высшей морали и идеологии. А их вдруг низводят до какой-то прислуги. В качестве компенсации такого унижения даже самый скромный, по-настоящему служивший идее чиновник начинает думать в первую очередь не о Родине, а о себе. А выборы губернаторов и мэров только усугубляют у него ощущение временности.

Государственная служба раньше была носителем некоей объективности, стабильности. Сейчас же у государственного руля то одна команда, то другая (особенно это проявляется на уровне регионов), каждая смена рулевого чревата общественно-политическими сдвигами. Государство стало отражать крайние точки зрения. И во весь рост встала главная российская проблема — раскол общества на так называемых коммунистов и демократов. Несмотря на обилие карликовых партий, у нас, по сути, всего две партии. Это хорошо. Но и тут мы видим карикатуру, причем очень жестокую, на западное общество, у них партии разные, но цели, ценности одни. У нас же — раскол, битва не на жизнь, а на смерть...

Разрыв так глубок, что спокойствия не будет еще долго. Он создает постоянные предпосылки для конфликтов. Это

порождает неустойчивость, неуверенность. Неуверенные в своем будущем чиновники начинают воровать. Неуверенные финансово-промышленные группировки стремятся быстрее выжать соки из предприятий и перевести деньги за рубеж. А простые люди, насмотревшись на это, начинают всех их тихо ненавидеть и, кто может, оформлять документы на выезд за рубеж.

Какие мы — таков и рынок, такая демократия. Если человека долго не кормить, а потом дать много еды — заболит. Так и с либеральными ценностями. В нашей стране на них накладывается особый отпечаток. Выборы губернаторов и мэров пока привели не к торжеству демократии, а к тому, что много чиновников просто плохо делают свою работу — они все время готовятся к «часу икс». Те, что у власти, создают под грядущие выборы женсоветы, рабочие движения и т.д. А стремящиеся их свергнуть просчитывают, сколько стоит вожденное кресло, и ищут деньги. Создают газеты, телеканалы, какие-то сомнительные структуры, в которых молодые ребята с философским образованием гордо именуют себя политическими консультантами и радуются самому факту выборов — это их хлеб. На местном уровне появляются свои олигархи, держащие в руках прессу и жаждущие власти (печально, что журналисты продаются денежным мешкам с какой-то поразительной легкостью, «клюют» на деньги так, словно завтра им не потребуется самое главное в журналистике — репутация). И, конечно же, и обороняющиеся, и готовящиеся к атаке вынуждены идти на смычку с сомнительными «денежными мешками» (с легальными деньгами выборы не выиграешь). Некоторые криминальные авторитеты через разных посредников умудряются финансировать выборы. За это им разрешают шалости даже на государственных предприятиях. И горе тому следователю, кто пошел по их следу. Порой думаешь, что иной мотивации к государственной службе, кроме возможности урвать от общественного пирога, просто нет. Если нет идеи, нет высокой оплаты, то остается одно — прорваться к дележке и прихватить что-то себе. В декларациях о доходах чиновники и «новые русские» указывают скромные цифры, а, с другой стороны, известно, что они приватизировали или построили. Словом, выборы в нашей стране не являются демократическим инструментом соревновательности и отбора, а обнажают всяческую грязь. Вот она, цена российской демократии! Раньше «во главу угла» всегда ставился государственный

интерес. Сейчас в неформальном кругу над тобой дружно засмеются, если заговоришь о приоритете такого интереса, ибо государство все настойчивее ассоциируется с бритым затылком. Иначе и быть не может, если управленческий руль «приватизирует» то одна, то другая группировка, а страна превратилась в рыхлое образование разношерстных регионов. Президент Путин, делая попытку поставить их в одну шеренгу, впадает, как мне кажется, в другую крайность. Есть стойкое ощущение, что деление страны на семь частей — это ненадолго, что через время все вернется на круги своя. Мы все время что-то меняем и исправляем, преодолеваем и готовимся жить хорошо. Так проходит жизнь целых поколений...

Если мы выше государства...

Либеральные политики России уже не первый год безуспешно пытаются внедрить в сознание среднестатистического россиянина мысль о том, что права и свободы личности должны быть превыше государственных интересов. Я думаю, что безуспешность здесь, как ни странно, только на пользу. Мы остаемся сами собой. Если в той же Америке говорится о приоритете личности, то все понимают, что при всей своей безусловности он все-таки ограничен — есть ряд моментов, где гражданину нет необходимости доминировать — в сфере безопасности страны, например. Наше же сознание рассматривает приоритет личности не через призму цивилизованного партнерства человека и государства, а буквально: если личность в приоритете, то это должна быть ее стопроцентная диктатура. Если при таком подходе среднестатистического россиянина поставить выше государства, то ничего не изменится. Демократии не прибавится, а хаоса — да. Наши демократические реформы в реальном воплощении то и дело извращают саму суть демократии, и понимание этого провоцируют отъезд «за бугор» еще сильнее, чем советская дурь. Но те, кто предлагает в практику общественной жизни абстрактно верные, но нереальные решения, похоже, этого просто не осознают.

Да, плохо, когда униженные люди служат государству. Но ничем не лучше, если униженное государство начинает прислуживать охамевшим от открытых возможностей шариковым. Пока наше национальное самосознание находит-

ся на очередном распутье. С одной стороны, Россия утратила свои традиционные основы, когда какая-то однородная сила (православие и государство либо партия и государство) задает тон всей жизни. С другой, в стране невозможно воплотить западную (рациональную, правовую) формулу отношения государства и личности. Привыкшее жить в понятной системе координат большинство не может понять, что между личностью и государством должны быть отношения не по схеме, кто выше и кто ниже, кто хозяин и кто слуга, а партнерские, на основе права. Пока нет понятной всей системы отношений, мы так и будем громаднейшей страной третьего мира, как бы при этом ни надували щеки. Механическое создание демократических институтов в стране с особым, принципиально отличным от Запада менталитетом еще ничего не решает. Главное в демократии — не выборы, а в экономике — не частная собственность. Главное — те люди, которые выбирают и владеют. Главное — демократично или нет управляют потом страной и обществом, грамотно или нет распоряжаются собственностью. Гитлера, кстати, тоже выбирали...

Выбранные лидеры обязаны тем, кто финансировал их выборы. И управляют они с оглядкой на финансово-промышленные группировки. Иного, когда на инородную почву высаживают западные ростки, и ждать не приходится. Хорошие культуры при этом гибнут, а всяческий сорняк прет — не остановишь. На юбилей одного района области собралась разношерстная публика. В одном углу — прокурор, в другом — сомнительные авторитеты со значками депутатов. Один из них очень душевно спел: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...»

Как, скажите, ко всему этому должен относиться нормальный гражданин? Естественно, такой порядок вещей не вызывает у него патриотических чувств. «А ну вас с вашей грязью куда подальше», — думает он и начинает либо заниматься чем-то добрым и обывательским (многие люди у нас ведут растительное существование при всех режимах), либо хлопотать о визе и паковать чемоданы. В обоих случаях он... патриотичен, ибо патриотизм в этой ситуации уже в том, чтобы сохранить свое здоровое начало, не дать втянуть себя в такую неприличную систему отношений. И все-таки бегство — это не тот выход. Истинный патриотизм предполагает не уход от ситуации, а какие-то иные действия. Какие? Об этом в следующей главе.

5. С ЧЕГО КОНЧАЕТСЯ РОДИНА...

Глубинка, из которой не убегают

Недавно я побывал на вечере встречи выпускников в своей школе (райцентр Абатский в Тюменской области). Мы собрались вместе через 20 лет. Долго общались, каждый рассказал о себе. Оказалось, что многие в родном районе не живут — одноклассники осели в Тюмени, Омске, Уфе, Челябинске, на Украине. Все чего-то достигли. Если бы мы и выпускники других лет остались на малой родине, она, наверное, не была бы такой потерянной. Но в глубинке считается нормой, когда проявившие себя в чем-то стремятся во что бы то ни стало уехать в город. По большому счету, это ненормальный порядок вещей.

В Америке я тоже гостил в глубинке. И понял, что там из таких мест не стараются убежать, «выйти в люди». Американцы просто живут в своих маленьких городках, как люди! Зачем куда-то бежать, если у человека с рождения уже все есть, если качество жизни в американской «глубинке» и в мегаполисах практически не отличается? И никакой тебе борьбы за идеалы и принципы, за лучшую долю...

Местный патриотизм американцев начинается не с народных песен и танцев (у нас нет фольклора, как бы оправдываясь, сказала мне Сантья, есть только ковбои), не со слезливо-эмоциональных песен про «деревню мою, деревянную дальнюю» и тем более — не с «раньше думай о Родине, а потом о себе». Патриотизм в Штатах, как и все в этой стране, сугубо практичен и удобен. Жители штата Миннесота гордятся тем, что у них самый высокий процент детей, закончивших школу, самый высокий средний доход на душу населения, одно из лучших здравоохранений в мире. Люди активно подключаются, когда власти решают вопросы, затрагивающие их интересы. Все заседания комитетов сената штата открыты для общественности. Любой может прийти и выступить. Пресс-служба выпускает и рассылает журналы о деятельности местных законодателей. Вся информация об их деятельности есть в Интернете. Избиратели могут узнать, как голосовал избранник. Внести свои предложения в закон. То есть, люди и власть находятся в постоянном взаимодействии, они не разделены, не противопоставлены друг другу, как могут подумать некоторые наши толкователи сути взаимоотношений личности и государства. Более того, мож-

но даже сказать, что в Америке в некоторых моментах народ и «партия» едины. Придя в мэрию Шорэвью, я попал в ...досуговый центр. Он расположен в одном здании с городской властью. Тут и шикарный бассейн с пальмами (именно в него Билл водит своих дочек, заплатив за год символические 150 долларов), и спортивный зал, и небольшой детский сад. Есть даже столовая, в которой бесплатно кормят пожилых горожан. Прийти в нее может любой (у нас в подобных случаях людей еще недавно сортировали по уровню пенсий, начиналась путаница, возникали обиды). Если у дедушек и бабушек нет денег, они тут, в досуговом центре, могут их взять, но, как мне пояснили, ни у кого такой необходимости не возникает. Если старики живут одни, за ними наблюдают через полицейский центр коммуникации (чтобы не случилось так, что умер — и никто об этом не знает), на квартиру пожилому человеку звонят ежедневно. У нас же о смерти одинокого пенсионера люди порой узнают, когда его тело разлагается и из квартиры начинает неприятно пахнуть...

Чукчи завидуют жителям соседней Аляски, которые волею судьбы оказались совсем в другом мире. При опросе населения Курильских островов большинство высказалось за присоединение к Японии. А калининградцы, говорят, втихую мечтают стать кенигсбергцами. Земля, где человек несчастен, становится для него нелюбимой...

«Расслабленное» лицо местной власти

Образ российского мэра стандартен: волевой, готовый ко всему мужчина. И хотя некоторые главы могут побегать по футбольному полю, попеть и поплясать на встрече с избирателями, все понимают, что в критические минуты они могут собраться и снова стать экстремальными управленцами советского и постсоветского типа, полностью поглощенными «вечными» городскими проблемами. А мэром Шорэвью оказалась такая спокойная, домашняя тетя, похожая на соседку или на попутчицу в общественном транспорте (это меня несколько сбило с толку, что даже не запомнил и не записал ее имени). Была первая половина дня, но наша беседа проходила спокойно, мэра и ее помощников никто не донимал экстренными вопросами. Когда я сказал, что в России для мэра такого маленького городка утро — это время, когда он должен пропустить через себя и развести массу проблем (это наша «традиция»: пока не

пробьешься на самый верх, вопрос не решится), американцы только улыбнулись. У них все вопросы решают те, кто за них отвечает, и никому в голову не придет согласовывать что-то текущее с высшим руководством муниципалитета. Каждый город в США выбирает свою систему самоуправления. В штате Миннесота их несколько. В Шорэвью избираются несколько советников и мэр, они разрабатывают план развития города и предлагают его депутатам. После его одобрения начинается реализация, которой непосредственно занимаются 75 человек, работающие в аппарате мэрии по контракту.

Городские власти поддерживают постоянный контакт с избирателями. В отличие от России, где местные «вожди» любят создавать свои газеты и мелькать в них каждый день по любому поводу (не пишется разве что о посещении мэром туалета), в американском провинциальном городке издают специальный журнал, который раз в три месяца (!) бесплатно доставляют в каждый почтовый ящик, не создавая видимости подписки по демпинговым ценам, как у нас. Естественно, так действовать позволяют финансы. Ими в мэрии Шорэвью заведует остроумная и серьезная Джин Хиппала. Под ее началом 10 человек. Они ведут бухгалтерский учет, расчеты между городскими департаментами, оплачивают работу нанятых сотрудников и все нужды городского хозяйства. Рассылают населению счета за использование канализации и воды. Отчитываются за строительство всех глобальных проектов — парков, дорог. Когда составляют финансовый отчет, приглашают независимых специалистов, которые обеспечивают его объективность. Общий бюджет 20-тысячного города — 12,5 миллиона долларов. Основной приток денег в казну городка дает налог на недвижимость. Как признаются американцы, иногда городские власти разрешают строительство там, где это не желательно (в исторической части города, например), но нужны поступления в бюджет, вот и закрывают глаза на спорность некоторых частных объектов. После общения с Марком (напомню: он сумел каким-то образом занизить официальную стоимость своего дома) пытаюсь намекнуть, что казна города, видимо, теряет от таких хитростей. Мне сразу дают понять, что попытка влезть в «святая святых» — процесс оценки стоимости — малоперспективна. Есть, говорят, три оценщика, которые это понимают, для остальных вся эта процедура — темный лес. Что ж, в этом, наверное, своя мудрость. Помимо налога на недвижимость в

городе введен целый ряд других сборов: налог с водительских прав (собирается раз в год), с разрешения на строительство дома, на собак, кошек (они, кстати говоря, не должны быть кастрированными, как во Франции). Все средства от этих налогов остаются в городе. Самые долгосрочные проекты в Шорэвью связаны с ликвидацией дефицита воды и строительством дорог. Они планируются на 50 лет (!) вперед. Услышав это, я вспомнил, как мы с псевдолиберальным гиканьем и свистом осмеяли пятилетние планы. В городе, как и на уровне штата, нет дефицита бюджета, но есть другая проблема — куда деть деньги. В бизнес, в отличие от мэра Москвы Юрия Лужкова, в Штатах бюджетные средства вкладывать не могут — нельзя. Но в Шорэвью всегда находят, куда их потратить. Как правило, излишки направляют на строительство дорог. Выбор компании, которая будет их возводить, проводится по рекомендации людей. Заказ мэрии получить довольно выгодно. Отдел жилищно-коммунального хозяйства выдает разрешения на строительство частных домов (муниципального жилья в городе нет), следит за соответствием предложенных проектов нормативам. На нем же — ответственность за правильность подключения водоснабжения. Интересно было узнать, что в Америке тоже есть жалобы населения в местные органы власти. Только, в отличие от России, янки жалуются не на муниципальных служащих, а «стучат» на соседей — в тех случаях, когда, например, у кого-то что-то от дома отваливается и угрожает безопасности окружающих.

«Что такое для вас патриотизм, большая и малая Родина», — спросил я у руководителей и сотрудников мэрии. В ответ ожидал услышать если не пение гимна, то все равно нечто прочувствованное, на грани патетики (начитался перед поездкой, что все американцы чуть свихнутые на своем патриотизме). Но мне ответили на этот вопрос как-то приземленно. Янки очень сильно привязаны к месту, где родились, выросли и живут. Оно для них является родиной. А большую Родину они воспринимают только тогда, когда она делает что-то полезное для их городка. Когда, например, на Шорэвью налетел ураган Торнадо и поломал многие дома, город восстановили только благодаря своевременной помощи от штата и федеральных властей. Именно в такие моменты возникает ощущение единства, большой страны. После этого и гимн США, который ритуально поют перед каждым заседанием горсовета, депутаты исполняли с боль-

шим чувством. На другой мой вопрос янки ответили, что работать в мэрии престижно. Люди относятся к ним хорошо. Так началось опровержение еще одного расхожего представления россиян об американцах, которые-де настолько свободны, что плевать хотели на всякие власти.

Можно и без чиновников

Во время гостевания в Шорэвью я успел поучаствовать в субботнике по-американски, на котором молодое поколение «Ротари-клуба» строило детскую площадку для игр в районе, где живут неблагополучные семьи (неблагополучная семья — это когда у ребенка есть только папа или мама. Живут они тоже в своих домах, по российским меркам очень даже хороших). Мы собирали то, что наши дворостроители называют паутинкой, только в России это неуклюжая железная штукавина (маленькая рука ребенка не может обхватить толстые железные прутья), с которой дети часто падают и получают увечья, а в Америке — легкая изящная конструкция, которую может собрать даже непрофессионал. Рядом расчищали место для других аттракционов. Пока «субботничали», нас снимала местная телекомпания. В конце телевизионщики попросили нас полминуты махать руками и улыбаться. Позже, когда вернулся в Россию, Эйди по электронной почте сообщила, что площадка открыта. Попутно рассказала, что успешно развивается программа «Жилье для человечества». Получена налоговая поддержка, чтобы дома, построенные волонтерами, продавать по более низкой стоимости неблагополучным семьям (после этого добровольные благотворители получают налоговые послабления и для своего бизнеса). Одно из приятных «открытий» в Америке — это широкое вовлечение волонтеров в общественно полезные дела. Они не только заботятся о «малоимущих» (решил взять это слово в кавычки, чтобы разделить наших и заокеанских бедных людей), но и активно, заинтересованно помогают полиции. Доброжелательный и улыбчивый дедушка Майк, с которым мы познакомились на первой вечеринке у Марка, во время войны был военным полицейским. И сейчас пару часов в неделю приходит на службу. Таких, как он, в округе 250 человек, их возраст — от 18 до 84 лет. Они «работают с населением», все время на подхвате у стражей порядка. То есть, на местном уровне нет разницы между общественным

и государственным. Стало досадно, что у нас все чаще начинают слепо делить мое и не мое. Сила любой страны как раз в единстве личного и муниципального, государственного. Делить их — это все равно что расщеплять ядро атома. Высвобождаемую при этом энергию можно направить на благие цели, а можно и сотворить взрыв. Похоже, он у нас прогремел. И, как ни странно, только взрывы в Чечне и Дагестане помогли вновь подтолкнуть друг к другу государство и человека. Другой миф (о том, что в Америке человеку наплевать на государство, что это антагонисты, что права человека превыше прав государства) тоже в итоге не выдержал проверки. Такое представление создали верхогляды. Вполне осознанно подчеркиваю: в Америке полное единство личного, муниципального и государственного. Но при этом они не отождествляют образ страны с чиновничеством, как это было и, к сожалению, пока есть у нас.

Патриотично то, что полезно

Я побывал на еженедельном обеде ротарианцев Сент-Пола. Поразила некоторая чопорность происходящего — руководство клуба сидело за отдельным столом, на возвышении, в этаком президиуме (бывал на неформальных посиделках наших, советских, коммунистов, но даже они до такого деления не додумались). А вначале все стоя спели «Боже, спаси Америку». После такого торжественного начала я не мог не продолжить разговор о патриотизме. В ходе его окончательно убедился, что у американцев чисто практический подход к этому понятию, которое мы по инерции продолжаем считать сугубо политическим. Если у нас патриотизм ассоциируется с самопожертвованием, то у них, не воевавших на своей территории, само это понятие имеет более легкий, не такой кровавый и драматический привкус. Они патриоты того, что дает им возможность хорошо жить здесь и сейчас. Суть демократического общества в том, что древо общественной жизни растет из земли, а не спускается с заоблачных высот, как было все последние годы у нас. Руководители американских регионов не просят деньги на насущные нужды в вышестоящих инстанциях (доблесть наших местных лидеров порой в том, чтобы «поползть в Москве на брюхе» и выпросить денег). Они собирают их сами на своей территории, а к помощи прибегают только в экстренных случаях. Люди стоят на земле и смотрят на мир спокойными глазами.

Они политизированы не на общенациональном, а на региональном уровне. Чем выше вверх, тем больше несовпадений. Вашингтон американские провинциалы порой считают чужим городом. Именно в нем интересы государства иногда не совпадают с интересами рядовых граждан. Чаще тогда, когда федеральные власти посылают американских солдат в какую-нибудь горячую точку. Войну в Югославии, например, прогрессивные американцы (чтобы понять очевидную вещь в этой стране, надо быть более продвинутым, чем все) считают пижонством Клинтона (о реакции на нее обычных граждан — в следующей главе). И тем не менее «зомбированные» своим национальным патриотизмом янки дружно поют гимн и всячески выказывают любовь к своей родине (это делается порой так нарочито, что становится предметом дружеских насмешек людей из других стран). На причале на реке Миссисипи я поднялся на пароход, чтобы просто сфотографироваться. Проходя через него, увидел то, что у нас до недавних пор называли «красным уголком». Сразу бросился в глаза стенд, на котором имена всех президентов выведены «вечными» буквами. А у нас, если ушел человек из власти, — тут же снимают его портреты и отовсюду вымарывают имя. Сегодня подзаработал на одних выборах, завтра — на других. Продажность политических прихлебателей считается теперь нормой.

Не так давно в «Челябинский рабочий» приезжали моряки-дальневосточники с атомной подлодки «Челябинск». Когда журналисты начинали им рассказывать о криминализации государства, о коррупции, подводники останавливали: «Ничего не хотим знать, мы служим Родине, выполняем свой долг». Такое поведение сейчас встретишь не часто. Многие уже привыкли обходиться без Родины, в их сознании она занимает место этакой Золушки. В разговоре о судьбе России они больше отшучиваются. Их существование какое-то растительное, беспечное. Мотива в их душе нет, осталась одна мотивация. Таким людям тоже ничего не стоит перебраться за океан.

Со стороны любить Россию легче

Россиянину надо непременно что-то потерять, чтобы оценить и полюбить. Не зря же многие мыслители, патриоты жили за рубежом. И создавали умозрительный образ Родины. А родина их — вот она, убогая, криминальная и еще больше непредсказуемая. Человек же (не только осме-

янный советский, а любой) любит как раз устойчивость и предсказуемость. И он рвется на Запад из страны, в которой этого нет, хотя у него к «этой территории» есть чувство, подобное любви, граничащее с безнадежностью.

Советское государство давало предсказуемость. И многие диссиденты и симпатизирующие им чувствовали себя в нем, в этом «жутком тоталитаризме», собой, могли проявить свою индивидуальность, выразить протест. Сейчас многие из них в замешательстве — как ни выступишь, ни протестуй — никого ничем не удивишь и внимания к себе не привлечешь. А обыватель видит, что теперь нет ничего более неустойчивого, чем государственные структуры. На таком фоне всепоглощающая ирония и новомодная нелюбовь к государству прут, как сорная трава после ливня. В итоге у нас никак не оформится неноменклатурный человеческий патриотизм. Власть восторга не вызывает. Оппозиция псевдокоммунисты и прочие истеричные лжепатриоты, думающие люди — обыватели в хорошем смысле этого слова, интеллигенция и молодежь — не желают попадать в их компанию. После трагического раскола страны на белых и красных это главная проблема — быть патриотом России без надрыва, истерики и шовинизма. Говорят, высшая нравственная доблесть — уметь быть добрым и справедливым, когда тебе трудно. Тихо любить Родину сложнее. Вот мы и любим тихо — в том смысле, что даже слов у нашего гимна до сих пор нет. Но эта тишина какая-то пугающая. Без слов хороша только карикатура...

Державная любовь к Отчизне

Развею еще один стереотип: в армию в США никто особо не рвется (в стране нет обязательной военной повинности). В нее чаще попадают молодые мексиканцы и афроамериканцы. Эйди Викстром мне рассказала, что некоторые молодые люди «играют в солдатиков» — в воскресенье, как у нас выражается молодежь, — «для прикола», надевают военную форму. И никто американским парням не долдонит, что его великую страну защищать почетно и обязательно. Но, похоже, нынешним российским политработникам (или как там их правильно сейчас называют?) все сложнее работать с новобранцами. Любовь к Родине у россиянина всегда подогревало то, что его страна большая

и сильная. Одно слово — Держава. «Передовая общественная мысль» постепенно внесла сумятицу в неокрепшие русские мозги. Кому-то выгодно считать, что идеология державности противоречит правам человека. Любовь россиян к большой и (до недавних пор) неделимой Родине преподносится как нечто ущербное и чуть ли не варварское. Некоторые считают, что страна наше достигла огромных размеров, возвеличила себя за счет унижения многих народов. И Россия уже стала как бы стыдиться своей мощи. И все чаще выглядит этаким инфантильным гигантом.

Многим непонятно, чего хочет страна, не принадлежащая четко ни к западно-европейскому, ни к азиатскому вектору. Многие ждут ответа на сакраментальный вопрос: «Куда смотрит двухглавый орел — в Европу или в Азию?» Между тем, особенность России как раз в том, что для нее органичны и европейское, и азиатские начала. Это ее цивилизационная особенность, которую не хотят понять ни западники, ни славянофилы наших дней. Пока нет спокойного понимания специфики своей Родины, осмысленной любви россиян к своей стране ждать не приходится. А в неопределенности жить тяжело, даже если ты богат. Сознание некомфортно, когда «передовая общественная мысль» знай твердит: государство должно быть слабым, какая разница, где жить — в большой стране или в маленькой, скукоженной до размеров нескольких областей (договариваются и до этого), главное, чтобы права человека не нарушались, чтобы личность была выше государства, чтобы было сытно и весело. Тут вообще не хочется что-либо говорить. Хочется сразу схватиться либо за наган, либо за чемодан...

Россиянин не хочет, чтобы у него отнимали его государство, он привык жить в стабильной стране, и потому он сейчас потянулся на Запад, что видит, находит там пусть не привычную для него, но все-таки устойчивость. С наличием таковой ему внутренне комфортнее. Наш человек имеет потребность верить. Тоталитарное государство, строя свою идеологию, это понимало. Америка в этом смысле — тоже тоталитарное государство. А Россия до сих пор не может родить национальную идею и только из-за этого теряет своих людей. Стоит признаться самим себе: наша страна не родит идею и будет, как кукушка, продолжать подбрасывать своих детей на воспитание в другие страны до тех пор, пока не перестанет попугайничать и не начнет строить жизнь, опираясь не на схемы, а на жизнь, патриотизм нор-

мальных людей. А пока эти самые нормальные люди не полюбят Родину, ее будут домогаться всякие экстремисты. У россиянина нельзя отнимать Державу, Государство. Оставшись без них, он превратится в ничто и захочет примкнуть к чему-то надежному за океаном.

Где же он, демократический патриотизм?

Утратив тоталитарный патриотизм, мы не научились и не скоро научимся демократическому. Сейчас многим россиянам до своей страны нет дела. «Простые» люди все силы бросили на выживание, интеллигенция и так называемый средний класс живут, как обыватели, — украшают свое жилье, путешествуют, ходят в театры, проводят всевозможные фестивали и т.д. Говорить Родине и патриотизме в их среде — моветон. Страну они больше поругивают и безнадежно-лениво завидуют тем, кто сумел уехать на Запад. Если выгорает — мигом уезжают сами. И куда, подскажите, людям, любящим Родину, податься. К политикам? А если не хочется вставать под красные, коричневые или полосато-криминальные знамена, если хочется любить Родину без экстремизма и «антитеррористических операций», то возникает глубочайший дискомфорт. Если твой патриотизм не востребован, если нет ощущения, что «мой труд вливается в труд моей республики», то остается либо уехать, либо замкнуться в себе...

Можно смириться с циничным и ироничным отношением к чему угодно, но только не к Родине. Если позволительно жить, не задумываясь о патриотизме, то наши люди так и живут. Все чаще и чаще склоняюсь к мысли, что в России невозможно найти цивилизованную национальную идею. Наше сознание постоянно готово к конфликту, к борьбе, к какому-то мазохистскому самоистязанию (у нас и классики литературы этому учат, Лев Толстой, например, считал, что человек должен страдать и метаться). Если на Западе стремятся обойти острые углы, то мы все стремимся обострить (характерное выражение лица западного человека — расслабленное, спокойное, а у нас — волевое). Мы словно не понимаем, что «вопросы решать» можно иначе, не обязательно через стычки и кровь. Все друг от друга заражаемся этой варварской воинственностью и в бесконечной «борьбе за это» теряем силы (сие качество проявляется в самых неожиданных местах. Например, рус-

ские евреи в Израиле более бескомпромиссные, чем местные, они в большинстве своем — 75 процентов — выступают против возвращения Голанских высот в обмен на мир). Без веры в Бога и Родину мы дикие, нет в наших отношениях любви. Как это ни странно, но при всей воспетой русской душевности, которой очень гордимся, мы сейчас стали злыми и недобрыми людьми. А наша неустроенность и бедность еще больше усугубляют эти черты. Как человек, родившийся в сибирской деревне, могу сказать: представление о том, что село — это нравственная опора страны, сейчас становится глубоко ошибочным. Там теперь очень часто нет любви, ее душит зависть, забитость и тупость...

Не хочется, но приходится соглашаться с тем, что у нас все (не только плохое, разрушительное, но и хорошее) пока может быть только «внедрено» (идиотское по своему смыслу слово) через насилие. Иного в России, к сожалению, пока не дано... До нашего деформированного сознания никак не дойдет, что сильное государство необходимо не для угнетения личности, а как раз наоборот, что на свете нет ничего выше, ценнее человеческой жизни. Это, если хотите, и есть национальная идея. Но куда нам!!! Мы крутые, мы едко смеемся над «наивными» правозащитниками и с маниакальной настойчивостью отщепляем их от государства... Говорят, свободу человека должны обеспечивать многочисленные общественные институты. Они у нас создаются. Но свободы все равно нет. Ее не будет до тех пор, пока у человека не появится внутреннее ощущение единства собственного достоинства и достоинства государства. Скоро ли такое будет? Честно говоря, не знаю. Природу человека невозможно изменить. Неужели мы такие навсегда? Неужели наша доля в том, чтобы бежать от себя в страны, где нас поставят в один ряд и просто не дадут проявлять свою «дикую» индивидуальность? Ее потерю мы переживем, разменяем на комфорт и устроенность, стабильность и веру в будущее. Все ради детей. А здесь, в России, нас пока объединяют только война и смерть (вместо человеческого патриотизма новоявленный президент Путин стал навязывать силовой). «Простые» люди чувствуют себя униженными и обманутыми. Общество раздроблено, между социальными группами почти не осталось взаимопонимания. В этом смысле идея многопартийности (когда партии выражают интересы различных социальных групп) может еще более усугубить раздробленность общества, породить конфронтацию уже не просто между властью и на-

родом, а между отдельными слоями общества. Что из всего этого получится, трудно сказать. Ясно одно: цивилизованная национальная идея, если она все-таки возможна в нашей стране, должна вырваться в гущу народной жизни, в тиши кремлевских кабинетов ее придумать невозможно. Даже если для этого привлечь самые лучшие национальные умы и проштудировать весь мировой опыт.

Кровавая память

Как заметил известный исследователь Центральной Азии Лев Гумилев, каждый известный науке облик народа несет в себе не только печать окружающей среды, но и накапливаемое прошлое, формулирующее стереотип его поведения. И если мы хотим избежать недоразумений, то надо знать биологию, историю и психологию своей нации. Непохожесть отражает связь человеческих популяций с окружающими их ландшафтами, которые составляют среду обитания, дают пищу и даже формируют эстетические и нравственные ценности. Пожалуй, самый главный парадокс Америки в том, что в ней каждый народ, большой или малый, раскрывает свои непохожие таланты, но страна от этого не рассыпается, а, наоборот, проявляет себя как единое целое. У нас же, кроме административных обручей, ничего толкового, объединяющего пока не вызревает, ибо мы опираемся на свой исторический опыт, а он у нас помнит в основном завоевания, расширение территории и т.д. Некоторые мыслители (кинорежиссер Александр Сокуров) предлагают русским отказаться от исторической памяти, точнее от той ее части, которая связана с войной и завоеваниями, полагая, что достоинство нации определяется не наличием побед в войнах и количеством полководцев. Но возможно ли вообще такое самоотречение? Боюсь, что нет. Наше сознание просто не воспримет этого — как это, возмутимся мы, наши деды это завоевали, а потомки пустят все на распыл?! В наших головах пока невозможно уложить мысль о том, что важно качественно обихаживать каждый клочок своей земли, а не засорять гигантские территории. Чтобы россияне это поняли, надо каждого свозить в западную страну. Или насаждать нормы быта, необходимые для любого общества (западного, восточного и т.д.) сверху, что вообще абсурдно. А при нашей изворотливости еще и червато всяческими извращениями. Говорят, развитость стра-

ны визуально определяется наличием ночью электрического света и отсутствием бродячих собак. Введи какая-нибудь международная организация официально такие стандарты, мы бы сразу осветили все улицы и передушили собак (шариковых, славу Богу, в России и сейчас хватает) — и больше бы ничего делать не стали. Однако абсурды абсурдами, но в практическом преломлении без определенного просвещенного насилия все-таки не обойтись, тем более что русские все еще по привычке склонны доверять государству и плевать на «мнимые» свободы. Когда наш народ не чувствует жесткой руки, он теряется. Поэтому люди приветствовали появление Путина. И все же это не значит, что свобода нам противопоказана. Между государством и обществом должны быть взаимоприемлемые правила игры. Сейчас они утеряны.

Мы снова материал на стройке «светлого будущего»

Говорят, единственное, что объединяет русских сейчас, после распада СССР, — это желание заставить иностранцев уважать свою страну. Но, повторюсь, мы все еще не знаем, как возродить ее былое величие на новой основе. Простое провозглашение «цивилизованных» ценностей не способно освободить нас от предрассудков и пагубных привычек. До тех пор, пока жизнь огромной страны будет зависеть не от производства, а того, как успешно мы обмениваем газ и другие дары своей земли на Его величество доллар, промтоварный и продовольственный ширпотреб, о качественно иной роли в мире не может идти речи. Но, похоже, мы так увлекаемся, что порой напоминаем хрестомагийных туземцев, отдающих слитки золота за безделушки. И пока россияне стараются изображать из себя западных людей, на самом Западе на них смотрят как на подростков цивилизации, которые любой демократический принцип могут довести до абсурда. По большому счету, Россия никогда не была готова к созданию государства европейского типа. Вся ее история — это своего рода волны сначала принятия, а затем отрицания либерализма. Сколько ни пытались наши западники, начиная с Петра I, превратить Россию в «правильную страну», — итог известен. Такие попытки впрыгнуть в «чужие штаны» далеко не безобидны. До поры до времени они сходили с рук, но сейчас страна успела очень сильно подточить столпы, на которых

всегда стояла — государственность, державность, патриотизм, а рядом не возникло никаких других органичных подпорок. В итоге все стало рыхло, не выстроено. Никто никому и ни во что не верит. У народа отняли пусть странную, трижды абсурдную и нереальную мечту о светлом коммунистическом будущем. И пока не дали ничего равноценного взамен. Мы опорочили идею коммунизма, теперь с таким же успехом порочим идею капитализма. Хорошо жить, вкусно есть — это не мечта для великой страны (тем более что и этого сплошь и рядом нет). Война на Северном Кавказе, сплотившая на какое-то время часть нации, — это тоже не идея, а предпосылка для ее воссоздания на новой основе. Тем, кто будет формулировать политическую и человеческую доктрину страны, хотелось бы еще раз напомнить фундаментальные азы: ни дореволюционный, ни советский человек не разделял Родину и государство. Он всегда испытывал потребность осознавать себя частью чего-то целого, большого — Родины, идеи, Бога, Родина была для него матерью, а государство — отцом. Государственная власть была сакральной. Российский человек относился к ней как к силе, которая отвечает в его жизни едва ли не за все. Не думаю, что надо огульно считать эту особенность нашего самосознания ущербной. То, что раздражает некоторых либеральных мыслителей, образовалось не вдруг, оно сформировалось на протяжении веков, когда гражданин постоянно находился под властью гражданина-Левиафана. И государственная власть воспринималась главной силой, а все остальное — экономика, наука, культура и т.д. — как бы приложением к ней. И народу, и самой власти такие отношения казались разумными и необходимыми. Малейшие попытки поставить народ выше государства превращались в анархические проявления «свободного» русского духа, в известный всем бессмысленный и беспощадный бунт. Изменить нам свое сознание, а по большому счету — генетическую память, в одночасье невозможно. Мы не в силах сделать немислимое сальто в сторону и встать рядом с западными странами, которые, как ни обидно это признать, по уровню своего цивилизационного (но не культурного) развития ушли далеко вперед. Кто не соглашается с этим, кто не чувствует корневой связи с родиной, тот уезжает. А те, кто хотят принести пользу нынешней России, остаются. И многие из них понимают, что уважительное отношение к стране своих граждан возможно только при уважении ее на международной арене. Можно ли его возродить? Об этом в следующей, заключительной главе.

6. ПЛАНЕТА У НАС ОДНА

Этот рашен очень страшен?

На нашу страну и ее представителей в мире очень часто смотрят через призму отрицательных стереотипов (главный: Россия — страна воров и лентяев). Они навеяны не только средствами массовой информации и кинофильмами невысокой пробы, но поведением россиян за рубежом. Неприятное соприкосновение с негативно-ироничным отношением к себе я остро почувствовал в Женеве в октябре 1999 года. Опьяненный дневной прогулкой по этому удивительному городу, шел в корпункт РИА «Новости», к его заведующему Алексею Липовецкому. Женеве — одновременно один из центров мира (в ней расположена штаб-квартира ООН и Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, по приглашению которого я и приехал в Швейцарию) и небольшой провинциальный городок (что-то около 160 тысяч жителей), который легко обойти пешком. Я прокладывал себе путь по карте, время от времени спрашивая у любезных женеvцев (в основном это французы), верно ли иду. Зная, что они понимают по-немецки, представлялся германцем, они приветливо улыбались и корректировали мой путь. В какой-то момент почувствовал, что бреду не совсем туда. На улице стемнело, прохожих почти не осталось. В одном из дворов увидел, как две мадам прогуливают собаку. Попытался заговорить. Но контакта не получалось — они не понимали мои объяснения ни на немецком, ни на английском. Я разволновался и зачем-то начал рассказывать, что приехал из России, с Урала.

— Русский? Рашен? — оживились женщины. — Ха-ха-ха! На здоровье!

Что удивительно, но все иностранцы — будь то американцы, англичане или жители Швейцарии — произносят это легендарное «на здоровье» с поразительно одинаковым акцентом. Того и гляди, слово станет интернациональным, понятным во всем мире, так же как испанское «мачо» (крутой мужик). Скажешь с ироничной улыбкой на губах «на здоровье» — и всем ясно, что речь идет о русских пьяницах...

Прошу дам позвонить Липовецкому по мобильному телефону (в Швейцарии он уже тогда был у всех) в надеж-

де, чтобы он им объяснил, куда мне идти. После недолгих переговоров они указывают дорогу. Дома за ужином Алексей достал бутылочку красного швейцарского вина, и мы продолжили наши беседы о русских в мире — мой собеседник долго жил в Канаде, часто бывал в США...

Американский мировой «пунизм»

Россияне привыкли видеть на карте мира с одной стороны Северную и Южную Америки, а с другой — Евразию, Африку и Австралию. Американцы же смотрят на мировую географию принципиально по-иному. В центре их карты мира находится, естественно, Америка, а Евразия, разорванная на две части, помещена по краям. Такой вот американский мировой пунизм...

Говорят, Зигмунд Фрейд считал Америку большой ошибкой. Не знаю, что имел в виду знаменитый психиатр. Могу лишь предполагать: возможно, он считал, что психологически американцы в чем-то не совсем похожи на людей, которых принято считать нормальными. Чем больше человек переживает трудностей, тем взрослее и серьезнее он становится. Американские же обыватели, повторюсь, — это большие наивные дети из хорошей семьи. Они искренне не могут представить, что и их страну можно не считать самой главной в мире и не любить. Им нравится спрашивать приезжих об Америке и слышать в ответ восхищение. В какие-то моменты мне казалось: эти люди и знать ничего не хотят о том, что есть какой-то другой мир (в аэропорту Кеннеди таможенник долго удивлялся, что один из пассажиров не знает английского языка. Он и подумать не мог, что кто-то не знает языка ТАКОЙ страны). И уж тем более янки не могут представить, что дети из «плохих», малоразвитых «семей» их тихо ненавидят.

Если продолжать географический уклон, то можно сказать, что философия американского общества действительно во многом определяется местонахождением этой страны. США граничат всего с двумя государствами — с Канадой и Мексикой. Остальной мир для обывателей Штатов далек, они отделены от него океаном. Россия же граничит едва ли не со всем миром, соприкасаясь в том числе и со многими недружественными странами. Естественно, нам небезынтересно знать, что происходит в смежных государ-

ствах, нас постоянно беспокоит, не идет ли оттуда угроза. Американцев же глобальные вещи мало волнуют, они обдумывают сугубо земные дела — как дети пойдут в школу, как уменьшить налоги и т.д. На это ориентируются и средства массовой информации. Перед моей поездкой за океан один знаток Америки сказал парадоксальную для россиянина вещь: мол, в то время как в нашей стране все с болью в душе следили за бомбежками НАТО Югославии, американцы просто не заметили этой войны. Так ли это, спросил я в редакции газеты «Пионер-пресс».

— Нет, — ответили коллеги, — мы писали об этом, ведь там тратились деньги наших налогоплательщиков.

— Только поэтому?

— Да.

Вот такой махровый прагматизм. И никаких тебе гуманитарных сантиментов... Но ведь бомбили-то не Африку какую-нибудь, недоумеваю я, а центр цивилизованной Европы. И тут же понимаю, что, сказав «Африка», сам стал чем-то похож на своих собеседников. Через день, во время визита на местную телекомпанию, вновь завожу разговор о Югославии.

Коллеги вспоминают, что делали репортажи из Албании — там находился госпиталь из Миннесоты.

Как оказалось, американские телеканалы вообще не показывали кадров с сербской стороны (не раз высказывалось мнение, что все независимые средства массовой информации этой «суперсвободной» страны направляет какая-то невидимая рука, этаким аналог нашего приснопамятного агитпропа. На эту же мысль наводит и то, как однобоко американские журналисты показывают вторую чеченскую войну). В итоге «загадочная американская душа» оказалась не готова к более широкому, гуманитарному восприятию югославской трагедии. Янки, как мне показалось, вообще легко управляемые, «зомбируемые». В тот момент в их голову-компьютер просто не вложили соответствующую программу, а думать самостоятельно большинство из них просто не привыкло. В Сент-Поле я видел пикет против экономических санкций Ираку.

— Они на самом деле сочувствуют. Или так развлекаются? — спрашиваю у русской студентки Ларисы.

— Да просто увидели по телевидению сюжет и «возбуждились». Такие люди не могут не быть надежной опорой американскому государству.

Национальная бомба?

Надписей в туалетах Америки я не видел, пока не посетил сортир университета Миннесоты. Там было: «Бомба для Саддама» и «Забери деньги у нигера». Последний пассаж меня несколько озадачил, ибо перед поездкой выслушал целую лекцию о том, что нельзя говорить «негр», что все в Штатах равны и т.д. Но потом еще несколько раз сталкивался со скрытым роптанием по поводу «распустившихся» афроамериканцев. Два негра с парохода, стоявшего у причала Миссисипи, громко заржали, когда я, белый человек, ни с того ни с сего вдруг начал их фотографировать. В этой стране (а точнее — уже в самолете, вылетающем из Москвы) сразу замечаешь и евреев. Но отнюдь не по характерной внешности, а по национальной одежде с неперменной непопадающей кипой (она крепится на шпильке). Иудеям, как я понял, очень важно выделяться, а не ходить в «интернациональной» цивильной одежде (вот был бы маскарад, если бы люди разных национальностей, летящих в Штаты, вырядились в свои косоворотки, шаровары, набедренные повязки и т.д.). Наверное, это лишний раз напоминает об их былой униженности. Как и особая, кошерная пища, подаваемая стюардессами в первую очередь. Еще заметил, что в Америке любят пошутить насчет вьетнамцев — показывая на непрестижные многоэтажные дома, мои сопровождающие мимоходом, с улыбкой обмолвились, что в них живут вьетнамцы. Но когда я начал это записывать в блокнот, засмеялись. Я понял, что это была такая шутка. Вьетнамцев, которые воевали на стороне США, в стране сейчас поддерживают, но не сильно любят. В целом же, как я понял, белые американцы не желают особо вникать, кто из людей другого цвета кожи и разреза глаз к какой нации принадлежит. Когда на фермерском рынке, где торгуют сплошь «лица азиатской национальности», я спросил у сопровождавшей меня Эйди, из каких они стран, она ответила, что это азиаты. И все, ей о них больше знать ничего не хочется. Принято считать, что в годы перестройки у нас распрямылась национальная пружина, сжатая большевиками, — отсюда все конфликты в «горячих» точках. Если в США тоже есть какие-то подспудные противоречия между нациями, то возникает естественный вопрос: не перерастут ли они со временем во что-то конфликтное? Мы говорили об этом с блестящим журналистом-известинцем Мэлором Стуруа (на его работах воспитывалось не одно поколение журналистов, в том числе

и автор этого очерка). Мэлор Георгиевич сейчас работает профессором университета Миннесоты и подчеркивает, что он в Америке не в эмиграции, а в командировке. Этот знаток Нового Света считает, что в Америке может что-то случиться в XXI веке, во второй его половине, когда темнокожие граждане станут большинством. Рискну, «посрамив» классиков марксизма-ленинизма, высказать соображение о том, что в принципе в любом обществе потенциал конфликтности сильнее именно в сфере межнациональных отношений, а никак не в противоречиях между бедными и богатыми, трудом и капиталом. Если говорить конкретно о США, то разрыв в уровне жизни не такой большой, и потом — бедные имеют все необходимое, им просто незачем бунтовать. Давно замечено: когда какой-то народ долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры поведения, вкусы и воззрения единственно возможны и правильны. А если и бывают где-нибудь какие-либо отклонения, то это от необразованности. Видимо, именно тут кроются истоки некоторого высокомерия американцев по отношению ко всему остальному миру.

Русский борщ на берегах Миссисипи

Американцы очень мало интересуются не только войнами в других частях света, но и вообще другими культурами и нациями. Многие в США не знают об условиях жизни и проблемах известных народов мира. По этой причине они могут задавать не вполне компетентные вопросы и делать заявления, которые могут показаться глупыми и бестактными. Чтобы хоть как-то восполнить этот досадный пробел, мы, журналисты из России, посетившие Миннесоту в одно время — Яна Жилиева из Москвы, Дима и Катя Котиковы из Ростова-на-Дону, а также переводчица Алла Онищенко — решили угостить наших американских друзей из Шорэвью русским (или украинским — как угодно) борщом. Каждый из нас к тому времени соскучился по простой вкусной еде, веселым застольным разговорам и песням. Честно говоря, мы и не предполагали, что приготовление и поедание элементарного борща станет способом наиболее тесного за все пребывание в Америке взаимообогащения двух культур (на таких стыках острее чувствуешь привычное, они создают почву для появления нового качества).

Американцы наблюдали за нами, как за туземцами или сумасшедшими. Мы собрались в доме Билла и Кэти, оккупировали всю просторную кухню и спорили, как что чистить, резать и закладывать в кастрюлю. Кто-то авторитетно ссылался на бабушку из Одессы, кто-то просто на украинское происхождение (как потом оказалось, толком борщ никто никогда не готовил). Не менее ответственным моментом вечеринки был выбор места для поедания нашего «варварского» блюда. Я уже имел достаточный опыт походов в американские гости, поэтому сразу сказал Биллу, что с борщом в руках много не побегаешь, надо сидеть за столом на месте. Затем, видя приготовления хозяев, набрался наглости и попросил его достать не одноразовую, а нормальную фарфоровую посуду. Кто-то из нас вспоминает, что в свое время Ленин писал, что при коммунизме тарелки не надо будет мыть, их будут выбрасывать. Все дружно смеемся, но мы просим все-таки не одноразовые тарелочки. И совсем ставим беднягу Билла в тупик, когда велим ему найти не одноразовые стаканчики (этого наши славянские души вынести не могли), а стеклянные рюмочки под водку (ее привез с собой в Америку «гениальный» Дима из Ростова-на-Дону). Наблюдавшая за этим Мэри (о ней я писал во второй главе) задала вопрос, который мы несколько дней вспоминали с диким хохотом. «Вы что, водку в борщ наливать будете?» — спросила она. Билл порылся в шкафу и откуда-то из дальнего угла извлек разномастные рюмочки и стал их протирать (удивительно, что они вообще в его доме нашлись).

Сели на широченной открытой веранде (не знаю, как назвать это место по-американски). Мы, как ошпаренные, носили туда тарелки с борщом — боялись, что остынет и наши друзья не испытают его настоящий вкус. Мы сидели рядом с Яной Жиляевой и по ходу нашей «экзотической» трапезы обменивались наблюдениями. Нас «убивало», что детишки — Микела и Бриан — не притрагивались к борщу. Через пару минут Яна тычет мне в бок и, указывая глазами на девчонок, которые наш долгожданный борщ стали запивать «Кока-колой», тихо иронизирует: «Дикие люди!» Наверное, думаю я про себя, русский борщ все-таки лучше есть на берегах Волги или Оби, а «Кока-кола» — она и в Африке «Кока-кола». Делимся наблюдением с американцами. Кто-то из них парирует довольно остроумно: «Русские сумасшедшие: водку пьют холодную, а колу — теплую».

Дима говорит тост о том, что он не ожидал, что американцы такие душевные люди. Нам тоже говорят какие-то прият-

ные слова. Видно, что хозяева не проявляют воспитанность, им действительно интересно с русскими. Янка говорит, что она рада тому, что с американцами можно общаться не только на расстоянии 60 сантиметров. И поясняет, что так ее инструктировали перед поездкой в Америку. Эйди в ответ рассказывает, что их тоже инструктировали, говорили, что русские много едят, а вы, ребята, едите не много. Мы долго и весело делимся впечатлениями друг о друге и наших странах. Оказывается, Сантья (читайте вторую главу) три раза была в России. То, что увидела в провинции (бедность российскую), ее расстроило. «Но вы все больше становитесь похожими на нас», — сделала она нам сомнительный комплимент.

Дети борщ все-таки съели. А на прощание они нам звонко пропели (кто-то из взрослых их успел этому научить): «До свидания».

Рядовые люди свою миссию выполнили, думал я, возвращаясь с этой вечеринки. А что же наши правители и дипломаты? Об этом — в следующих главах.

Нам не жить друг без друга

В последний вечер Боб, у которого я жил в Сент-Поле, был особенно откровенным. До этого он старательно избегал разговоров о политике, но тогда, сидя на улице под звездным небом Миннесоты, рассказал, что всю жизнь с ужасом ждал, что какой-нибудь пьяный русский офицер запустит в сторону Америки атомную бомбу. И до сих пор удивляется, почему этого не произошло. Боб признался, что он и представить не мог, что русские будут приезжать в город и жить у него дома. Поговорили мы и о Второй мировой (нашей Отечественной) войне. Из слов Боба я понял, что американцы считают, что мы недооцениваем их помощь — машинами, продовольствием. Без этого, говорит он, не было бы общей победы. Я слушал и понимал, что на уровне разума возразить что-либо трудно, но эмоции русского человека, потерявшего во время Великой Отечественной деда, не могли смириться с таким деловитым толкованием истории.

Боязнь пьяного русского офицера идет от западного стереотипа, что в России все ненадежно, русские непредсказуемые и т.д. Он пока остается незыблемым, поскольку опирается на наши реалии. А вот время, когда проблемы России в США обсуждались на уровне антикоммунизма, антирусскости, хочется верить, уже прошло. Американцы

довольно часто спрашивают, как нам, русским, нравится новая жизнь в России (не реформы Путина, а в более широком плане — перемены за последние лет десять). Когда я на такой вопрос мэра Шорэвью ответил, что не согласен с распадом СССР, она очень удивилась: мол, если приехал к нам, значит — супердемократ, который бездумно принимает все, что изменилось за последние годы в России. Постепенно я понял, что интерес у янки не праздный. Америка считала и считает себе ответственной за все происходящее в мире и, как мне показалось, — особенно в России. Профессор Джеймс Виллингтон, директор Библиотеки Конгресса США (по ее приглашению я и побывал за океаном) и специалист по истории российской культуры, считает, что вопрос будущего России — это вопрос ее взаимоотношения с Западной Европой и с Америкой, поскольку Америка, по его мнению, сегодня является центром европейской цивилизации. Понимаю, что европейцы ушли в Новый Свет, но все-таки спорно, что США — центр Европы.

России не привыкать контактировать с другими культурами. Духовная культура Запада и культура православия всегда находили точки соприкосновения. Главное — не подогнать вторую под первую. Россия, считают американцы, будет играть важнейшую роль и в преодолении конфликта между исламским и христианским мирами, между Западом и Китаем. Американцы, подходящие к взаимоотношениям наших стран глобально, убеждены, что США и России надо сохранить отношения еще и потому, что в будущем веке мировое противостояние будет проходить по линии Север — Юг, где развитые страны и Россия — Север, а азиатский и исламский мир — Юг. Американцы, имеющие неистребимое чувство превосходства над всеми (они его лишаются, когда видят, что перед тобой равный), стараются научить нас едва ли не всему. И рассматривают эти свои действия как миссию. Это не может не вызвать нашего удивления.

Общего у нас больше

Исходя из понимания своего мирового «пупизма», американцы заботятся и о нашем развитии. Делать им это в принципе не сложно. Денег в стране хватает, поэтому Конгрессу США не составляет труда финансировать различные программы, связанные с Россией. «Мы никогда не воевали друг против друга, — заметил Джеймс Веллингтон, — но

никогда и не были близкими союзниками. В отношении стран нужно привнести больше конструктивности». Близики к нему по духу и издатели лучшей эмигрантской газеты «Новое русское слово». Ее главный редактор Валерий Вайнберг подчеркивает, что газета видит миссию в том, чтобы способствовать сближению российских граждан с американскими. Живым мостиком между ними являются эмигранты. Точнее, те из них, которые не могут в одночасье взять и забыть Родину, ибо понимают, что Россия — это «не красные президенты на час», а оставшиеся в ней родные и друзья.

Желающих поучаствовать в американских программах в нашей стране хоть отбавляй. Мы, постперестроечные россияне, как бы заново открываем себе мир. В нем лавиной расширяются контакты между странами и народами, научные, культурные и прочие обмены. И они, хотим мы этого или нет, обогащают россиян новым опытом, побуждают их делать более ясный выбор между старым и новым, добрым и злым. Американцы верны себе, они и тут преследуют свой собственный интерес, он для них в том, чтобы демократические надежды в нашей стране реализовались. Им это надо, прежде всего для собственного спокойствия, чтобы не вернулось время холодной войны и страха. У этих людей есть все, кроме чувства спокойствия, уверенности, что все в мире предсказуемо и подконтрольно. Эта внутренняя тревога портит их самоощущение. Янки уже отстроили безопасную и стабильную Европу (в этом смысле, конечно, Америка — центр Европы), теперь думают, как присоединить к ней Россию. Они понимают, что именно демократическая Россия может стать им надежным партнером в сфере контроля над вооружениями. Протягивая нам руку, янки, тем не менее, не прочь добиться снижения мировых цен на нефть и тем самым ослабить Россию. Но не настолько, чтобы она распалась или встала на колени — раненого русского медведя в США боятся еще больше. Но, с другой стороны, американцы не хотят, чтобы нынешняя Россия восстановилась до уровня СССР (территориально, экономически и т.д.). Они, как мне показалось, не прочь закрепить нынешнюю, не очень сильную, но и не совсем слабую ситуацию в нашей стране. При таком силовом раскладе им удобнее проводить свою общую стратегическую линию.

Многие программы американцев в России направлены на то, чтобы упрочить демократию снизу. Они, конечно же,

понимают, что у нас все решалось и решается сверху, но ростки внизу все-таки надо высаживать. В прошлом году по программе обмена больше тысячи завтрашних российских лидеров побывали в Америке, где познакомились с работой своих коллег. Многие российские предприниматели воспользовались американскими учебными программами, консультациями или малыми кредитами. Америка способствует развитию независимых российских средств массовой информации, в числе которых 300 региональных телекомпаний, помогает независимым профсоюзам. Агентство международного развития США напрямую сотрудничает с более чем 15 процентами из 65 тысяч неправительственных организаций, которые начали действовать в России.

Американцы знают об отношении значительной части российского общества к этим программам — очень многие наши сограждане везде видят уши ЦРУ, — но не оставляют своих попыток. Их наивная уверенность в том, что они смогут нас «приручить», поставить в рамки, по-своему восхищает. Однако ирония иронией, а все же это лучше, чем враждебность и презрение, риск вновь сотворить себе врага. Сотрудничество России с Западом и для них, и для нас является единственной возможностью защитить мир и себя от международного терроризма и ядерной войны.

Как на Западе, у нас не будет никогда?

Что и говорить, нелегкую задачу ставят перед собой самоуверенные янки. Берясь перевоспитать нас на «цивилизованный» лад, они не могут не понимать, что вся история России — это история войн и революций. Наша страна становится сильной и достойной только в экстремальных ситуациях (это лишний раз подтвердила вторая война в Чечне). Говорят, в мире таких ситуаций становится все меньше. С этим можно соглашаться или не соглашаться, но неоспоримо то, что побудительным мотивом для жизни страны и ее граждан должны быть не только агрессия и чрезвычайные ситуации. Человечество все больше начинает объединять культура. И идея такого объединения уже сама по себе становится воспитательной. Представители самых разных культур наконец-то начинают понимать, что есть нечто общее, стоящее поверх их амбиций и сиюминутных разногласий. Поэтому общемировая тенденция направлена сейчас на уменьшение насилия. А с появлением Интернета мир ста-

новится одной большой деревней. России и ее людям пока вписываться в нее трудно. Нам по-прежнему не очень комфортно среди западного сообщества, мы чувствуем себя внутри него не в своей тарелке. Поэтому к русским и относятся как к хорошим, но непредсказуемым парням. К тому же многие ученые сейчас обеспокоены тем, что машины и технология все время совершенствуются, а люди входят в XXI век такими же несовершенными варварами, какими были тысячу и две тысячи лет назад. И выносят приговор в том духе, что ни цивилизация, ни культура не в силах изменить природу человека. Они могут только причесывать его под общественно приемлемый стандарт. Русского человека причесывать сложнее всех.

Россию принято считать молодой цивилизацией. Если так, то значит ли это, что мы со временем повзрослеем, разовьемся и станем похожими на западных людей? Или русские ТАКИЕ навсегда? Я все чаще отвечаю на последний вопрос «да». И добавляю: мы ТАКИЕ только в своей стране. В другой среде наши люди на глазах начинают меняться. А россиян, попавших за океан в юном возрасте, вообще все принимают за американцев. Им это нравится. Нравится это и людям постарше, которым, конечно, труднее «закосить» под янки. Однако в делах они североамериканским «аборигенам» не уступают. Они закалились вести дела в нерыночных условиях и просто взлетают вверх, когда экономическая и прочая среда им более-менее благоприятствует. А в своей стране многие наши неудачи происходят оттого, что мы пытаемся все сделать быстро и по чужим лекалам. Последние шаги Президента РФ Владимира Путина по ужесточению властной вертикали в какой-то степени возвращают Россию в ее органическое правовое поле. Но это не демократия, а вновь ее русский вариант. Если он нам подходит, то слава Богу. Беда России в том, что в ней очень многие масштабные шаги по переустройству государства делаются, исходя из текущей ситуации. Поэтому у нас нет и, боюсь, никогда не будет вечной Конституции, как в США. Россия была и пока остается пародией на цивилизованную страну. У каждого покинувшего Россию в последние годы есть свои личные причины. Но объединяет всех понимание того, что в «этой стране» так ненадежно и неустойчиво будет всегда, что что-то разумное и «цивилизованное» в ней появляется только при каких-то дополнительных усилиях. А люди хотят не напрягаться и преодолевать, а просто жить. Это желание и вы-

талкивает их на Запад. И этот последний русский исход, повторюсь, пострашнее тех, что были после революции, после Второй мировой и в советское время. Тогда россияне уезжали все-таки с болью за Родину. Сейчас очень многие покидают страну навсегда, уезжают с твердой убежденностью, что русские из своего бардака никогда не вылезут.

Уехать, чтобы вернуться?

Штаты и дальше будут обогащаться за счет притока свежей переселенческой крови. Но, как оказалось, не один Александр Исаевич Солженицын вернулся в Россию. И среди «новых американцев» российского происхождения есть такие, кто возвращается назад. Софья, дочь переводчицы Аллы Онищенко из Екатеринбургa, с детства училась в американской школе. А закончить решила российскую. Причем сделала это осознанно. Девушка считает себя дитем двух культур. И решила, вернувшись в нашу страну, донести до своих сверстников все лучшее, что есть за океаном. Искушенные взрослые шутят: побалуется девочка, хлебнет российского лиха и убежит обратно за океан.

Я очень хочу, чтобы Софья осталась в России, чтобы Рассея стала наконец Россией, из которой никто никуда не бежит...

P.S. Автор благодарит за помощь: Библиотеку Конгресса США и лично Джеймса Г. Биллингтона, Американский Совет по Международному Образованию (АСПРЯЛ/АКСЕЛ), Консульство США в Екатеринбургe, «Ротари-клуб» и лично Роберта Джона Хойла и Эйди Викстром, Московский офис Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и лично Веру Соболеву, компанию «Журналист-ИРС» и лично Софью Дубинскую, собкора РИА «Новости» в Женеве Алексея Липовецкого, руководителя пресс-офиса Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Женеве Криса Яновского. Особая благодарность прекрасной переводчице Алле Онищенко и коллегам — непревзойденному мастеру Мэлору Стуруа, Янине Жиляевой, Дмитрию и Екатерине Котиковым.

(США, Штат Миннесота, Челябинск,
август 1999-го — июнь 2000 года, январь 2008 года)

ПРАГМАТИК С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Виктора Христенко можно называть правительственным долгожителем. В мае будет четыре года, как он работает вице-премьером. И, как ни странно, за все эти годы московский челябинец (или челябинский москвич) не давал большого интервью областным средствам массовой информации. «Челябинский рабочий» решил исправить это упущение. Мы, как принято говорить, «вышли с предложением». И вскоре редакции сообщили, что вице-премьер готов принять журналиста «Челябки» в субботу, в 11 часов московского времени.

Однако в 11 Христенко на месте не оказалось — появились какие-то срочные дела. Попросили прийти к 14 часам. И тут вице-преьера вызвали на совещание к премьер-министру Михаилу Касьянову. В итоге наша встреча состоялась в 16 часов.

Мы привыкли видеть Христенко по телевизору в застегнутом на все пуговицы костюме, что-то сосредоточенно комментирующим московским журналистам. «Субботний» вице-премьер мне показался спокойным и даже немного расслабленным молодым человеком. Стильная черная водолазка, подернутая сединой (по телевизору этого не видно) кучерявая голова и располагающая улыбка земляка.

— *Суббота у вас обычный рабочий день?*

— Да, хотя официально считается, что сегодня выходной. Поэтому я могу прийти без галстука, даже несмотря на то, что совещание у премьера.

— А галстук снять хочется?

— Очень хочется.

Перед тем, как зайти в кабинет, я в приемной посмотрел из окна и выяснил, что кабинет Христенко находится, если смотреть на всем известный фасад Белого дома, на пятом этаже справа.

— *Вы любите смотреть в окно?*

— Мечтать, глядя в окно, как-то в голову не приходит. *(Улыбается.)* Для этого нет времени. С другой стороны, сам кабинет иногда располагает в спокойной обстановке помечтать.

— Виктор Борисович, спасибо, что нашли возможность встретиться. Второй приход в правительство в качестве первого вице-преьера в мае 1999 года ваша пресс-служба, обыгрывая фамилию, удачно назвала вторым пришествием Христенко. Все заметили, что вы стали другим. Москва вас сделала злее, жестче?

— Ну, во-первых, я просто стал старше. Во-вторых, опытнее. Наверное, стал все-таки и чуть-чуть мудрее. А в остальном: лучше всего, наверное, спрашивать, как я изменился, у людей, с которыми я сталкиваюсь по работе, по жизни. А в основном, как мне представляется, я остался прежним.

— Вы пережили несколько премьеров. С кем из них работало лучше всего?

— Дольше всего мы в команде Касьянова. И для меня работа в нынешнем составе правительства абсолютно комфортна. Касьянов, я и Кудрин прошли школу Минфина, достаточно хорошо там взаимодействовали. Это дает, по крайней мере, два преимущества. Во-первых, мы достаточно легко профессионально друг друга понимаем. Во-вторых, больше знакомы по-человечески. А с точки зрения содержательной выгодно отличается от других нынешний период. Первое вхождение в правительство в 1998 году было для меня по-человечески сверхсерьезным испытанием. И, несмотря на то, что то правительство существовало не так долго, несколько месяцев, но это была очень яркая страничка в моей жизни.

— Люди, которые работали тогда с вами, говорили, что шли в Белый дом, как на войну, мол, несколько месяцев продержимся, и это уже будет хорошо.

— Вы знаете, многие люди со мной работают уже достаточно давно, и не только в Москве. И некоторые из них каждый раз, передвигаясь на какое-то новое место «посадки», спрашивают: зачем нам все это надо, может, уже успокоимся, уgomонимся и займемся чем-то более простым? У меня находится только один ответ: да, трудно, да, тяжело, а иногда просто невозможно некоторые вещи переносить. Но, с другой стороны, так интересно уже нигде не будет. И, по сути, вот этот весь последний десятилетний период, начиная с Челябинска, — это жизнь и работа в живой истории, к которой ты имеешь не самое последнее отношение. Повезло, я считаю.

— Нашим читателям интересно узнать о «бытовых» отношениях высоких правительственных чиновников. Многим

запомнился эпизод в книге Бориса Немцова «Провинциал», где он описывает, как они с Анатолием Чубайсом, имея одну приемную, «по-хулигански» посылали друг другу записки фельдъегерской почтой. Кто в правительстве с кем дружит, кто где обедает, есть ли в Белом доме «корпоративные вечеринки» и т. д.

— Где у нас другая сторона жизни? Очень трудно найти эту сторону: все время работа здесь, в Белом доме, за минусом сна времени остается почти ноль. И сон, в общем, не такой крепкий. Поэтому, по сути дела, здесь все сосредоточено. К сожалению, наверное.

— *Где вы обедаете?*

— Каждый, как правило, обедает на рабочем месте. Длительное время я вообще не обедал. По одной простой причине: я, когда плотно поем, становлюсь немножко вялым и слишком добрым. А в силу того, что характер деятельности не предполагает избыточной доброты, то это было, с точки зрения работы, просто вредно. Потом я как-то приспособился. У меня на обед уходит 10—12 минут, это максимум. То есть я как бы не обедаю, а заправляюсь.

— *И чем же вы заправляетесь?*

— Ну, это надо вас на обед пригласить, а то не поверите. Традиционно, если честно говорить, в Белом доме мой обед выглядит следующим образом: рис отварной, овощной салат — помидоры, огурцы, оливки — и чашка зеленого чая.

— *Это какая-то специальная диета?*

— Это не специальная диета, но самой жизнью подобранный вариант, который потом не требует от организма колоссальной энергии на борьбу с продуктами.

— *Ходит слух, что у высоких московских чиновников есть специалист по похудению. Его передают друг другу. Правда, что сейчас в Москве мода на худых чиновников?*

— Мода на некий спортивный стиль, на подтянутость, на полукульт тела действительно есть. И в общем нетрудно догадаться, откуда все пошло. Но это связано не только с тем, что президент у нас абсолютно спортивный. А с тем, что глава государства — чрезвычайно работоспособный человек. Для того чтобы быть готовым к тому, что поручения и задачи перед тобой ставятся в жестком, четком ключе, надо болезни и прочие тяготы жизни отодвинуть на второй план. Если еще и с ними бороться, то просто сил не хватит. Поэтому, с одной стороны, это вынужденно. А с другой, я с вами согласен, — это модно. Хотя и то, что вы говорите относительно слухов, тоже не лишено оснований.

Что касается корпоративных вечеринок: я не кокетничая, к сожалению, для этого не хватает времени. Умный ты не умный, коммуникативный — не коммуникативный, компромиссный — не компромиссный — это в работе проявится, а не на вечеринке. А вечеринки у нас бывают. Вот вчера был ужин, на котором мы коллегу мою, Валентину Матвиенко, провожали. Честно говоря, я всегда испытываю перед такими «мероприятиями» некоторую дрожь. Как мы друг к другу относимся, и так известно. И Валентине Матвиенко, и мне. Когда надо делать из этого некое публичное представление, я всегда себя чувствую неловко. Но тем не менее эти вечеринки возникают. И не всегда повод такой. На Новый год собираемся, на дни рождения.

— *Спиртное при этом употребляете?*

— Я очень мало употребляю. К сожалению или к счастью, — не знаю.

— *Коньяк?*

— Да, но на самом деле люблю текилу. Вот не знаю почему — в Мексике ни разу не был, а текила нравится. Это такой ковбойский напиток.

— *Известно, что Анатолий Чубайс во многом способствовал вашему переезду в Москву — после того, как, будучи вице-губернатором, успешно поработали на выборах президента в Челябинской области в 1996 году. Сейчас у вас какие отношения? Они сугубо официальные или личные?*

— Отношения у нас абсолютно рабочие, нормальные. Никаких проблем в них не было, нет и, надеюсь, не будет. Дел много, они интересные. Поэтому контакт с Чубайсом постоянный. Работать достаточно легко. Но это не означает, что мы всегда со всем соглашаемся. Взаимодействовать легко в силу времени, опыта и, наверное, ментальности.

— *В последнее время модной стала тема природной ренты. Некоторые депутаты намерены строить на этой теме свою предвыборную кампанию. Это, на мой взгляд, достаточно сильный пиаровский ход — вопрос содержит максимальную дозу популизма, способную поразить воображение самого замшелого обывателя. Как вы думаете, способна ли верховная власть существенно прищемить интересы олигархов?*

— Вот это слово «прищемить»: от прищемления ничего, кроме крика, не рождается. Что значит прищемить олигархов? И кого? Дерипаска — это олигарх или не олигарх?

— *Олигарх конечно.*

— Ну давайте его прищемим. Он чем занимается? Алюминием, все знают. Но он занимается и автомобильной

промышленностью. Это, кстати, касается и Челябинской области, Уральского автомобильного завода и завода имени Коллющенко. Ну, прищемим мы Дерипаску. Что это означает? Не будет инвестиций в автомобильную промышленность и так далее. И второй вопрос возникает сразу: а для чего прищемлять? Для того чтобы больше взять? Для чего больше взять? Для того чтобы больше потратить? Куда потратить? Государство сегодня реально изымает из экономики порядка 37 процентов вновь созданной стоимости. Это много. А с учетом структуры нашей экономики, которая вся сырьевая, что мы в результате имеем? Мы имеем структуру, сориентированную на 30 процентов на углеводородное сырье — нефть, газ — и на сырье для цветной и черной металлургии. У нас есть, в лучшем случае, структура первого передела. И вся экономика держится именно на эффективности этих секторов. Ну, прищемили, ну забрали. А куда тратить-то будем? Один раз только удастся потратить, надавав людям обещаний.

Мы понимаем, что у нас вся перерабатывающая часть до сих пор не может подняться или поднимается очень медленно и структурные сдвиги не происходят, мы все равно в значительной степени остаемся сырьевой страной. Поэтому у нас с этим связаны и все внешние угрозы. Что-то произойдет с ценами на нефть, как это отразится на нас? Почему вопрос такой задается? Потому что мы не потребляем нефти столько, сколько ее производим. Производим гораздо больше. И перераспределение нагрузки с перерабатывающего сектора на добычной — это то, что сегодня реально обсуждается в правительстве. Это означает, что надо не прищемлять, а догружать добычной сектор, освободив перерабатывающий. Дать ему возможность вздохнуть, облегчить его бремя, чтобы он мог начать развиваться по крайней мере как добычной сектор. Здесь эта вещь рациональная, но прищемить, чтобы забрать и неэффективно потратить, причем эта неэффективная трата моментно скажется на всех макроэкономических показателях, — это чистый обман.

— *С вашего позволения от «прищемления» олигархов перейдем к «прищемлению» Ирака. Уже говорилось о том, что в начале войны цены на нефть сначала резко поднимутся, а потом упадут. Что будет с экономикой России?*

— В сегодняшней высокой цене на нефть уже сидит военная премия, так условно назовем. Ожидание боевых дей-

ствий на ближневосточном направлении игроками рынка уже заложено в нее. И если полгода назад военная премия могла быть три—четыре доллара, то сегодня, на мой взгляд, она закладывается игроками рынка на уровне пяти—семи долларов.

Если развивается сценарий боевых действий, то, безусловно, исходным моментом будет рост этой военной премии, цена вырастет. Если война будет быстрой, то одна ситуация на рынке. Если это длинный сценарий, то другая. При длинном сценарии будет повышательная тенденция. В коротком сценарии, в зависимости от того, кто и как будет контролировать нефтяные ресурсы Ирака, появится понижительная тенденция в цене на нефть.

Можно рисовать какие-то запредельные прогнозы, что цена вырастет до 80 долларов или что она потом упадет до девяти долларов за баррель. Все эти крайние вещи лишены оснований. Скорее всего, цена будет понижаться только до уровня 18 долларов. И вряд ли будет ниже, поскольку это связано еще и с эффективностью работы нефтяников в самих Штатах. Потому что США, несмотря на то, что являются крупнейшим импортером нефти (они покупают примерно 500 миллионов тонн в год), являются еще и одним из крупнейших добытчиков — там добывают больше 300 миллионов тонн нефти в год. Издержки по добыче в Штатах достаточно высоки, несоизмеримо высоки по сравнению с Ближним Востоком. Не всякую цену на нефть нефтяные компании в Штатах выдержат. Будет операция на Ближнем Востоке иметь последствия для России? Конечно будет. И понятно, что в первую очередь для тех средств, которые Россия сегодня резервирует для цели будущих периодов.

— *Правительство готовится к худшему варианту?*

— Готовится, оно понимает, что такие сценарии возможны. И мы понимаем, что это для России далеко не безболезненная вещь.

— *Виктор Борисович, хотелось бы поговорить о вашем влиянии на политические и экономические процессы в Челябинской области. О хороших отношениях с генеральным директором ММК Виктором Рашиковым знают все. Но есть южноуральские бизнесмены и политики, хорошие контакты с которыми вы не афишируете: Лейвиков, Караманов, Лазарев... Список можно продолжить?*

— Можно продолжить. Я могу называть фамилии — Саматов, Федоров один, Федоров второй. На самом деле список не такой длинный, но он не имеет никакого отноше-

ния к тому, что называется уральские бизнесмены и политики. Я в большинстве своем в бизнесе этих ребят понимаю очень мало и знаю очень мало. То же самое — об их политических настроениях и устремлениях. Я к этому отношусь по-человечески, но не как соучастник политического процесса либо бизнес-процесса. У меня нет в этом смысле бизнеса. Вы так с недоверием смотрите — не убедил, да? Я прожил 40 лет в Челябинске. Естественно, у меня друзья, просто друзья, появились именно там. Некоторые из них — мои однокурсники по институту, некоторых знаю «с горшка», некоторых — по какой-то совместной работе, где сложились просто личные отношения.

У нас, «секрет» открою, есть маленькая традиция: я свои дни рождения в принципе не отмечаю. В силу разных обстоятельств. Особенно не отмечаю в каком-то официальном масштабе. Просто очень не люблю ярмарку лицемерия и тщеславия, которая может возникнуть. Я очень ценю искренность и очень не люблю неискренность. Я от этого заболеваю. Поэтому стараюсь такие ситуации избегать. Но день рождения — это тот день, когда часть моих близких людей, независимо ни от чего, звал я кого, не звал — никого не зову! — все равно приезжают, собираются в уже известном месте.

— *А где это место?*

— Ну, тогда уже совсем большой «секрет» раскрою. (*Смеется.*) Приезжают, собираются. Ну вот последний день рождения — юбилейный, 45-й, было вообще забавно. Мне пришлось непосредственно отмечать его даже вне Москвы, в командировке. Я приехал на встречу, которую они вели уже четыре часа. Эта вот такая традиция, тот круг людей, с которыми мы просто лично дружны. А бизнесмены они, политики — это кому как повезло. На самом деле я больше всего боюсь того, что попытка дойти в том списке до конца может для них иметь какие-то последствия. Сегодня положительные, завтра отрицательные. И вот это, конечно, ублюдочность нашей жизни, когда любую такую вещь пытаются интерпретировать, выдать за какие-то интересы.

— *А с челябинской диаспорой в Москве вы общаетесь? Вообще можно сказать, что есть такая диаспора?*

— Ну, наверное, есть. Это зависит от того, кто выводит это понятие и для чего оно ему нужно. Я, конечно, принадлежу к челябинской диаспоре, я челябинец, южноуралец, если говорить шире. Честно говоря, для меня это много значит. Челябинск — моя родина, я туда приезжаю, по

крайней мере, два—три раза в год. Стараюсь появляться так, чтобы не быть замеченным, поскольку это абсолютно личные мотивы. У меня там мама, родня, могила отца, друзья. В последнее время, когда приезжаю, даже не всегда хватает времени, чтобы с друзьями встретиться.

— *Виктор Борисович, вы долго находитесь на вершине власти. Мы рады, что в Москве работает наш, южноуральский, «парень». Но рано или поздно придется уходить из Белого дома. Что вы выберете — выгодные предложения нефтяных и прочих компаний или возможность стать губернатором «чумазой», но родной Челябинской области? И вообще какой она выглядит с пятого правительственного этажа?*

— Я никогда за время всей своей работы не пытался выстроить второй план — вот сегодня я здесь, а завтра буду там — и к этому готовиться. Это, может быть, у меня в характере такое. Я просто не могу работать, когда думаю, что есть некий второй план. Дважды в одну и ту же реку не вступают. Нет у меня на сегодняшний день желания связывать свою карьеру, судьбу с исполнительной властью в Челябинской области. А область видится такой же родной. Вообще, вы знаете, оттого, что она родная, я, наверное, ее так и воспринимаю. Я всегда невольно вздрагиваю при двух вещах: когда говорят «Борис Николаевич» (у меня папу зовут Борис Николаевич, и президент у нас был Борис Николаевич) и когда произносят «Челябинская область», я сразу собираюсь. И всегда ощущение, что про меня самого будут что-то говорить, что кто-то обидеть хочет. И это сохраняется. 40 лет, прожитых на Южном Урале, — это достаточно много, чтобы, переехав в Москву, от этого взять и отойти. Поэтому, когда я приезжаю домой, к маме, я придиричиво смотрю на состояние дорог. Начинаю бурчать на эту тему. Некоторые вещи позволяю себе замечать, которые стали чуть похуже. А что касается области в целом, то лучше всего должны судить не мы, а вы, там живущие. Область, если как-то там ранжировать, не лучше и не хуже других. В начале 90-х мы говорили: пятая среди территорий страны по объему промышленного производства, по месту в российской экономике. Сегодня, к сожалению, уже не пятая. Это, конечно, задевает, но здесь объективные вещи, как раз те, которые мы обсуждали. Если бы южноуральская экономика в сторону сырья подвинулась... Но у нас в области есть черная металлургия и даже немножко цветной, а с нефтью и газом не повезло.

— *Спасибо, Виктор Борисович, за беседу.*

Расставаясь, Виктор Христенко подарил мне книгу о межбюджетных отношениях. Этой темой он занимался на посту заместителя министра финансов и, как говорят, сейчас самый большой в России специалист в этом вопросе. Книга фундаментальная и сугубо специальная. Она во многом является отражением самого вице-премьера Христенко, который считается правильным и даже классическим чиновником нового времени. Он умеет мыслить системно, методологически, профессионально знает свои темы, всегда четко отвечает на вопросы и «не высовывается», когда они не касаются его ответственности. Добавьте сюда фактурную внешность и приятный голос, и вы поймете, что при таком «джентльменском наборе» карьерного успеха, как говорится, не может не быть. Но есть мнение, что нынешняя супервысокая должность является все-таки потолком московского челябинца. Чтобы расти еще выше, в России требуются другие качества, то, что называется харизмой, чего у правильного чиновника быть не может. Похоже, Виктор Христенко со всем этим спорить не собирается. Но в отдельные моменты нашей беседы мне казалось, что у Виктора Борисовича с пресловутой харизмой не все потеряно. Надо только чаще снимать галстук.

(Москва, Челябинск, март 2003 года)

ГОРЯЧАЯ ОСЕНЬ МУРТАЗЫ

Сумрачная столица

...1 декабря, утро. Сойдя с поезда 181, сажусь в автобус 13. Внимательно слушаю, как с помощью магнитофонной записи по динамике объявляются остановки: сначала — зычным и красивым голосом по-башкирски, а затем — немного тягучим и надтреснутым по-русски. В какой-то момент то ли не расслышал, то ли помешал шум закрывающейся двери, но не только проехал мимо гостиницы «Агидель», но и прокатился по всему маршруту. Все время пялился в окно — хотел увидеть сквозь туман хоть какую-то наглядную агитацию. Наконец, на современной дорожной развязке узрел большой-большой плакат Ралифа Сафина, который известен как отец

певицы Алсу, бывший вице-президент «ЛУКойла», сенатор и кандидат в президенты Башкирии.

Раздосадованный невольной экскурсией ловлю такси, чтобы, наконец, добраться до гостиницы. Водитель «шестерки», мужик славянской внешности лет 45, «вводит в курс предвыборных дел»:

— Включаю республиканское радио, а там Веремеенко говорит — чудеса!

— Так его же зарегистрировали.

— Да? А я не знал!

— Что-то не вижу у вас на улицах предвыборной агитации.

— Увидишь еще — все тумбы Муртазой заклеены.

Выйдя из машины, в рассеянном утреннем тумане замечаю, что в витринах магазинов, парикмахерских и в других общественных местах развешены плакатики, строго напоминающие, что голосовать надо за Рахимова («Верь делам, а не словам», «Мы сохранили Башкортостан») и за «Единую Россию», во главе регионального списка которой — все тот же Муртаза Губайдуллович Рахимов.

Кто взорвал спокойствие?

5 ноября Башкирия была потрясена: рядом с жилыми кварталами и официальными учреждениями совершен террористический акт. Погибли два человека. Как выяснилось в ходе расследования, неизвестные преступники взорвали радиоуправляемое устройство в припаркованной на улице машине. А в сентябре на этом месте благодаря бдительности граждан и умелым действиям правоохранительных органов было обезврежено такое же взрывное устройство.

Исполняющий обязанности Президента РБ Рафаэль Байдавлетов выступил с обращением к жителям Башкортостана: «Не вызывает сомнений тот факт, что эти трагические события неразрывно связаны с проходящей избирательной кампанией, — заявил он. — Не секрет, что она проходит очень остро. Еще задолго до официального объявления республика стала объектом пристального внимания определенных финансово-промышленных групп и политических сил, которые не скрывают своих целей. Речь идет о попытке захвата власти и природно-экономических богатств республики. Для реализации своих тайных грязных планов эти силы избрали одну-единственную стратегию — дестабилизацию общественно-политической ситуации. Уже

много месяцев подряд против Башкортостана идет настоящая психологическая и информационная война. Она направлена на то, чтобы расшатать нашу спокойную жизнь, вызвать тревогу, страх и неуверенность людей. Я призываю всех к спокойствию и выдержке».

В розыск был объявлен житель Уфы Вячеслав Сенин, 1965 года рождения. Общественности сообщили, что он работал в службе охраны Баштрансагаза, обеспечивая безопасность на территории коттеджа, принадлежавшего Александру Веремеенко, брату ныне зарегистрированного кандидата в президенты Сергея Веремеенко.

Феномен Веремеенко

У Рахимова долгое время на выборах не было равноценного соперника. Политические старожилы вспоминают два имени. Сначала с Муртазой (так в Башкирии чаще всего называют своего президента) безуспешно пытался соперничать Рафис Кадыров, прославившийся на всю страну своим банком «Восток». Затем, на предыдущих выборах, с «бабаем» решил потягаться предприниматель Александр Аринин. Помня это, никто в начале 2003 года не воспринял всерьез старт пиар-кампании совладельца ЗАО «Международный промышленный банк» Сергея Веремеенко.

Когда официально было объявлено о начале предвыборной гонки-2003, Веремеенко подал документы на регистрацию в качестве кандидата в президенты Башкирии и стал активно формировать ряды своих сторонников. Таковых оказалось немало, среди них, например, активисты оппозиционной организации «Русь», печатавшей свою газету в Златоусте Челябинской области.

27 октября Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан отказала Веремеенко в регистрации. Постановление ЦИК Башкирии разместилось на доброй трети страницы официальной газеты «Республика Башкортостан». В нем скрупулезно перечисляются материалы, помещенные в разных газетах, телевизионных и радиопередачах. В сознание башкирского обывателя с их помощью внедрялся положительный образ российского банкира Сергея Веремеенко. При этом в постановлении пояснялось, что «предвыборная агитация может проводиться только при условии предварительной оплаты публикуемых агитационных материалов из средств избирательного

фонда кандидата». Второй мотив — Веремеенко «использовал при финансировании своей избирательной кампании, помимо средств собственного избирательного фонда, иные денежные средства, составляющие более пяти процентов от установленного законом предельного размера расходования средств избирательного фонда» (прошу прощения за обильное цитирование бюрократических перлов).

Вскоре Центризбирком РФ отменил постановление региональных коллег и обязал их зарегистрировать Веремеенко. Председатель ЦИК Александр Вешняков пояснил: нет доказательств, что публикации были оплачены деньгами Веремеенко, что это его заказ.

— Содержание постановления ЦИК России начали передавать по радио за несколько дней до его принятия, — говорит член Центральной избирательной комиссии Башкирии Рим Гареев. — Это не могло не повлиять на мнение членов избирательной комиссии федерального уровня. А потом, после указания Александра Вешнякова, ни в одной газете не было информации о том, чем же руководствовались члены нашей комиссии. В итоге избиратель не получил полной картины происходящего.

ЦИК Башкортостана вновь не зарегистрировал Веремеенко. А наблюдатели вспомнили, как «рубился» за Александра Усса Красноярский крайизбирком. И предположили, что башкирские коллеги сибиряков тоже положат голову на политическую плаху. Но битый жизнью Вешняков не позволил им этого сделать — Центризбирком России сам зарегистрировал Сергея Веремеенко в качестве кандидата в президенты Башкирии. Уфе оставалось только выполнить формальность — вручить нежелательному сопернику Рахимова удостоверение. Но в Башкирии оттянули выполнение этой миссии аж на девять дней, которые вместили и «игру в прятки» председателя Центральной избирательной комиссии Барья Кинзягулова, и беспрецедентно «смелое» решение судьи районного суда, взявшего на себя полномочия Верховного суда России и «отменившего» решение ЦИК РФ.

Веремеенко получил удостоверение и пошел в народ.

Олигархический жупел

Четыре года назад губернатор Кузбасса Аман Тулеев страдал кемеровчан нашествием московских олигархов и рисовал на карте стрелы. Эта же тактика применяется в

Уфе. Олигархов в Башкирии назвали «политической саранчой».

— Рахимов придумал этот жупел, чтобы пугать людей, — говорит доверенное лицо Сергея Веремеенко Анатолий Дубовский.

«Особое значение нынешних выборов связано с тем, что мы находимся на переломном этапе нашей истории, — заявил Муртаза Рахимов. — Республика, ее многонациональный народ смогли достойно пережить самые сложные годы общественных изменений в России. Появилось много желающих присвоить приумноженное достояние республики».

Башкирские журналисты «интригующе» рассказывают, что на Сергея Веремеенко делает ставку «сам» Сергей Пугачев. Не просто председатель совета директоров Межпромбанка, а главный представитель тех самых питерских силовиков-патриотов (Иванова и Сечина), которые имеют претензию на особое влияние на Президента РФ Владимира Путина. Именно о них в конце лета прокричал на всю страну политтехнолог Глеб Павловский. На Башкирию, рассказывают коллеги, эти люди нацелились потому, что у их финансово-промышленной группы имеется все, кроме территории с нефтью. А в РБ наличествуют и нефть, и ее переработка. По оценкам экспертов, нефтехимические предприятия Башкирии — «наиболее лакомые из нераспределенных активов российской нефтянки» (в 90-е годы Рахимов не позволил в республике хозяйствовать Анатолию Чубайсу). Сейчас они входят в структуру холдинга «Башнефтехим».

Неудивительно, отмечают эксперты, что в условиях кризиса перепроизводства в России сырой нефти крупный бизнес, имеющий свободные инвестиционные средства, проявляет интерес к перерабатывающим мощностям Башкирии, которые могут «переварить» разноплановое сырье, к тому же у республики есть продуктопроводы. Вот тебе и «саранча».

Другие нервные темы

В одном из осенних номеров башкирского официоза помещена статья доктора исторических наук М. Кульшарипова «Лай из подворотни, или Кому нужна дестабилизация обстановки в Башкортостане». Ученый конспективно обозначил наиболее нервные темы предвыборной гонки. Мы

живем в феодальной стране, пересказывает он публикации «вражеских» газет (в республике так: либо издания яростно официальные, либо такие же яростно оппозиционные, нормальной независимой прессы, к сожалению, нет), Рахимов загнал народ в рабство, он враг башкирского народа. По другим публикациям, Башкортостан — самая неблагополучная и отсталая республика. Во всем этом виноват «башкирбаши», «бабай», «этнократ» Рахимов.

Автор иронизирует: кто-то считает, что татары, русские и представители других национальностей ограничены в своих правах, подвергаются преследованиям и гонениям. Оказывается, саркастически замечает Кульшарипов, россиянин, живущий в Башкирии, заставляют учить башкирский язык, а в школах на его преподавание отводится больше уроков, нежели на русский. В реальности факты таковы: в целом по республике лишь 43,5 процента учащихся-башкир изучают родной язык, остальные 57,5 процента башкирских детей в качестве родного изучают русский, не говоря уж о школьниках других национальностей. Изучение башкирского языка, по официальным данным Министерства образования РБ, ведется только на добровольной основе. Башкирский язык изучают 53 часа в неделю, а русский — 63.

Башкортостан уверенно входит в группу субъектов, уровень развития которых выше, чем в целом по стране. В общем рейтинге Приволжского федерального округа (ПФО) республика занимает второе место, а по производственному и социальному секторам — первое (среди 15 областей и республик).

Кто «отметился» у «бабая»

Перед региональными выборами в гости всегда приезжает много начальства из Москвы, друзей-губернаторов и президентов республик. В Башкирии «отметились» губернатор Свердловской области Эдуард Россель, руководитель Удмуртии Александр Волков. Челябинский губернатор Петр Сумин летом дал интервью башкирской газете, а осенью не нашел, видимо, времени выбраться к Муртазе Губайдулловичу. Возможно, потому, что в последнее время наши лидеры чаще встречаются в Абзакково, когда туда приезжает Владимир Путин.

В Уфе особо надеялись на визит президента Татарстана Ментимера Шаймиева, тем более что в ноябре «случайно»

открывался татарский театр. Но не приехали ни Шаймиев, ни министр культуры РФ Михаил Швыдкой. Последний сослался на непогоду, а Ментимер Шарипович прислал вместо себя премьер-министра Фариды Мухаметшина. Тому есть причины. Наблюдатели утверждают, что во время последней переписи населения многие татары, живущие в Башкирии, были записаны как башкиры. А этого Шаймиев, который специально собирал татар по регионам (так, в частности, можно объяснить прошлогодний визит делегации из Татарстана в Челябинскую область — нашим татарам лишний раз напомнили о корнях), стерпеть, конечно же, не мог. Какая уж тут «поддержка».

Вертикаль на вертикаль

Коренной предвыборный вопрос — поддержит или не поддержит Путин? Похоже, у Владимира Владимировича очень много серьезных претензий к Муртазе Губайдулловичу. Есть проблема нестыковки законодательства России и Башкортостана. При этом главную партию в споре играет не Москва, а Уфа. Председатель Госсовета (Курултая) Башкортостана Константин Толкачев уже много лет доказывает, что в республике законы лучше, чем в России (ему, видимо, расписана такая роль, а Муртаза Губайдуллович только улыбается).

«Мы не можем пассивно наблюдать, как принимаются федеральные законы, ущемляющие интересы регионов, — заявил Толкачев на праздновании очередной годовщины «суверенитета», — и добавил, — правовые нормы, принимаемые на федеральном уровне, не всегда соответствуют требованиям других социальных норм (традиций, обычаев, религиозных представлений и т.д.)».

Чтобы понять, чем так громко хвастается главный законодатель РБ, достаточно беглого знакомства с устройством в Башкирии местного самоуправления. Проще говоря, нет у башкир никакого местного самоуправления, а глав городов и районов назначает президент республики. Мало того, до марта этого года депутатами республиканского парламента являлись те самые главы местных администраций, которых назначает президент. Правда, и теперь не лучше стало.

В марте парламент формировался по новому закону, главы администраций и госслужащие не являются депутатами, но они по-прежнему назначаются президентом, что

незаконно. В связи с этим в республике был сделан тактический ход — выборы глав городов и районов переносили сначала на 7 декабря, а теперь — на март следующего года.

Владимир Путин со своей вертикалью власти то и дело натывается на вертикаль Муртазы Рахимова, что не может добавить хозяину Кремля положительных эмоций. Но, тем не менее, Путин против президентства Рахимова, как ему свойственно, публично не высказывается. Однако все всё понимают. А избиратели Башкирии видят в самых «смотрибельных» местах огромные плакаты: сидят рядком два президента и мило улыбаются. И подпись: «Впереди много общих дел». Говорят, глава Российского государства хотел предложить Рахимову делать общее дело в Москве, на неплохой должности, но не стал, так как во время знаменитого визита в Малайзию изучил Муртазу Губайдулловича поближе. Политические сплетники утверждают, что после скандальных нападок премьер-министра Малайзии на евреев башкирский лидер публично заявил, что речь премьера неправильно перевели. Говорят, это поломало внешнеполитические наработки главы государства, который в этой ситуации хотел пройти между Сциллой и Харибдой, — не поссориться ни с евреями, ни с мусульманами.

После этого Путин и Рахимов больше не встречались. Мало того, вручать орден Петра Великого Муртазе Губайдулловичу приезжал почему-то Аркадий Вольский, который давно уже не является государственным деятелем, а возглавляет Российский союз промышленников и предпринимателей, тот самый «профсоюз олигархов», на войне с которыми строит свой предвыборный пиар Муртаза Рахимов.

Такой редкой награды, как орден Петра Великого, были удостоены генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, Расул Гамзатов, Борис Ельцин, Михаил Калашников. Видно, что действо по вручению награды готовилось для совсем другого исполнителя второй главной роли — Президента РФ. Но он из Екатеринбурга, где встречался с канцлером Германии Шредером, в Уфу не поехал.

Беспрецедентный ресурс

Ответ на вопрос, почему в Башкирии упорно не голосуют за глав городов и районов, очень прост: президенту Рахимову на период выборов нужны на местах стопроцентно свои люди. После мартовских выборов в Госсобрание

многих глав сняли — и всем стало ясно, что осенью и в начале декабря в республике будет жарко. Но прежде новый состав Госсобрания принял упреждающий Кодекс о выборах, который максимально ограничивает возможности «незапланированных» кандидатов. Предельный размер избирательного фонда очень высок — 65 миллионов рублей, сумма залога тоже неимоверно велика — 9 миллионов 750 тысяч рублей (в других регионах — 100—300 тысяч рублей). Чтобы сформировать избирательный фонд, требуется очень много юридических (320) и физических (975) лиц. Это, если кто не понял, делалось для того, чтобы не пришел олигарх с чемоданом денег и все враз не «порешал». Но, как видим, Веремеенко, нагло и уверенно используя особенности нашего менталитета, обошел этот рудут Рахимова.

— К сожалению, за последние годы наша республика приобрела незавидную репутацию региона, где выборы постоянно проходят с нарушениями и фальсификацией результатов в угоду действующей власти, — говорит руководитель филиала Российского фонда свободных выборов в Республике Башкортостан Анатолий Морозов. — Многочисленные и повсеместные факты использования административного ресурса при сборе подписей за представителей власти, агитация на рабочих местах, запугивание агитаторов и распространителей прессы отмечаются и сегодня. Более того, использование административного ресурса республиканской властью достигло беспрецедентного масштаба и сопровождается циничной уверенностью в своей безнаказанности.

В филиале фонда обеспокоены тем, что в работе избирательных комиссий активно участвуют заместители глав администраций и заместители председателей Советов городов, районов и муниципальных образований, что категорически запрещается действующим избирательным законодательством.

— В редакции газеты «Республика Башкортостан» произошло «недоразумение», — рассказывает доверенное лицо кандидата в президенты Сергея Веремеенко Анатолий Дубовский. — Материал, который по закону бесплатно публикуется в средствах массовой информации, они отказываются принять и заключать договор. Более того, в редакции пытаются внести правку в материал кандидата.

16-я республика или регион 02?

В перестроечное время в башкирском театре шла пьеса «Послы Урала». Ее сюжет был прост — с Урала в столицу России отправились представители, чтобы проситься в ее состав. Местные остроусловы быстро переименовали пьесу в «Ослы Урала». Подтекст, думаю, понятен: мол, зачем было добровольно лишать свою территорию независимости.

«Историческую ошибку» башкиры исправили в 1990 году, когда объявили «государственный суверенитет». Стать лидером 16-й республики Советского Союза для Рахимова было бы здорово, эта цифра, наверное, снилась Муртазе Губайдулловичу. Теперь же, похоже, ему все чаще снятся цифры 02. И не только как обозначение региона (номер два в России — почти круто, если не считать, что номер один — это скромная Адыгея), а во вполне милицейском преломлении. Многие в республике уверены, что вся предвыборная истерия проистекает из-за боязни Муртазы вполне конкретного расследования приватизации нефтехимического комплекса. А иначе зачем 69-летнему дедушке, которому уже пора думать о вечном, идти еще на один срок (все уже запутались, законный он или незаконный)?

Счетная палата РФ опубликовала результаты проверки Минимущества Башкирии. Она показала, как пишет журнал «Эксперт-Урал», что «нераспределенный» башкирский нефтехим приватизирован еще в апреле, причем без участия каких-либо заинтересованных структур «со стороны», будь то банки или вертикально интегрированные нефтяные компании». «Приватизация, — пишет далее «Эксперт-Урал», — проведена в интересах фактически контролирующей нефтехимический комплекс Башкирии семьи президента республики и его ближайшего окружения».

Башкирия испытывается на излом, говорил Муртаза Рахимов в одном из своих выступлений. С ним можно поспорить. На самом деле после блуждания в потемках бюрократического «суверенитета» республика испытывается на способность жить по нормальным демократическим законам России. Испытание проходят институты власти и все общество. И, похоже, ни начальство, ни народ его не выдерживают. Да и может ли быть иначе, если более 10 лет «независимый» Башкортостан жил как бы в двух измерениях — в российском и башкирском, и очень часто эти плоскости просто не пересекались.

В Уфе меня не покидало ощущение, что с помощью машины времени попал в далекое советское прошлое. Нет, внешне все, как у людей: вывески на английском, новые стеклянные здания, но стоило заговорить с людьми о выборах, как они или шарахались в сторону, или грустно опускали глаза и боялись что-либо говорить. Я готов воспринять любые цифры достижений при правлении Муртазы Рахимова, но начало политического заката «патриарха башкирской самостоятельности» показывает, что самое большое его «достижение» — это подавленное самосознание народа, его психологическая скованность. У восточных диктаторов это считается политической стабильностью, которую они оберегают пуще всего.

Я увидел на улице группу студентов — парни разных национальностей и девушка с лицом Жанны д'Арк в исполнении Инны Чуриковой. Они агитировали за Веременико. Но стоило мне с ними заговорить, как «Жанна» командовала: «Сворачиваем стенд и уходим». Это было самым сильным впечатлением от Уфы. Неужели Муртаза Губайдуллович всерьез верит, что ребята с таким менталитетом могут построить достойное будущее Башкирии?

Стремясь «размочить» электорат, обе воюющие стороны его просто утопили (кстати, сколько ни спрашивал, в киосках никакой оппозиционной прессы и в помине не было, она находит путь к читателям другими путями). У нормального человека от перекорма сладким и острым одновременно может быть только расстройство желудка, и он просто не дойдет до кабины голосования. А если и дойдет, то ответит на мощное давление и вашим, и нашим.

Нынешнюю ситуацию в Башкирии можно считать пародией на российскую жизнь. При всей своей «просвещенности» я не мог отделаться от ощущения, что наша большая страна еще не так далеко мигрировала от башкирского «суверенитета». И если постараться, то в ней очень легко всколыхнуть византийскую пыль. Сумеет ли когда-нибудь башкирское общество проявить зрелость и выдвинуть из своих рядов достойного кандидата? Станет ли республика нормальным российским регионом или в ней и дальше будет доминировать местечковый колорит? Согласитесь, эти вопросы судьбоносны не только для потомков Салавата Юлаева, но и для всех нас. Мне кажется, что при любом раскладе выборов Башкирия — в назидание нам! — останется Башкирией, своеобразной «страной в стране», в ко-

торой верхи не хотят демократии, а низы ее просто не видели и склонны думать, что массивированная информационная война, предпринятая москвичами, — это она и есть...

(Уфа, Челябинск, декабрь 2003 года)

ЗАБВЕНИЕ РУССКОЙ ДУШИ

Наверное, для всех россиян очевидно: в последние годы Президент РФ Владимир Путин стоял перед мучительным выбором — продолжать демократическое развитие страны или модернизировать ее каким-то другим путем. В первом случае необходимо (простите за оборот речи) заниматься идеологической работой, советоваться с гражданами, что требует немалых сил и времени. Во втором можно все сделать быстрее и добиться заметных результатов уже к следующим президентским выборам, которые пока еще никто не отменял. А если люди станут материально жить лучше, то они за это власти только спасибо скажут, закрыв глаза на вынужденное ограничение своих прав. И не беда, что при этом государство перестанет цацкаться с каждой отдельной личностью, ведь общественное благо — превыше всего!

Последние террористические акты дали Путину массу стройных аргументов в пользу второго варианта жизни России. Более того, террористы вручили ему моральное право пойти на ускорение (помните это забытое слово из политического лексикона 80-х?) процессов. Действительно, когда осознаешь тот ужас, в котором сейчас оказалась Россия, то меры президента по укреплению власти (назначение губернаторов, выборы депутатов всех уровней только по партийным спискам) могут показаться единственно верными. Но если посмотреть на ситуацию шире, с позиции истории и общечеловеческих ценностей, то становится очевидно: предпринимаемые властью шаги способны только сжать пружину проблемы, добиться лишь временного успеха, ибо успешное управление страной всегда основывается не на принуждении, а на естественных принципах, не противоречит природе человека.

Общество сейчас раскололось на тех, кто за меры президента, и тех, кто против. Может, я не все читал, видел по

телевизору и слышал по радио, но, похоже, никто еще ничего не сказал о нравственной и исторической ответственности лидера нации.

Согласитесь: миссия президента — не только укрепление государства, не только борьба с его врагами и удвоение ВВП, его главная цель — дать возможность расцвести душе нации! А душа эта быстрее взрослеет и развивается только тогда, когда имеет возможность выбора, право совершать ошибки, падать, больно мучиться, но вставать и идти вперед. При серьезных угрозах лидер нации всегда напрямую обращается к своим согражданам (помните неожиданное сталинское обращение «братья и сестры»), старается еще больше им доверять. Общая беда сплачивает власть и народ. Обе стороны начинают чувствовать свою особую ответственность за страну. В трудную годину эту общность настоящий лидер бережет, как свое самое большое достижение. И не дай ему Бог усомниться в тех, кто в этот тяжелый момент идет вместе с ним.

По большому счету, дело не в том, что гражданам предлагают смириться с назначением региональных руководителей и с избранием депутатов только по партийным спискам. А в том, что в самый ответственный момент людям выразили недоверие. Причем выразил его тот, в кого они так беззаветно верят. Уже выйдя с народом в разведку, бывший разведчик Путин вдруг объявил, что сомневается в нем. Если смотреть шире, то это, без стеснения показаться пафосным, можно назвать историческим забвением русской души.

Путина сейчас еще рано называть подлинным лидером нации. Это скорее антикризисный менеджер, который в конкретный исторический отрезок времени старается выполнить задачу-минимум — отодвинуть страну от края пропасти. Возможно, решив ее, он сможет стать для России, россиян и всего мира по-настоящему большой исторической личностью. Но очень велика опасность, что перманентно усиливающийся гнет власти может вытравить все те хрупкие и зачастую действительно очень уродливые ростки демократии, которые худо-бедно, но все-таки появились на российской почве в 90-х годах. И когда все террористы будут замочены в сортирах, а власть, наконец, пронзит своей «животворящей» вертикалью все поры общественной жизни, в Кремле скажут: «Ну, вот и славно, теперь можно строить демократию». Но боюсь, что к той поре строить ее будет уже не с кем. Дух нашего народа будет окончательно укрошен.

«Нечаянно», но умело зачищенная русская душа погрязнет в сложно-бытовой технике, кулинарных поединках и просто не сможет понять неожиданных и непонятных призывов власти осознать себя гражданами.

Нет, это не политические фантазии автора. Давайте скажем честно: на протяжении всей истории «простому» россиянину власть всегда многого недоговаривала и никогда по-настоящему не доверяла. Русского человека русские же правители во все времена считали если не быдлом, то каким-то полуинфантильным существом, которому нельзя доверять самостоятельно совершать по-настоящему серьезные деяния. Большинство наших людей в последние годы стало осознавать себя источником власти. Но, как показала реакция общества на инициативы Путина, для этого большинства более привычна все-таки другая роль. Послушав президента, люди быстро вспомнили свое «историческое» место. И это самое страшное. Человек наш так привык к унижению и недоверию, что уже и не удивляется...

А когда в тебя не верят, ты тоже начинаешь ни во что и ни в кого не верить. И начинаешь жить изолированно от общественных проблем, заботясь только о благополучии своей семьи. Само по себе это неплохо, если не забывать, что хорошие и не очень хорошие семьянины, отодвинутые в канаву общественных интересов, считают возможным приворовывать и обманывать себе подобных. При этом у всех есть «моральная» отговорка — мол, они (начальство) творят и не такое.

С нацией, которая работает только за ломаный грош, исторического прорыва не совершишь, ибо человек, который ставит себе единственную цель — заработать деньги и игнорирует общественную боль, по большому счету уже не человек, не божественное создание. Это опасный социальный мутант, равнодушие которого может привести страну к непоправимой катастрофе.

Можно сказать, что в конце XX века исторически измотанные, ни во что не верящие россияне получили шанс покончить с многовековыми сомнениями, метаниями и выйти, наконец, на определенный путь развития, который бы способствовал их духовному росту и не противоречил многовековым традициям. Подходит ли для этого демократия? Однозначного ответа на такой вопрос быть не может: в мире нет ничего одномерного, и у демократии, это общеизвестно, есть немало негативных сторон. Но опыт уже второго десятилетия показывает, что, несмотря на все издержки, доста-

точно многие люди восприняли предоставленную им возможность влиять на судьбу страны (кстати, в истории России уже были периоды, когда народ, как говорится, не безмолвствовал. В XVI веке — во времена Ивана Грозного! — в стране работало самоуправление народа через черные сотни, организации свободных людей, у которых были свои губные, земские старосты, имелся даже суд присяжных!). И если их сейчас ударить по голове обухом власти, они потом могут и не поверить ее красивым призывам.

В любой развитой западной стране, где общество зрелое, лидеры не стоят перед необходимостью воспитывать нацию. У нас ситуация иная — русская душа противоречива и несовершенна. О ее безусловных достоинствах умолчим, но честно признаемся, что зачастую мы вороваты, равнодушны, злы и социально неуклюжи. Выйдя из-под многовекового унижения (царей, бояр, чиновников, коммунистов и т.д.), общественно неокрепшая русская натура стала развиваться, многие люди начали осознавать свою ценность. Перед любым российским президентом на этом историческом отрезке времени встает задача укрепления позитивных начал, укрепления их не только в социально-политических институтах, но и в русской душе. Он должен ее почувствовать, полюбить. Это можно сделать только на основе взаимного доверия, опираясь на искреннее стремление людей решать самые сложные проблемы. Вместо этого Путин решил по традиции опираться на чиновников.

Дело не только в том, что люди не будут выбирать губернаторов. Как мне кажется, обществом еще не до конца осознано то, что стране предлагают выбирать по партийным спискам не только депутатов Госдумы (что хоть как-то объяснимо), но и депутатов региональных парламентов, городских, районных и сельских Собраний и Советов, что просто абсурдно. О каком местном самоуправлении можно говорить, если партийному депутату Степану с соседней улицы будут диктовать, как голосовать по вопросу размещения ядерных отходов, партийные товарищи из столицы, которым до какого-то, извините, Мухосранска дела нет?

Конечно, при таком раскладе в стране все будет предельно управляемо. Но тот же Петр, который раньше голосовал за соседа Степана, в другой раз может больше не прийти на выборы, чтобы не голосовать неизвестно за что. Лучше он пойдет и снова напьется, помянув перед хмельным забытием недобрым словом президента и его «опричников».

Россия прошла уже достаточно большое расстояние по демократической дороге. Двигаться по ней дальше мучительно трудно (а что в нашей стране не мучительно?). Но сворачивание с намеченного курса не менее мучительно — уж слишком далеко мы зашли (любой управленец знает, что нельзя сначала что-то давать людям, а потом отнимать.) Развернувшись и петляя, страна может заблудить, попасть в исторический, цивилизационный тупик. У нее уже нет всеобъемлющего стержня — православно-монархического, авторитарно-коммунистического. И вот теперь из тела России вынимают и пока еще хрупкий демократический позвоночник. Если во имя укрепления страны отменили выборы глав регионов, то, будем друг с другом честны, не очень далеко и до отмены выборов президента. Обосновать это можно очень хорошо: при угрозе глобализации, необходимости сохранения огромной страны и т.д. требуется устойчивость и преемственность власти. Но вот «беда»: другого способа, кроме выборов, смены верховной власти в России просто нет, и придумать что-либо пристойное очень трудно. Вот и мудрят наши правители с так называемой управляемой демократией, преемниками. У нормальных, уважающих себя людей это вызывает изжогу. Далеко за примером ходить не надо. В соседнем Казахстане в этом году выбирали парламент. Я там был минувшим летом, когда кампания только начиналась. Говорил с политиками, «простыми» обывателями. Первые сетовали, что никому ничего не надо, нет интереса к выборам, вторые этого не отрицали и только отмахивались от разговоров о политике. «Простые» люди в соседней стране уже давно привыкли, что за них все заранее решает руководство, а они только участвуют в некоей демократической инсценировке. И, что самое грустное, формально очень многие граждане уже не хотят против этого протестовать. Они отделили себя от власти, государства и вообще от необходимости влиять на судьбу страны, в которой живут. Я уверен, что так же организовано в Казахстане пройдут и выборы президента.

Путин и Назарбаев часто встречаются. Наверное, делятся опытом. Похоже, в России многое делается в соответствии с духом казахстанского опыта. После захвата заложников в Беслане у меня возникло такое же ощущение, какое было восемь лет назад в Казахстане, — что живу в какой-то второсортной стране, где государственные институты ничего не гарантируют, где все держится на воле единоличного правителя, его твердой руке, где, и, несмотря на

это, в любое время может случиться беда. Ощущение нахождения на обочине усилилось, когда Президент РФ выступил с предложением отменить выборы глав регионов.

Многим лидерам удобнее иметь дело не с ответственным гражданским обществом и даже не с народом, а с безропотным и бесправным населением, которое мало чем отличается от стада баранов. Но надо понимать, что когда на стадо нападают волки (читай — террористы), защитить его может только пастух. Не слишком ли большую ответственность берет на себя глава государства?!

По большому счету, стране необходим референдум. Если нынешнее российское общество поддержит предложения главы государства, значит, туда нам всем и дорога. Велика вероятность, что люди именно так и поступят. Чаще всего — не осознавая последствий. В такой драматический момент на первый план как раз и выходит ответственность лидера. Повторяюсь, лидера не государства, а нации. В этот самый сложный исторический период он должен осознать свою высочайшую роль и поверить в людей. Мошь объединенных масс намного сильнее бюрократической поддержки (чиновники-то уж точно почуяли запах денег за назначение губернаторов и включение в партийные списки, своего они постараются не упустить). А пока массы покорно разуваяются в аэропортах и делают вид, что им тоже небезразлична борьба с терроризмом.

Если вдуматься в этимологию слова «народ», то получается, что оно происходит от слова «народились», появились на свет. Есть в этом что-то физиологически-унизительное. Народ — это все равно, что приплод. «Я верю в свой приплод» — слова, достойные любого диктатора.

Не хочется верить, что наступит время, когда приплод и партия будут едины.

(Челябинск, октябрь 2004 года)

РОССИЯ — ЗАЛОЖНИЦА ЗАПАДА И СВОЕГО ПРОШЛОГО

В марте 2008 года в России прошли выборы президента. Как и ожидалось, новым главой государства стал преемник Владимира Путина Дмитрий Медведев. Как мне представляется, эти дни в стране завершили очередной цикл развития. Он начался в августе 1991 года известными событиями в Москве. За ними последовали распад СССР и смена общественно-политического и экономического вектора. И, похоже, мы до сих пор не осознали того, что в те дни русская нация «встала на путь демократического развития», в общем-то, достаточно НЕОЖИДАННО для самой себя. Полагать, что в Союзе были все предпосылки для коренной переориентации общественно-экономической формации, что не только политически озабоченный узкий слой преимущественно интеллигенции, а широкие народные массы прямо-таки жаждали свободы, просто наивно. Не осознали мы и того, что в 1991-м страна не просто взяла на себя очень высокие обязательства (с демократией, как и с любовью, не шутят!), а ПОПАЛА В ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ, МОРАЛЬНУЮ, КУЛЬТУРНУЮ И ЦИВИЛИЗАЦИОННУЮ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ЗАПАДА!!! А как же иначе, если мы перекинулись со своего, русского политического поля на ухоженные европейские и американские луга. И только в марте 2008 года, вдоволь наплутавшись по чужой территории, словно разведчики (только дерзкую вылазку «в тыл противника» совершала не группа отчаянных парней, а вся многомиллионная рать), выбрались на тропинку, которая может привести нас к своим истокам.

Теорий, на основе которых Владимир Путин и компания строят (во всех смыслах) страну, немало. Крайние называть не будем. А самая официальная и «сбалансированная» — суверенная демократия. Впервые этот термин весной 2005 года публично употребил заместитель главы администрации Президента РФ Владислав Сурков в программной речи перед активом партии «Единая Россия». И сейчас его продолжают «пользовать» политизированные слои российского общества. Удивительно, но первыми в стране этот термин юридически обосновали ученые из Челябинска — академик РАЕН, доктор юридических наук, декан юридического факультета ЧелГУ Валериан Лебедев (мы с ним хорошо знакомы еще по Кустанаю) и кандидат юридических наук Валерий Киреев. Их труд в 2007 году

был опубликован в «Российской газете» и журнале «Политический класс», издана книга. Теперь суверенная демократия — не просто термин, а политико-правовая концепция. В Челябинске создан Центр конституционно-правовых исследований проблем суверенной демократии — первое в России научное подразделение такого профиля. В. Лебедев назначен его директором, а В. Киреев — первым заместителем. В конце 2007 года в ЧелГУ прошла Всероссийская научная конференция, посвященная суверенной демократии. Незадолго до нее В. Лебедев и В. Киреев дали большое интервью автору этих строк (оно было опубликовано в газете «Челябинский рабочий» 1 сентября 2007 года).

Когда я читал труд наших ученых, то, пробираясь через научные термины, на уровне понимания обычного человека вывел два простых положения. Первое: суверенная демократия — это когда другие страны не вмешиваются в российскую жизнь. Второе: наши люди не отстраняются от государства и власти и руководствуются их «пожеланиями». Это согласуется с известным «постулатом» о единстве в России народа и «партии».

Вместе с тем, российские чиновники уже адаптировались к ситуации, когда, в принципе, приходится мириться с наличием подобия общества, а не просто населения. Я побывал на встрече полпреда Президента РФ в Уральском федеральном округе Петра Латышева с главными редакторами газет региона (она прошла в сентябре 2007 года, перед «историческими» выборами в Госдуму, названными референдумом в поддержку В. Путина). После «отрепетированного» вопроса одного из коллег речь зашла о так называемом общественно-государственном партнерстве. Общественные организации, удовлетворенно констатировал Петр Михайлович, реализуют свои интересы не только через общественные палаты, но и непосредственно участвуя во многих делах власти — присоединясь к всевозможным проверкам, к реализации приоритетных национальных проектов и т.д.

Стоит заметить, что упомянутые палаты не выросли «снизу», их создали «сверху». Став еще одним управлением администрации президента и региональных исполнительных структур, такие общественные единицы вряд ли могут вступить в полноценный диалог с чиновниками. При демократии общество все-таки должно контролировать власть, а не сливаться с ней. Памятуя о наших российских «обычаях», нетрудно представить, как махровый суверенный бюрократ с толстым затылком душил своего тшедуш-

ного партнера в «искренних» объятиях. Я бы еще понял, говори чиновники о некоем переходном периоде, который необходим, чтобы разбудить «спящее» общество, научить его конструктивно взаимодействовать с властью. Но, похоже, наши «государевы люди» считают общественно-государственное партнерство едва ли не окончательной «формой работы». При этом как заклинание произносится слово «консолидация».

По-иному у нас и быть не может. Демократия не появляется быстро и сама собой, ее зерна прорастают в обществе и власти постепенно. Общеизвестно, что западные государства шли к своему нынешнему устройству веками, а у нас «народовластию» нет еще и пары десятков лет. В начале 90-х, при президенте Борисе Ельцине, мы, чтобы как можно быстрее «встать в ряд цивилизованных стран», начали «внедрять демократию» чисто советскими методами, форсированно, не считаясь с естественностью жизни. Как это ни парадоксально, но после 1917-го и после 1991 годов в стране шли практически идентичные процессы. Говоря языком милицейского протокола, «группа лиц по предварительному сговору совершала над Россией действия революционного характера». Если вдуматься в суть, то Борис Ельцин и его единомышленники своей «демократической реформой» логично продолжили линию большевиков, поскольку идеи, с которыми шли на слом «старого мира» и в 1917, и в 1991 годах, были **ЗАИМСТВОВАНЫ** на Западе!

Встав во главе государства, Владимир Путин отнесся к «демократическому наследию» бережно, но по-своему. Так называемые олигархи, в один миг получившие при Ельцине просто немыслимую собственность, быстро смекнули, что лучше «равноудаленно» не высываться и все делать так, как хочется власти. А «простые российские люди» стали активничать только под контролем и голосовать так, как подсказывает ...нет, не совесть, а опять же она, власть. Вряд ли политика Дмитрия Медведева претерпит в этом смысле какие-то кардинальные изменения. Никуда не денется засилье политтехнологов, «обустройство» мозгов (сам Дмитрий Анатольевич Медведев долгое время был не просто первым вице-премьером, ответственным за приоритетные национальные проекты, а стратегическим пиар-проектом под названием «Дмитрий Медведев»). Смотришь «ящик», а там одно — власть хорошая с этой стороны, с той, других точек зрения практически нет. Людей не информируют, а накачивают пиар-зельем по рецептам политтехнологов.

Впрочем, многим россиянам и не нужны объективные новости, как не нужна ни «чистая», ни суверенная (по сути, суррогатная) демократия. Они отстраняются от власти: вот — мы и где-то там — они, «начальники». Пусть те, кто наверху, нам голову не морочат, объяснял мой родной дядя Витя Лузин из села Абатское Тюменской области (он всю жизнь проработал сварщиком, сейчас на пенсии, балагур и просмешник — настоящий шукшинский герой, я его очень люблю). Пускай сначала между собой договорятся, что-то решат, а потом людям расскажут!

Авторы концепции суверенной демократии очень хорошо понимают эту особенность народного самосознания. Более того, они не считают вышеописанное российской особенностью, ибо не сомневаются: «чистой» демократии в природе вообще не бывает. Мол, в любом обществе есть устои, от которых отталкиваются законы. Поэтому, утверждая они, говорить, что «чистая» демократия — западная, неверно. А на Западе — свои резоны. Там хотят «незамутненной» демократии не только у себя. В ноябре-декабре 2006 года я по приглашению Фонда Фридриха Наумана (эта структура названа именем известного немецкого либерального политика) в числе других российских журналистов побывал в Германии. Особенно запомнились встречи с депутатами немецкого парламента, в частности, с заместителем председателя фракции либералов, членом комитета Бундестага по правовым вопросам Сабиной Лойтхойссер-Шнарренбергер (она приезжала в нашу страну от Европейского Союза изучать «дело Ходорковского»). Во время дискуссии кто-то из немецких друзей заметил: думать, что русский народ не способен к демократии, — это расизм.

Демократия, если отбросить все прилагательные и прочие нагромождения, очень простая вещь. Это, прежде всего, процедура, когда общество изъясляет свою волю, а власть делает то, что оно хочет. По мнению авторов концепции суверенной демократии, такого нет ни в одной стране мира, за исключением, может быть, «какого-то племени, затерянного в джунглях Амазонки». А романтики «чистой» демократии и либерализма не устают повторять, что это возможно, только активность, инициатива людей, то самое долгожданное гражданское общество должны, как трава, вырасти снизу. Но у нас что-то не прорастает. А если и пробивается, то часто какие-то сорняки. Митингует, например, некая группа граждан против чего-то, а все уже понимают, что этих людей наняли, их шумиху оплатили...

В октябре 2007 года мы встречались в Подмоскowie с лидером партии «Яблоко» Григорием Явлинским. Может быть, сказал я Григорию Алексеевичу, россияне не голосуют за либералов потому, что не считают их идеи и ценности своими, у нашего народа другая историческая и генетическая память (через два месяца на декабрьских выборах «Яблоко» снова не прошло в Госдуму). Явлинский отвечал эмоционально и очень логично, чувствовалось, что он об этом тоже много думает. Да, согласился, надо понимать свой народ. И высказался в том духе, что **либерально-демократические идеи не противоречат культурному коду русского человека**. Просто их не так ему преподносят. А вообще, отметил Явлинский, история России — это цепь коротких возвращений к либерализму и его мучительных отрицаний...

У нас в стране действительно слишком часто меняются правила общественно-политической игры. И потому у многих нет ощущения основательности, предсказуемости. Многие люди не чувствуют, что власти относятся к демократии по-настоящему, без дураков, что с ними не заигрывают. Поэтому считают народовластие не устройством жизни, а лишь неким ритуалом, тем, что при необходимости можно показать «ненавистному» Западу — вот, мол, и у нас все, как у «добрых людей». В этом контексте суверенную демократию легко посчитать специальным идеологическим учением, которое власти придумали для того, чтобы сказать: мы особенные, «цивилизованные страны», к нам не лезьте, и под прикрытием суверенитета творить все, что хочется...

Нельзя однозначно утверждать, что «кремлевские стратегии» в принципе против «чистой» демократии, но реалии жизни сейчас таковы, что она не может стать для власти имущих безусловным приоритетом. В лицо России смотрит глобализация. И, боясь ее, не стоит создавать автаркию, замыкаться в своих границах и пытаться жить за счет собственных ресурсов, не взаимодействуя с другими странами. Следовательно, нужно участвовать в глобализационных процессах. Россию же видят на этом поле в качестве конкурента. И права человека и прочие либеральные ценности порой становятся своеобразным политическим рычагом, чтобы повлиять на «евразийского сфинкса». И тогда, считают теоретики, становится понятнее смысл словосочетания «суверенная демократия». Мы, говорят они, еще до конца не отстояли даже целостность России, пора осознать, что без консолидации народа и государства у нас нет буду-

щего. Нас либо порвут на десятки территорий, либо превратят в полноценный сырьевой придаток, а не в энергетическую сверхдержаву. Время, процессы, происходящие в мире, не дают нам такой роскоши, как строительство какой-то дистиллированной, незамутненной различными превосходящими обстоятельствами демократии. Верховной власти надо не только права человека защитить, но и страну сохранить. И чем-то приходится жертвовать...

Говоря о выше упоминавшихся ментальных предпосылках суверенной демократии, многие подчеркивают: вот пройдет какой-то срок, и люди дорастут до необходимых кондиций, наш народ, мол, по природе своей свободолюбив (точнее — вольнолюбив), просто обстоятельства не позволяли ему развить это качество. Я пишу о демократии около 20 лет, столько, сколько ее строят в современной России. И тоже довольно долго думал именно так. Но вот незадача: за эти десятилетия наш среднестатистический человек в своем отношении к власти мало изменился, практически «не повзрослел». А если и повзрослел, то по-иному. Поначалу хоть был какой-то романтический порыв, пусть слепая, но все-таки надежда на демократию, а сейчас, очень похоже, народу ее просто не надо. Он хочет быть самим собой?! За много веков у русских сформировалась стойкая потребность верить власти. При всей беспощадной критике «вождей» у нас осталось к ним сакральное отношение. Мы можем обижаться на «начальство», можем даже ему хамить, но потом остываем и по-детски радуемся, когда получаем что-то из «царских» рук. Наш человек очень любит, когда о нем заботятся! Он верит, что власть о его существовании всегда помнит, что она никогда его не бросит. И когда кто-то из «низов» пробивается «наверх», он сразу приобретает невидимый ореол небожителя. Людям хочется верить в эту тайну. Но они жестоко обращаются с теми, с кого спадает ее покров. Мне кажется, что эти тайники нашей души еще по-настоящему не исследованы психотерапевтами. Однако и без них понятно, что российское общество пока просто не может по-европейски оппонировать власти, контролировать ее.

... Общеизвестно: западная цивилизация живет, опираясь на законы, азиатская — на обычаи. Россия всегда была крепка идеей, верой. В царское время было триединство — православие, самодержавие, народность. Народ верил в Бога, верил в его помазанника царя. Как отмечал историк-офицер Вадим Кожин, подорвали в начале XX века веру в

верховного правителя — и все рухнуло. Затем большевики воссоздали государство, основанное на вере в коммунистическую идею. Когда окончательно подорвали веру и в нее, рухнул СССР. Но теперь уже для многих очевидно: пока есть идея, талантливый и мужественный русский человек, верящий в государство и в правителей, способен на многое. Он освоил громадные пространства и подружился со всеми евразийскими народами, отстоял рубежи своей страны и подарил миру массу научных открытий, великую литературу и т.д. Несколько десятков лет СССР взаимодействовал с США и прочими развитыми странами на паритетной основе. Нельзя не согласиться с нашими «классическими» патриотами, которые говорят, что неполноценная, незрелая нация ничего подобного достичь не может! Поэтому стоит более внимательно и уважительно присмотреться и к особенностям взаимоотношения русских со своей властью и не спешить вешать на них ярлык недоразвитых, раблепных и т.д.

Значит ли вышесказанное, что демократия — это изобретение Запада, действительно не нужна русскому человеку? Повторюсь, в 1991 году он ее не выбирал. Эта доля свалилась на него неожиданно. Нас словно забросили в другую страну, забыв объяснить, на каком языке там говорят и по каким законам, традициям живут. **ТАКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РЫВКИ ДАРОМ НЕ ПРОХОДЯТ!!!** Они неизбежно порождают всевозможные недоразумения и конфликты. Не удивительно, что весь наш «десант» на Западе сразу же стали массово «разоблачать». Так, может, всем нам — и властям, и обществу — стоит честно констатировать это?! Провести более точную культурно-историческую идентификацию и сказать, что мы строим не демократию, какие бы слова к ней ни приставляли, а традиционное русское общество, основанное на вере нации в своих правителей (такие проблески народовластия, как, например, черные сотни и суды присяжных времен Ивана Грозного (!), о которых я упоминал в эссе «Забвение русской души», а также городские веча, казачьи сходы и земство, о которых настойчиво напоминает Александр Солженицын, для истории России все-таки исключения.) И тогда отпадет нужда во вредных для нашего народа политехнологах, не надо будет «зомбировать» людей, суетиться с подсчетом голосов и постоянно то оправдываться перед Западом, который пытается надеть на наше нестандартное богатырское тело костюмчик типовой демократии.

В ноябре 2007 года я побывал по приглашению Евросоюза в Брюсселе. У нас, российских журналистов, было очень много встреч с чиновниками и экспертами объединенной Европы. На одной из них мы с главным редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» Дмитрием Шерехом пытались пояснить, что Россия — это не недоразвитый Запад, а **особый культурный и цивилизационный «континент»** (в частности, речь шла о том, что огромное и разнородное пространство определяет специфику власти, холодный климат — общинность, поэтому россияне не такие индивидуалисты и собственники, как западные люди и т.д.), и хорошо бы европейцам понимать и принимать это. Но наткнулись на стену: представители Старого Света за много веков, начиная с XVIII, когда мы вместе с Петром Первым встали в позицию учеников Запада, привыкли к роли старших, призванных нас учить...

Российская верховная власть все вышеназванные проблемы, конечно же, понимает, но одновременно она понимает, что вернуться к традиционному русскому обществу просто нереально. Не может же президент встать и сказать: я — единственный и неповторимый и потому буду править долго-долго. Наш народ, пожалуй, и такое проглотит, но это, как говорится, будет уже слишком. С другой стороны, тот же самый народ не хочет по-настоящему, без подсказки сверху, не в «зомбированном», а в «трезвом» состоянии брать на себя ответственность за судьбу страны. В любом случае, касается это «традиционного российского общества» или «нетрадиционной» демократической ориентации, власти надо действовать либо жестко, по-революционному, на что сейчас никто не пойдет, либо идти эволюционным путем, опираясь все-таки на само ЕСТЕСТВО ЖИЗНИ. Но нет уже носителей тех традиций, которые жили до 1917 года (их духовные преемники сейчас только формируются, но они вряд ли могут составить основу нашего общества, это будет не более чем один из его «сегментов»). И не сформировались народные, а не интеллигентски-прослоечные носители демократических традиций, они в одночасье, за неполных два десятка лет не вырастают (ни олигархически-халявная собственность, ни собственность, нажитая честным трудом, ни другие базовые интересы не структурировали наших людей в сознательное и ответственное общество). Зато живы-здоровы носители советских традиций (если разобраться, они стали несколько извращенным продолжением главной русской линии, в которую после больших потрясений трансформирова-

лись марксистские революционные идеи), в том числе «последнее поколение советских людей», к которому относится и автор этих строк. Вот и приходится нашей власти «спускаться на землю» и конструировать нечто советское по сути и демократическое по риторике. Иного России, оказавшейся одновременно ЗАЛОЖНИЦЕЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО, пока не дано.

А лет через 20, когда закончится начавшийся в марте 2008 года цикл развития страны, когда вырастет еще одно поколение русских людей, окончательно будет видно, куда мигрирует(!) Россия. Вряд ли она неожиданно для всех и самой себя быстро станет «настоящей западной страной». Согласитесь, по-западному мы пока хотим только потреблять товары и услуги и путешествовать (особенно по Шенгенской зоне). Не будет Россия и тем самым сфинксом, принципиальным неЗападом. Скорее всего, действительно сформируется некий промежуточный вариант (но тогда уместнее говорить все-таки не о суверенности, а о специфике нашей демократии!). Как бы он ни назывался, хочется одного — естественной и радостной жизни...

(Челябинск, сентябрь 2007 года — март 2008 года)

СОДЕРЖАНИЕ

Все мы мигранты на этой земле (вступление автора)	3
Верность традициям очерка	5
МИГРАНТЫ	9
1. Разлом	10
2. Новая идеология	18
3. Искусство невозможного	24
4. Пикирующая экономика	30
5. Социальная беззащитность	35
6. Исход	41
Послесловие через 10 лет	50
Василий Яковлевич учится читать	55
Две победы дояра	59
Разъездной фельдшер	63
Максималист	67
Старик и волк	72
Награда первоцелинника Марачуненко	75
Чабанское счастье Катимы	82
Тургайский Нептун	86
Фаворит советской системы	87
Генерал песчаной карьеры	95
ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА	108
Воспроизводство зла	108
Общество без авторитетов	111
Показная доброта	112
Медвежьи услуги	114
Что нам в себе беречь?	115
«Объятия» вместо диалога	117
Из переписки с Гульнар Асанбаевой	119
Свобода прессы — естественная вещь	125
МИГРАНТЫ-2	131
От автора	132
1. Мистер Вася Иванов и другие	135
2. Загадочная американская душа	148
3. Коммунизм, в котором не хочется думать	163
4. Их право и наше лево	179
5. С чего кончается Родина...	194
6. Планета у нас одна	208
Прагматик с человеческим лицом	220
Горячая осень Муртазы	228
Забвение русской души	239
Россия — заложница Запада и своего прошлого	245

Л. Н. Лузин
МИГРАНТЫ

Документально-художественное издание

Компьютерная верстка — *С. Лопатина*
Художественное оформление — *И. Мякишева*
Корректоры: *Л. Яковлева, Н. Медведева*

Подписано в печать 18.12.08. Формат 84×108^{1/32}
Усл. п. л. 13,44 + вкл. Тираж 1000 экз. Заказ 3336.

ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Автор выражает благодарность губернатору Петру Сумину и предпринимателю Константину Струкову за помощь при подготовке книги.